

OCEANUS SARMATICUS

Литературный альманах

*Два государства объемлем мы душою:
одно поистине общее, вмещающее
богов и людей... и другое, к которому
мы приписаны рождением.*

ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА.
Нравственные письма к Луциллию

2 || 2017

КАУНАС * РИГА

* * *

Руководитель проекта – *Эляна Суодене*

Главный редактор – *Альберт Снегирёв*

Заместитель главного редактора – *Вера Виногорова*

Ответственный секретарь – *Анна Снегирёва*

Компьютерная верстка – *Екатерина Холявицкая*

Дорогой читатель!

Наш Путь только что начался, надеюсь, что будет он достаточно долгим и интересным – и событиями, и людьми, и произведениями их. У нас для этого есть определенный запас творческих возможностей, пополнить который может каждый – своими впечатлениями, размышлениями, убеждениями...

И все это будет для НАС – и авторов, и издателей...

И – очень надеюсь! – читателей...

Наш портфель открыт для всех! Нам интересны Ваши стихи, проза, эссе – всё, что находите интересным и Вы.

Альберт Снегирёв

ISBN 978-9934-19-144-2

e-mail: sarmaticus@inbox.lv

e-mail: snegiri77@rambler.ru

e-mail: e.suodiene@gmail.com

e-mail: anna.snegirjova@gmail.com

© Центр культуры им. Л. П. Карсавина

© Альберт Снегирёв

© Авторы, переводчики

Не смотри на будущее хмуро,
Горестно кивая головой...
Я сегодня стал литературой
Самой средней, очень рядовой.

Пусть моя строка другой заслонится,
Но благодарю судьбу свою
Я за право творческой бессонницы
И за счастье рядовых в строю.

Геннадий Шпаликов

Роза Шорникова***Россия, Москва****Член СП России.**Член-корреспондент Петровской
академии наук и искусств.**Автор семи сборников стихов,
романа, сборника рассказов и повестей.**Обладатель нескольких дипломов
и премий за вклад в развитие
литературы и культуры.***ЗОЛОТАЯ РЫБКА**

Она лежала на кровати – маленькая, сухонькая. Вокруг суетились какие-то люди, о чем-то говорили вполголоса, звякали шприцами, что-то обсуждали. Ей было все равно, ее это не касалось...

...Он увидел ее на улице. Вернее, он увидел огненно-золотое облако, летящее над хрупкой точеной фигуркой. Шелестели зеленоватым серебром пирамидальные тополя, журчал арык, бегали чумазные узкоглазые ребята. Но он ничего не замечал, он, словно зачарованный, шагал за ней и боялся даже моргнуть, чтобы это чудо вдруг не исчезло...

...Она знала, что он идет за ней, хотя и не видела его. Она немного замедлила шаг и чуть-чуть встряхнула головой. Она наслаждалась этим мгновением обольщения и обожания. Она знала, почему делает это, и прощала себе такую маленькую женскую шалость...

...Боже мой, он никогда не видел ничего подобного! Девушка немного повернула голову, и от этого огненного шара в разные стороны посыпались золотые искорки, переливаясь на ярком солнце. Он пытался представить себе ее глаза. Они должны быть каре-золотыми или зелеными, и, непременно, очень большими. Ему очень захотелось в них заглянуть. Он прибавил шаг...

...Она почувствовала его приближение. Все. Пора. Остальное – бессмысленно. Она резко остановилась и повернулась лицом к юноше.

Какое чудо! Он не ошибся! На него смотрели удивительной красоты огромные с поволокой миндалевидные глаза. Казалось, еще мгновение, и он ринется туда, в эту изумрудную бездну, чтобы уже никогда оттуда не выбраться. А в следующее мгновение он увидел ее лицо, обезображенное сморщенной зарубцевавшейся кожей. Давнишний след, оставленный безжалостным огнем.

Она виновато улыбнулась, развернулась на каблучках и зашагала прочь. У него не хватило сил ее остановить...

Прошло две недели. Он ждал ее у ворот больницы, где она работала. Как он узнал, где она работает? Они даже не поздоровались, а просто кивнули друг другу и молча пошли рядом. Они знали, куда и зачем идти, и этого было достаточно.

Как им было хорошо вдвоем. Маленький уютный чистый домик, ухоженный сад. Много цветов. Она очень любила их: разные, душистые, красивые. Но каждый год на ее День рождения он приносил огромный букет желтых роз. Почти золотых. Она прижимала ароматные цветы к своей груди и волосы, рассыпанные по плечам, касались нежных лепестков. А он никак не мог насмотреться на свою Золотую Рыбку.

Бог не дал им детей, и он всю свою любовь и нежность дарил только ей. Если бы было можно, он бы все время носил ее на руках, такую маленькую, беззащитную, только его.

С войны он вернулся живой, с трофеями: необычайной красоты платьем и маленькой обезьянкой. И не важно, что бумажное платье при первой же стирке «растаяло», а мартышку, из-за несовместимости характеров, пришлось отнести в зоопарк. Главное, что они опять были вместе.

...Его не было с ней уже 17 лет 3 месяца и 8 дней. Она точно знала, сколько лет, месяцев и дней она живет без него...

...Какие смешные. Думают, что она ничего не слышит и не понимает. Зачем суетиться, ни к чему все это. Завтра – ее День рождения. А значит, ей надо быть там, рядом с ним, среди золотых роз и вечности...

Лето, 2002, Дедовск

Владимир Орданский
Россия, Самара

*Поэт и прозаик.
Произведения публиковались
в ряде интернет-журналов.*

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Живем мы в селе Лебеди, в старом покосившемся срубовом доме, стоящем на отшибе, на склоне глубокого оврага, по дну которого сочится ручеек, связывающий большой пруд посреди села с цепочкой озер. Озера тянутся через лес далеко, почти до самой трассы. Не знаю, откуда у села такое поэтичное название – никаких лебедей тут, говорят, отродясь не водилось. Да и мы люди приезжие, из Средней Азии, мало что про эти края знаем. Само село стоит на берегу реки Лебядки, довольно широкой в этих местах, но от нашего дома до берега путь неблизкий.

* * *

**Из показаний Громова Ивана Захаровича,
преподавателя средней школы**

Дело это было в воскресенье, как раз на выборы. Жара уже настала невыносимая. Ни ветерка, духота такая, не продохнешь. Собрался я с Божьей помощью травы накосить, пока погода. Чем-то же надо скотину кормить будет. У нас в школе почти все скотину держат, на учительскую зарплату не больно проживешь. Еще у кого по две-три ставки, как-то можно. А я что – учитель физкультуры, даже высшего нет, кто мне лишнюю ставку даст? Подходил я к директору, так он свое твердит: «Знаю, мол, твои дела,

и скорбь, и нищету. Впрочем, – говорит, – ты богат: у тебя один дом свой, да второй от тетки-покойницы остался, ты его таджикам сдаешь». А чем они заплатят, таджики-то? Самим на хлеб не хватало, обещали только: вот на стройку нас возьмут, заработаем, все отдадим. Я им говорю: «На какую стройку, кто здесь чего строит?». Если б не говорилось в Писании заботиться о странниках издалека, проживающих среди нас, давно бы выгнал их к такой-то матери, теперь горя бы не знал. Феофилакт, к примеру, что по этому поводу замечает? Гостеприимство, мол, дотоле похвально, доколе оно не отвлекает нас от более серьезных дел. Истинная правда.

Да, сейчас по существу. В общем, собрался я покосить. Но это раньше был один совхоз «Красная гвардия», где хочешь, там и коси. Теперь у нас село Лебеди, а у них частное сельхозпредприятие ЗАО «Альфа и Омега», не заплатишь, хрен зайдешь. Чего сторожат, не знаю. Был бы хоть урожай, а то ведь, что осталось от гусеницы, то съела саранча, оставшееся от саранчи ели черви, а уж после червей доели жуки. Однако же охрана там не церемонится: дубиной по башке отоварят, и стучи копытами по направлению к морю. Моря у нас, конечно, нет, это просто к слову пришлось. Крылатая фраза, как литератор наша говорит, Елизавета Олеговна. Зато есть река. А на реке остров большой, Дубовый называется, и травы там немерено. Так что спросил я у егеря лодку, взял свои припасы и отправился на остров. Зашел еще в хлев глянуть, как там животные. А они глядят на меня, как в песне поется, исполненные очей, – и корова Нюрка, и обе козы, и Тузик. Всем жрать охота. Корову пасти некому, Прошка-пастух пьяный вторую неделю. Настроение еще хуже стало.

Ну, плыву я на Дубовый, Тузика с собой взял. Молчит, не твякает – видит, что я не в духе. Хвост крючком свернул и блох из спины выкусывает с остервенением. Вода тихая-тихая. Утро, восьмой час, а солнце уже палит, огнем пылает. Но на воде все равно приятнее. Добрались. Под деревом уселся передохнуть, тень, прохлада. Сижу, лопухом обмахиваюсь. Все же не зря остров Дубовым прозвали. И растет там среди дубов одно особенное дерево, не знаю, как называется, небольшое такое, кустарное. Листья тоже густые, но не это главное. Главное – это сок, из него истекающий, вроде благовонной смолы. Раз я на острове отдыхал и заметил, как Прохор, пастух, эту смолу с табаком мешает и курит. Ну и я попробовал. Сразу в дух вошел, многое, что непонятно было, прояснилось. Понял, например, почему с женой у меня с самого начала не заладилось – она же, как до свадьбы с зоотехником путалась, так и потом продолжала. Все стало ясно, как на ладони. Дал я ей время покаяться в любодеянии ее, но она не покалась. Через месяц развелся с ней и прогнал нахер, прости Господи.

Теперь я, как на острове бываю, всегда пару-тройку затяжек со смолой делаю. Вдохнешь – во рту сладко, как меду поел. Зато потом во чреве горечь неимоверная: такое ощущение, будто желчь к горлу подходит. Ну, значит, и в тот раз выбрал я деревце покрепче, ножиком кору надрезал, пузырек подставил, жду, когда капать начнет. Тут слышу, в кустах кто-то шевелится. Смотрю, вылезает Прохор. Перегаром от него, задохнуться можно, рожжа опухшая, синяк под глазом. Спросонья головой мотает, меня увидел, как сиганет обратно в кусты, напугался чего-то. Потом снова появился.

– Это ты, что ли, Иван? – сипит еле-еле, от пьянки голос потерял.

– Я, – говорю, – а кто же еще?

– Да мне показалось, Мишка-агроном. Прячусь вот от него.

– А чего ты прячешься-то?

– Да с женой своей он меня в бане застукал, с Людкой. Помнишь, в прошлом году мы с тобой ему баню строили? Кричит: ах ты, змеюга, еще ко мне деньги занимать приходишь! И давай меня гонять по деревне, ладно хоть штаны успел надеть. Вот убежал, до острова вплавь добрался, тут заснул. У тебя пожрать есть? Людка обещала привезти что-нибудь, да пока ее не видать.

Ну, угостил я его салом, огурцами, что было. Прошка поел, успокоился и давай меня доставать, как всегда:

– Вот ты, Иван, учитель, хотя и хреновый. Разъясни мне, почему у меня все в жизни сикось-накось получается?

Я говорю:

– Во-первых, почему это я учитель хреновый? У меня, между прочим, Колька Домнин из 10А в прошлом году на районной спартакиаде второе место занял в тройном прыжке.

– Да хоть третье в двойном! Чему ты учишь-то? Пацанов через козла прыгать, а девок на мостике стоять. Ты давай объясняй, что я спросил. Ты же Писание каждый день читаешь, может, оттуда что ко мне подходит.

– К тебе вот что, к примеру, подходит: «Пал Вавилон, город великий, ибо крепленным вином блуда своего напоил все народы».

– Ну, ты даешь! – говорит. – Где я, а где Вавилон?

– Так вот объясняю: и ты пал так низко, потому что у тебя одно на уме – или блудить с кем попало, или напиться как свинья, блин.

Тут я вспомнил про смолу. Смотрю, натекло уже достаточно, еще и Прохору хватит. Раскрошили мы по сигаретке, смолы накапали, обратно свернули. Я всего-то раз затянулся, и началось. Солнце вдруг стало серое, как примерно Прошкина грязная майка. Ни с того, ни с сего луна на небе показалась, красная такая, кровавая. Молнии, громы, голоса непонятные... Только я на небо взглянул, как все закачалось, затряслось. Такое ощущение,

что землетрясение, как на Фудзияме этой. Ветер поднялся жуткий, желуди с дубов так по башке и молотят, что твой град. Небо словно в рулон свернулось, и остров вроде сдвинулся с места и поплыл по реке, медленно так.

Думаю: «Да-а, передозировал я смолы». Гляжу на Прохора, а тот тоже ни жив, ни мертв: смотрит куда-то в сторону и бормочет что-то, не разберешь. Взглянул я туда, куда он, а там... Идет прямо к нам по песку не то ребенок, не то старик, сразу и не понятно, но росту небольшого. Лицо все в шрамах, как пашня в бороздах, один глаз аж горит, другой будто слепой. Брови густые, у Брежнева такие были. Рот открыт, зубы наружу вылазят – огромные, гнилые. На лбу татуировка с буквами непонятными, типа еврейских. Волосы во все стороны торчат, что иглы у дикобраза. Ногти на пальцах длинные, острые, прямо лезвия. Одет был сперва в балахон какой-то, но одежда все время менялась: то вдруг он в пиджаке, и весь в орденах, то в бронежилете с каской, а как поближе подошел, вообще оказался с голым торсом. Мы с Прохором оба окаменели просто, глаза выпучили и стоим, как бараны, смотрим.

И вот он уже перед нами, взял зачем-то мою косу, перекинул через плечо, протянул к нам руки свои, и говорит громовым голосом, по-русски, но, как мне показалось, с кавказским акцентом:

– Слушайте слово мое! Вот, даю вам начертание. И всем, малым и великим, богатым и нищим, госслужащим и предпринимателям, положено будет это начертание, и никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или шестнадцатизначный номер этого начертания, или хотя бы пин-код его.

Тогда узрел я в руках у лжепророка карты типа кредитных, и номер каждой карты начинался на 666. Что он лжепророк, это мне потом войсковой батюшка объяснил. Прощка карту взял, а я только руку протянул, как из уст лжепророка изошли два или три нечистых духа, подобных жабам. Устрашился я и руку отдернул; и тут как раз разверзлись воды, и увидел я выходящего из реки зверя с семью головами и десятью рогами, а на боку его был написан всякий экстремизм: вроде, поклонитесь мне от мала до велика, и прочие призывы к свержению законной власти. Имел сей зверь чешую, подобную змеиной, которая сверкала на солнце, подобно тысяче зеркал и ослепляла напрочь. Мерзость же запаха, от него исходящего, нельзя сравнить ни с чем, прежде мною нюханным. И когда я увидел его, то пал к ногам его, как мертвый. И с шипением положил он на меня свою когтистую лапу, а лжепророк сказал торжественным голосом:

– Иди, давай, и расскажи всем, что ты видел. И пусть принесут мне тельцов на жертвенник! Но смотри, праведный Иоанн, лишнего не ври, иначе изолю на тебя гнев мой, как воду!

И захохотал, как в опере, ну, сатана там правит бал. И от смеха его сошел огонь с неба на землю – такое ощущение, как будто замкнуло высоковольтную линию. Воды реки вдруг забурили и стали как кровь, и пар кровавый исходил от них. Прохор за это время куда-то делся, и больше я его не видел. Чувствую, зверь, наконец-то, снял с меня свою вонючую лапу (тяжелая, спину до сих пор ломит), я тогда по-быстрому в лодку запрыгнул, и давай грести. Между прочим, в свое время я по гребле кандидата сделал, на России два раза выступал. Потом, конечно, пьянка, Тамарка эта – дочка старшего тренера... Ну, неважно. В общем, Тузик уже в лодке сидел. Хвост поджал, в глаза мне смотрит и жалобно так поскуливает. Как я греб, какой техникой – ничего не помню. Оглянулся только раза два, вижу – кусты дымятся, а над деревьями, такое ощущение, как будто воздушный бой идет: с одной стороны вроде как архангелы с мечами, с другой дракон, как у китайцев на праздник делают, длинный, с крыльями. Бились, ё-мое, только молнии сверкали.

Оставалось до берега нам метров сто, не больше. И, обернувшись, увидел я, как лжепророк вознес камень, подобный большому жернову, и поверг его вслед нам в воду. И пал камень тот метрах в трех от лодки, и вызвал страшную волну, крутившуюся подобно гигантской воронке. И подхватила волна нашу лодку и бросила ее с высоты, так что разбилась лодка в щепки. Не знаю, что егерю и говорить. В общем, нахлебались мы с Тузиком воды, но все же вынырнули и поплыли к берегу.

Доплыли, я, весь мокрый, бегом к участковому, он теперь как раз у нас в селе живет, у жены. Тузик за мной несется, язык высунул, отряхивается, только пыль позади летит. Прибегаем, участковый дядя Вася с женой и тестем стол во двор вынесли, сидят уже, выборы отмечают. Дядя Вася сам красный, пот со лба утирает, от мух отмахивается, а тесть ему еще подливает. Время десяти нет, а они уже нарядные все. Развалились, грибочками хрустят, помидоры бочковые высасывают. Невдомек им, что последние дни настали. Я кричу:

– Дядя Вася! Вызывай, давай, кого следует! Там на Дубовом что творится! Конец света просто! Горе, горе живущим на земле!

Тузик тоже подвывает, поддакивает.

Дядя Вася сурово на меня посмотрел и говорит:

– А ты, Иван, проголосовал уже?

Я опять ору на всю округу:

– Какой хер голосовать, скоро всем нам звездеч! Вызывай, говорю, МЧС или там ОМОН! Тут скоро трупы будут на улицах лежать!

Жена его с тестем ржут, как дураки. Такое ощущение, будто в цирке на клоуна смотрят. Вот всегда у нас так! Вместо того чтобы помочь человеку,

омыть его язвы и раны кровоточащие, возлить на них вино и елей, они льют на них уксус, сыпят соль и вообще пригвождают к кресту! А дядя Вася прищурился и тихо так, с расстановкой мне отвечает:

– Я, Иван, давно на тебя внимание обратил, но не пойму никак: то ли ты политически неграмотный, то ли наоборот. Ты, вообще, знаешь, что в день выборов всякая агитация запрещена законом? Ты что, из этих, как их... в берлогах которые, что ли? А? И вид у тебя какой-то, как в воду опущенный... А еще педагог. Может, ты куришь чего, Иван?

Тут я даже растерялся. С одной стороны-то он прав: курнул я от души. Но с другой – не могло же мне все это привидеться? Хотя...

– Дядя Вася, – говорю я тогда уже спокойным голосом, – ты не горячись. Ты давай, дядя Вася, возьми велосипед и до берега проедь просто, да посмотри своими глазами. Считай, я официальное заявление тебе подал о творящемся беспределе. Сам же говоришь: выборы, мол. В такой день ЧП проморгать – с кого спросят-то?

Дядя Вася выматерился так, как он только умеет, с подвывертом, фуражку нацепил, хотя сам не в форме, а в штанах тренировочных и с голым пузом, посмотрел на меня нехорошо так, повесил бинокль на шею, взял велик и говорит мне:

– Ну, смотри, Иван! Если это очередная твоя подстёбка, точно дело на тебя заведу за ложный вызов, это как минимум штраф.

И покатил. Мы с Тузиком бегом за ним, а Нинка, дяди Васиная жена, вслед нам разоряется:

– Дурак ты, Иван, и не лечишься! Я к директору школы пойду, пусть уволит тебя к чертовой матери! Самому делать нечего и людям покою не даешь!

И всякое такое прочее.

* * *

Самое лучшее место у нас на участке – там, где, будто из одного корня, растут сразу три высоченные березы. Растут они не прямо, а как бы выгибаясь снизу и лишь потом выпрямляя стволы и вытягиваясь в небо. Раньше на этом месте стояла баня, и березки росли прямо из-под нее, но потом участок расширили и баню перенесли подальше, а березы остались. Даже в самую жару хорошо поставить между ними старое кресло с расползающейся зеленой обивкой и вечно выпадающим деревянным подлокотником, да посидеть в нем, вытянув ноги и отмахиваясь от тут же начинающих шлепать тебя по лицу низко склонившихся березовых веточек с чуть свернутыми зелеными листьями. Тогда лучшие чувствуешь висющую,

будто в невидимом гамаке, над деревней тишину, состоящую из голоса меланхоличной кукушки, усевшейся где-то в дубах, что растут по дну ближнего оврага, из смачных отрывистых трелей дуралея-соловушки, никак не решающегося всерьез закатить свою арию, даже из визгливого завывания болгарки на участке у новых жильцов, купивших бабы Верин дом у пруда и что-то постоянно перестраивающих. Все эти звуки нисколько не нарушают тишину – они именно составляют ее. Так где-нибудь на Каспии неотделимы от бархатной южной тишины занудно-скрипучие перебранки цикад и горестно-бессильное шипение опадающей морской волны после заката солнца.

* * *

Из показаний участкового уполномоченного Антипова Василия Петровича, полученных в районной больнице (отделение неврологии):

Накануне выборов мною были проведены профилактические мероприятия по обеспечению безопасности и порядка на избирательном участке, расположенном в здании школы. Так, я лично произвел осмотр здания, включая хозяйственные пристройки. В сарае, где хранятся пиломатериалы, были обнаружены газовые баллоны в количестве одной штук. По моему требованию данные баллоны были немедленно вывезены на территорию котельной.

В день выборов я с момента открытия избирательного участка находился в нем для обеспечения прохождения голосования. Никаких нарушений выявлено не было, так как с утра приходили голосовать только одинокие старушки. Буфет должен был открыться с 10.00, соответственно к этому времени ожидалось увеличение притока избирателей. Поэтому в 9.30 я отбыл на полчаса по месту жительства для приема пищи, оставив за себя доверенное лицо районного депутата в лице агронома Темелухи Михаила Юрьевича, который должен был проконтролировать в мое отсутствие за свободным волеизъявлением граждан.

В 9.45 ко мне на прием пищи явился учитель средней школы Громов Иван Захарович, который в устной форме, с использованием нецензурных выражений, сделал заявление о несанкционированной акции неизвестных лиц в районе острова Дубовый. Мною было принято решение проследовать к берегу реки Лебядки с целью осмотра на месте и, в случае чего, принятия мер по восстановлению общественного порядка.

Прибыв на берег, я, путем визуального осмотра, обнаружил на острове Дубовый очаг лесного пожара. Дым шел будто из глубины земли, как из большой печи, и помрачилось солнце и воздух от подземного дыма. То есть, виноват, я хочу сказать, что над островом поднимался густой черный дым в форме грибовидного облака. В районе возгорания находились неустановленные лица. С помощью бинокля я увидел женщину, сидящую верхом на неизвестном животном багрово-красного цвета, с семью головами и десятью рогами. На туловище животного в технике граффити были выполнены экстремистские лозунги, направленные против существующей власти. Приглядевшись, я узнал в женщине кладовщицу сельпо Людмилу Хасановну Темелуху, супругу нашего агронома. И была облечена она в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную, как я предполагаю, мерзостями и нечистотою блудодействия ее. Вообще, у нее, у Людки этой, прямо на лбу написано: «блудница мерзкая», мать ее... Извиняюсь. Я заметил, что гражданка Темелуха находится в нетрезвом состоянии. Затем к ней подошел мужчина, который, склонившись перед зверем, стал подливать ей в чашу спиртное. Им оказался наш сельский пастух Прохор Дьяконов, хронический алкоголик, ранее судимый.

Зафиксировав творящееся бесчинство, я решительно потребовал от нарушителей общественного порядка немедленно прекратить безобразие и явиться в райотдел для объяснений.

В это время на берег реки Лебядки прибыл Громов Иван, который может подтвердить мои показания, а мне сейчас на процедуры надо.

* * *

Когда сидеть под березами надоедает, можно походить по мягкой, маслянисто поблескивающей на солнце траве босыми ногами, отвычными от ощущения неровностей земли, маленьких камушков и торчащих тут и там сухих корней недовыдернутых сорняков. Если пройти метров триста по крайней улице, то вдруг очутишься в лесу, на пересекающей поросшую земляникой поляну тропинке, которая ведет к покрытому ряской, как топленое молоко корочкой, лесному озеру, почему-то прозванному местными жителями Узбеккой, где, как в сказке, лежат в воде разлапистые сухие деревья, плещутся стайками мелкие карасики, да иногда по своим темным делам, скользко шуриша, проползает вдруг через кустарник уж и, плюхнувшись в воду, резво плывет на тот берег, по пути рисуя на бурой, мутноватой от ила воде замысловатые зигзаги.

* * *

Из показаний Громова Ивана Захаровича, преподавателя средней школы:

Добежали мы с Тузиком до берега, еле отдышались. Смотрим, дядя Вася не в себе, стоит на коленях, голову песком посыпает, из стороны в сторону раскачивается и плачущим голосом выкрикивает:

– Люда! Прости меня, Люда!

Вижу, с острова приближается к нам давешний зверь, летит, такое ощущение, как на воздушной подушке, а на нем Людка сидит, нога на ногу, юбка задрана чуть не до пупка, и перед ними идет вразвалочку прямо по воде лжепророк, теперь в военно-морском мундире, в черной пилоточке, и громовым голосом возвещает:

– Поднимись теперь с колен! Знаю и труд твой, и терпение твоё, и что не при делах ты. Знаю и то, что не выносишь ты развратных, но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою.

И на Людку рукой показывает. Людка пьяная, ржет-не может, дяде Васе средний палец вот так выставляет. И возгласил лжепророк:

– Короче, поклонись мне, страж, и станешь тысяченачальником в моем воинстве, а кто не покорится, там будет, быстрее всего умерщвлен, и птицы станут пожирать труп его!

Тут раздался шум с неба, как будто от лопастей множества вертолетов, но самих вертолетов было не видать. И стало десантироваться в воду воинство Антихристово. Падали они с неба, как саранча, лица вроде человеческие, волосы, правда, длинные, как у женщин, но зубы зато прямо львиные какие-то. Все воины в броню закованы, оружие при них всякое. Я, хоть сам в армии служил, но некоторые модели впервые увидал.

Дяде Васе куда деваться – песок из волос вытряхнул, фуражку натянул, поклонился лжепророку и взял у него платиновую карту с номером, а сам потихоньку из кармана мобильник выкинул и мне шепчет:

– Звони в областное, скажи: Антипов объявил красный уровень тревоги. Не перепутай – красный...

А сам, значит, склонив голову, пошел к своему новому войску.

На меня они все ноль внимания, я тогда велик антиповский прихватил и назад в село. По дороге разбираюсь в дяди Васином телефоне. Нашел: «областное дежурь». Набираю, дежурный отозвался, я в трубку кричу:

– Алё! Звонит Громов от Антипова из Лебедей! Василий Петрович тут красную угрозу объявил, присылайте войска быстрее!

Дежурный медленно так, сонно отвечает:

– Слышь, Громов или как тебя там, Антипов. Еще раз от своих блядей позвонишь, я **за тобой** войска пришлю, понял?

И трубку кидает. Ё-мое, что делать-то? Начальство все на выборах. Приди сейчас на участок, свяжут еще, в психушку отправят, как Ивана того бездомного, из сериала. И тут я вспомнил про Кузьмича: он же подполковник в отставке, в Чечне воевал, дом здесь купил под дачу, я его вчера видел, приехал со своими. Ему-то быстрее поверят!

Подъехал на гору, к Кузьмичу. Ладно, я спортсмен, другой уж давно упал бы где-нибудь. Кузьмич выходит, в шортах, в майке.

– Что ты, Ваня, – говорит, – примчался? Если похмелиться – ты же знаешь, я не наливаю.

– Какой похмелиться, Кузьмич! Тут такое дело...

В общем, стараюсь все по порядку рассказать. Гляжу, он странно на меня смотрит, такое ощущение, за дурака держит. Я тогда говорю:

– Ладно, Кузьмич. Все равно не поверишь. Давай сгоняем вместе на речку, сам увидишь и решишь, что делать.

Кузьмич мужик нормальный – заводит джип, меня рядом сажает, поехали. Тузик уже не побежал: улегся у калитки, еле дышит. Долетели мигом. Кузьмич только глянул – а там как раз из воды выходит второй зверь. Рога у него, как у барана закручены, шипит по-змеиному, и вокруг него вторая рота десантируется. А острова уже и не видно почти: ушел вверх по течению километра на четыре.

Тут Кузьмич, не говоря ни слова, разворачивается и по газам. Доехали до дому, он из машины выскочил и звонить куда-то. Слышу только: «террористы, мятежники, бандформирование». Ну, думаю, слава Богу, теперь разберутся.

* * *

Ночью, когда тишина становится абсолютной, свернув в себя все звуки, подобно вакууму, носящему до поры в своей утробе всю материю вселенной, и не слышно (да и не видно) уже совсем ничего, можно выйти по какому-нибудь делу из дому и глядеть на высвечиваемый ртутной лампой черно-белый овал травы и земли, и тогда тишина через уши воздействует на мозг так, что тот от недостатка впечатлений начинает генерировать некие фантомные звуки, и слышишь то отдаленный гул грозы, то как бы посвистывающий лихой морзянкой ветер в ветвях деревьев, а то и просто глотишь от того, что тебе нечего слышать.

* * *

**Из устного доклада полковника Рудоконя,
командира отдельной бригады специального назначения,
заместителя командующего * * *ским военным округом
(печатается по расшифровке с диктофона)**

Разрешите доложить, товарищ заместитель командующего? В воскресенье по бригаде была объявлена боевая тревога и получен приказ выдвинуться к населенному пункту Лебеди и занять плацдарм на берегу реки Лебядки в квадрате П-16. По оперативным данным, в данной местности происходила подготовка к вооруженному выступлению экстремистов с целью разгрома избирательного участка, и уже имел место захват заложников из числа местной администрации.

Получив приказ, бригада с приданными танками, вертолетами и установками залпового огня выдвинулась на указанный рубеж. Ваше здоровье, товарищ заместитель командующего. Да... Заняв позиции, нами была произведена разведка для оценки ситуации. Было установлено, что противник в составе примерно двух рот пехоты разместился на острове Дубовый и занимается перегруппировкой сил. В составе бандформирования имелось не менее двух тяжеловооруженных зверей, один из которых произвел залп огнем из примерно четырех голов по нашей разведгруппе, в результате чего два разведчика получили ожоги мягких тканей. Интенсивность огня у этих зверей насыщенная. Мною был отдан приказ ответный огонь не открывать. Однако вскоре над островом была поднята в воздух эскадрилья из четырех всадников неуставленной принадлежности. Работая мечами, всадниками была фактически снесена одна из голов зверя. За победу, товарищ заместитель командующего. Уф-ф-ф... Однако эта рана как бы исцелела. Ребята даже удивились, на. Видимо, новые звери у них пошли.

В то же время на территории острова находились гражданские лица, по-видимому, из числа жителей села, которые занимались пьянством, развратом и моральным разложением. Среди них был и захваченный в качестве заложника местный участковый Антипов. Его роль во всех этих событиях сейчас выясняется. Из полученной информации я сделал вывод, что в селе имеется крупная база боевиков для снабжения продовольствием, спиртным и, возможно, боеприпасами.

Как голова у него исцелела, на? Не могу знать, товарищ заместитель командующего. Позже, когда уже в распоряжение бригады был вызван главный протоиерей военного округа, на, он выдвинул версию, что второй

зверь, как говорится, действует со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана ранее исцелела. Для этого он творит великие знамения, огонь низводит с неба на землю перед людьми и так дальше. И чудесами, которые он творит перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча всадника, сидящего на коне, и все равно жив. И дано ему вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя... Я закусываю, товарищ заместитель командующего, спасибо, огурчики ядренные, на. Супруга ваша делала, наверное? Я так и подумал.

Почему мы сразу не открыли огонь на поражение? Тут вот какое дело, товарищ генерал. У нас в спецназе, на, действует секретный приказ. Зачитываю: «В целях предотвращения попадания убитых участников вооруженных бандформирований в мусульманский рай, приказываю в ходе контртеррористических операций применять боеприпасы, обработанные оружейной смазкой «Х-Р.ЮШ-2» с массовой долей жидкого свиного жира не менее 13%». То есть, патроны, на, смазывать этой «хрюшей», чтобы духи в свой рай не попали. У них там свиное сало на дух не переносят, ха-ха, извиняюсь за невольный каламбур. Да, давайте за пацанов, товарищ заместитель командующего. О чем я говорил? А-а, да. Так вот, я думаю, на самом деле смысл в том, чтобы боевой дух противника подорвать, на. Так-то они смерти не боятся, даже наоборот, ну а тут как бы в рай не примут, за что тогда погибать? А может, и правда, там такие порядки... Начальство, наверное, с кем надо наверху консультировалось, ему виднее. В общем, приказы мы не обсуждаем, на.

Только вот «хрюша» эта в распоряжение бригады не поступила. Почему? Тут, товарищ генерал, разбираться надо с начальником оперативного склада майором Тепловым. Ну, очкарик, все в глаза что-то капает. По оперативным данным, на, майор всю «хрюшу» втихаря отвез на мясокомбинат «Райские колбаски», рядом с монастырем который. Им же там чем-то надо соевый фарш пропитывать, чтоб мясом пахло. Оружейная смазка в самый раз, на. Тут схема какая: майор на свой склад три тонны смазки получает, на, потом на учения ее списывает, как будто израсходовали на стрельбах. Если что, у нее срок годности три года, потом все равно спишут, на. А что применять ее реально придется, никто и не думал: какой у нас здесь на хрен исламский терроризм? Как раз через две недели плановые учения, на. Вот он заранее всю «хрюшу» на комбинат и сбросил. И попал конкретно: из колбасы-то ее обратно не нацедишь! Так ему, козлу, и надо. А то, как примет на грудь, начинает: «Я богат, я ни в чем не нуждаюсь, на».

Дойдет дело до трибунала, так разбогатеет, ха-ха, глазную мазь не на что будет купить. Это я вам неофициально докладываю, товарищ заместитель командующего. Вы же знаете, на чьей дочке этот Теплов женат, на.

Так что без «хрюши» открывать огонь – значит, приказ нарушить, а за это сами понимаете, что бывает, Леонтий Федорыч. Вот и стояли, ждали дальнейших распоряжений, на. Какой хороший тост вы сказали, товарищ генерал, аж слезы на глаза наворачиваются. Ну, давайте...

* * *

Так получилось, что приехали мы сюда на заработки, поддавшись на уговоры одного скользкого типа, наобещавшего золотые горы на строительстве, которым будто бы ведает его двоюродный брат. Взял с нас последние деньги за устройство на работу, за регистрацию, и пропал, как в воду канул. Так и живем нелегалами. Через земляков договорились с одним хорошим человеком, который сдал нам дом в этой деревне в расчете, что когда-нибудь мы заплатим. Но работы здесь почти нет. Ходим по домам, вскапываем бабушкам огороды, ставим заборы. Кто рассчитается деньгами, кто мешком картошки... У себя на участке посадили всего понемногу. Земля здесь хорошая, жирная. С местными ладим более или менее. Когда выпьют, конечно, обзывают чурками, стыдят, что сюда приехали хлеб у них отбивать. Тогда мы просто уходим. Но ни разу не побили, ничего такого. Участковый тоже не придирается. Конечно, как вспомнишь учебу в МГУ, потом аспирантуру... Тогда и слов таких никто не употреблял. Удивительно все же складывается жизнь: защитить кандидатскую по русской филологии, печататься в межвузовских сборниках, стихи сочинять на русском – и оказаться вдруг «чуркой» для малограмотных, в общем, сельских парней. Что ж, война – штука такая, слава Богу, живы остались, другим не так повезло. Кстати, девушки здесь хорошо к нам относятся – мы не пьем, не материмся, вежливые. Но страшиновато как-то отношения заводить. Вот за это тут по пьянке и убить могут. Наши так говорят.

* * *

Из постановления прокуратуры * * *ской области:

«В связи с тем, что неустановленными лицами в неустановленном месте в неустановленное время были совершены неустановленные преступные действия, возбудить в отношении группы подозреваемых в составе XXXX уголовное дело по статье № 212, часть 1 УК РФ «Организация массовых

беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти».

* * *

**Из доклада благочинного * * *ского военного округа,
старшего протоиерея военно-духовной службы о. Ефрема
(Самарийского) начальнику военного отдела
* * *ской епархии**

Нижайше Вашему Преосвященству докладываю о произошедших в нашем округе событиях. Я был вызван по тревоге в окормляемую мною воинскую часть, когда совместно с настоятельницей Нижне-Болотного женского монастыря схиигуменией Нектарией (Гомериной) производил, согласно указанию Вашего Преосвященства, ревизию на находящемся в ведении нашей епархии мясокомбинате «Райские колбаски». Попутно довожу до сведения Вашего Преосвященства, что больших нарушений ревизия не выявила. Качество поступившего полуфабриката соответствует ТУ, массовая доля свиного жира в норме. Итак, получив информацию о творящемся в селе Лебеди бесчинстве, я немедленно отбыл в распоряжение развернутых в боевой порядок войск.

По прибытии в сжатые сроки мною был подготовлен и проведен соответствующий общевоинской молебен с выборочным покаянием и исповеданием грехов. Затем, ознакомившись с положением дел, я пришел к выводу, что имеет место несанкционированное выступление внесистемной оппозиции под водительством известных нам лжепророков, выступающих под лозунгами экстремистского характера. В частности, увидел я зверя и воинство его, собранное, чтобы сразиться с нашими войсками.

Мною в адрес противника были посланы проклятия и анафемы утвержденного образца, и прочие нелестные глаголы, а также зачитано особое молитвенное заклинание с предупреждением о могущих быть последствиях от бесчинных врага нашего деяний, после чего в распоряжение части явились некоторые жители села, которые страха ради иудейского пошли на сотрудничество с террористами.

Тем не менее, противник продолжал упорствовать в своей злобе. Над расположением части начались массированные полеты ангелов смерти, что оказывало деморализующее воздействие на рядовой и сержантский состав. Поэтому мы с командиром части полковником Рудоконем приняли сов-

местное решение пойти на переговоры с полевым лжепророком о мирном разрешении конфликтной ситуации. В немалой степени это решение было вызвано отсутствием в распоряжении войск некоторых специальных боеприпасов, о причинах какового отсутствия Вашему Преосвященству должно быть известно.

* * *

Летом, в общем-то, здесь жить можно. Кое-какая работа иногда подвернется, овощи, яблоки, картошка растет. А вот осенью и, особенно, зимой... Запасы быстро кончаются, денег нет, печку топить – дрова нужны. В лесу не очень-то напилишь: лесник здесь строгий, чуть что, грозитя в миграционную заявить. Где забор разберешь у брошенного дома, где увидишь: люди строятся, попросишь от старого сарая бревна. Через грунтовку, как к реке идти, стоит заброшенная ферма. Мы с ребятами как-то отправились туда в надежде чем-нибудь разжиться. Где там!.. Стоят бетонные остовы коровников, как скелеты каких-то гигантских динозавров, вымерших при смене геологических эпох. Ни доски, ни стеклышка, ни кирпичика. Все давно разобрали, растащили. И что обидно: все это лежит по дворам под снегом и дождем и в дело не идет. Народ тяжелый очень на подъем. Что-то построить, отремонтировать – нет, завтра. А сегодня лучше выпить, покуролесить и упасть лицом вниз на грязный матрас.

* * *

**Из показаний Громова Ивана Захаровича,
преподавателя средней школы**

К обеду подтянулись на берег бэтээры, два танка, потом и мотострелки. Такое ощущение, что к этому времени там уже полдеревни собралось. Кое-кто на катерах к острову поплыл: слух прошел, что невозвратные ссуды там будут раздавать, кто подписку за Антихриста даст. Кто поплыл? Всех я не помню, но точно был главный механик с «Альфы и Омеги» с женой, и Ромка-цыган, ну, дурью который торгует. Солдаты тут же людей от берега оттеснили, оцепили все аж до самого оврага, но меня оставили, я ж информацией обладаю!

Смотрю, как они разворачиваются, интересно. Командир орет на всех, сам пьяный, конечно. Радист со штабом округа связывается: «Двенадцатый, двенадцатый, я аметист!». Тут подкатил на уазике военный священник с двумя дьяконами. Вид его, я бы сказал, был мрачный и непотребный.

Посоветовались они с командиром, выпили еще грамм по двести, отвратительно пьянство их... Потом священник давай молебен устраивать. Говорит, сначала покаяться надо. Командир кричит: «Быстрее давай! Мухой, покаяться и в строй!». Все молятся, и я с ними заодно, а врагу рода человеческого это острый нож. На острове молнии засверкали, серный ливень полил. Смотрю, Ромка не доплыл, катер свой развернул, назад погнал. Тут зверь, ну, который на меня раньше лапу клал, поднялся в воздух, хвостом машет, огонь пускает. Священник тогда голос возвысил: «Что это за дракон, и что за дикость вокруг него? Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?» И тогда открылись у меня уши, и слышу я, как откуда-то с неба будто музыка звучит, жуткая такая, сначала тихо, а потом все громче, сил нет слушать. Солдаты уши затыкают, бегут кто куда, кричат громким голосом: «Не думали мы, что попадем в такое место!»

А музыку эту я сразу узнал. Я ее в фильме слышал. В нашей школе в прошлом году Ниночка работала, англичанка. Мужиков-то у нас – я да директор Роберт Францевич. Вот, мы с ней вроде как и подружались. Как-то раз в пятницу она меня в гости позвала. Ниночка девушка продвинутая была, в искусстве разбиралась. Теперь-то я, конечно, понимаю, что она практически вавилонская иезавель, а тогда еще не понимал. Все культурно так, мартини, оливки, салфеточки. Водку я с собой принес. И она кино поставила, длинное такое. Называется, кстати, странно: «А покаяться, на...?» Вроде так Ниночка сказала. Фильм-то на английском был, она мне переводила. Там самолеты летят во Вьетнаме бомбить кого-то, не помню кого, и эта музыка звучит. Я такой музыки раньше никогда не слышал: мороз по коже, мурашки по спине и все прочее. Такое ощущение, как будто ангелы смерти летят по небу и трубят в свои трубы.

Ну, потом, конечно, предались мы с ней блудодеянию, но это к делу не относится. Она теперь в школе не работает: окончила парикмахерские курсы и в город уехала, в салон красоты устроилась мастером.

Короче, гремит эта музыка из фильма, аж звон в ушах, и вдруг гляжу – реально по небу летят ангелы смерти. Как они выглядят? Да это разве словами передашь? Это видеть нужно... Но лучше и не видеть. Сами черные, крылья, как у летучей мыши, но огромные, а в руках не то ножи, не то сабли, зазубренные, как пилы. И вот они кружат над нами, как ниже опускаются, зубы скалят, глаза у них красные, кровавые такие.

Командир кричит священнику: «Давай, батя, делай что-нибудь! Колдуй по-своему!» Священник хватает микрофон от рации и кричит: «Предлагаем переговоры!». Смотрю, ангелы еще пару кругов сделали и на базу ушли, то есть на остров, а оттуда на звере лжепророк выплыл, посередине реки остановился и две ракеты зеленые пустил. Значит, давай, мол, сюда. Ну, ко-

мандир с начштаба и отцом Ефремом на амфибию и к ним, договариваться, значит. Вот и договорились. Те ушли, а эти теперь, значит, бегают по селу, поднимаются на стены, влезают на дома, входят в окна, как воры. А насчет компенсации за дом, говорят, даже не заикайся, скажи спасибо, что как соучастник не пойдешь. И всем хоть бы что – разговаривают, смеются и не раскаиваются ни в убийствах своих, ни в воровстве своем.

* * *

Завтра выборы. Заходил участковый, сказал, чтобы мы не высывались, сидели дома. Приедут, мол, из районного избиркома, с ними еще какие-нибудь проверяющие, увидят нас, нелегалов, неприятностей не оберешься. Что ж, по дому тоже дел полно. Начнем потихоньку печку перебирать, пока лето, а то в прошлую зиму к марту месяцу дым уже глаза щипал. Потом баню затопим, приучились мы здесь к русской бане. Один Давлатио никак не привыкнет, особенно, когда веником начинаем охаживать. Молодой еще. Так что завтра отсидимся, а в понедельник поеду в город. Говорят, там в землячестве теперь новые люди, всем помогают с регистрацией, с работой. Да и купить надо бы кое-что.

* * *

**Из доклада благочинного * * *ского военного округа,
старшего протоиерея военно-духовной службы о. Ефрема
(Самарийского) начальнику военного отдела * * *ской епархии**

Касательно переговоров, прошу у Вашего преосвященства защиты от нападок некоторых из экзархов, кои воображают себя ревнителями чистоты нашей святой Церкви. Так осуждают меня, что уже даже начался ропот среди протоиереев: что это, мол, за тайные беседы, и как он, то есть я, смеет так вести себя. А ведь стараюсь ради общего блага. За что же напояют меня уксусом в жажде? По существу же дела докладываю, что ради сохранения стабильности в этот политически сложный момент, когда все усилия должны быть направлены на успешное проведение выборов, мы вынуждены были пойти на некоторые уступки, а именно передать в нашем военном округе еще тринадцать приходов противодействующей стороне для осуществления агитации и пропаганды своих взглядов. За это они обязуются более не устраивать несанкционированных акций, а также содействовать в поддержании общественного порядка на вверенных территориях. В принципе, считаю, что перспективы сотрудничества с данными

структурами у нас хорошие, тем более, что в будущем, по мнению наших аналитиков, они могут играть одну из ведущих ролей на идеологической арене даже и в мировом масштабе.

* * *

Из доклада командующего * * *ским военным округом заместителю министра обороны

В результате умелых действий командования и личного состава в ходе операции «Содом», противник был отброшен за рубежи своей обороны и в панике отступил. Потерь среди личного состава бригады нет. В настоящее время проводится зачистка населенного пункта Лебеди на предмет обнаружения баз и огневых точек противника. К этому моменту, благодаря показаниям задержанного участкового уполномоченного, имевшего возможность получать информацию от самого лжепророка, была установлена группа исламских экстремистов. Группа состояла из четырех граждан одного из среднеазиатских государств, скрывавшихся в доме №** по ул. Озерной данного населенного пункта. В связи с тем, что террористы оказали нашим войскам упорное вооруженное сопротивление, они были уничтожены вместе с домом огнем танковых орудий. При убитых было обнаружено оружие, боеприпасы, взрывчатка, экстремистская литература. Также при них имелась тетрадь с записями, прямо указывающими на то, что они готовили масштабные теракты во время выборов в местные органы власти. Не исключено, что данная группировка получала поддержку и финансирование из-за границы.

* * *

Из доклада председателя Районной избирательной комиссии Романовой П. Р. председателю Областной избирательной комиссии

...Таким образом, были приняты все меры для обеспечения демократического волеизъявления граждан согласно полученным разнарядкам. Правда, в связи с начавшейся контртеррористической операцией, активность избирателей на участке №***, что в селе Лебеди, существенно снизилась. Значительное число граждан, опасаясь выходить на улицу, остались дома, а часть электората даже приняла участие в известных событиях. Можно сказать, что блуд, вино и другие напитки завладели сердцем их. Органи-

зовать голосование на дому для всех этих избирателей было невозможно, так как по селу были расставлены военные патрули, не разрешавшие передвижение транспорта. Однако после завершения операции избиркомом была достигнута договоренность с командованием воинской части о том, что весь личный состав примет участие в голосовании на данном участке по особому списку, для чего даны были каждому из них открепительные талоны из имевшегося запаса. В результате плановые показатели по нашему избирательному округу были значительно перевыполнены. В ходе подготовки к следующей избирательной кампании нами была проведена встреча с новым настоятелем Вознесенской церкви, что в селе Александровка, отцом Самайлом, который пообещал обеспечить в своем приходе и в двенадцати других, где священники известны ему, стопроцентную явку, а во время проповедей вразумлять верующих, дабы те могли сделать правильный выбор...

* * *

Километрах в трех от села стоит брошенный яблоневый сад. Когда-то в совхозе выращивали яблоки на продажу, а теперь это никому не нужно. Но деревья не знают об этом и раз в два года исправно плодоносят, и тогда наезжает много народу, чтобы бесплатно, или как тут говорят, «на халяву», набрать яблок. Здесь и антоновка, и анис, и спартак, и наливные медовые ранетки, и еще какие-то сорта, которых я не знаю. Стоят яблони посреди высокой травы, постепенно стареют, засыхают... Приезжают и на джипах, и на КАМАЗах. Люди от жадности рвут даже совсем зеленые яблоки, в спешке ломают ветки, лишь бы побыстрее набрать полную машину и увезти, наверное, на рынок. Местные тоже приезжают, кто на старой «шестерке», кто на мотоцикле с коляской, а кто и пешком идет с тележкой. Варят варенье, на сок перегоняют. Может, прозвучит банально, но мне кажется, что это символический образ: оставшийся от прошлого времени сад (правда, не вишневый), который пока еще дает какие-то плоды, и люди, безжалостно уничтожающие его, лишь бы ухватить хоть что-то напоследок. А нового сада не посадит уже никто...

Алена Антипова

Франция

Поэт, прозаик, переводчик, педагог.
Стихи публиковались в книге «Фаэтон и
Отель», в литературных периодических
изданиях Литвы и МАПП.

В ТУМАНЕ НАД ВОДОЙ

Элегия

Осень. Груша на прогретом солнцем балконе. Золотистая кожица тонка, как патина. Нечаянно задеваю ногтем, и вот – трещина. Неосторожное действие немедленно влечет за собой гул. Знаю, что за этим последует, пытаюсь спрятаться поглубже. Желтовато-белая мякоть обволакивает, пульсирует соком. Наполняюсь сладким ароматом, как парфюмерный флакон, до горлышка. Сахарные кристаллики вокруг тают, щекотно пузырятся.

Гул нарастает, потом мгновенно гаснет, но зато вот он в наличии, полный комплект: и хобот, и усищи, и жало. Нет, подобное соседство мне совсем ни к чему. Придется уступить райское амбре. Увы и а-а-ах – испаряюсь...

туда, где

На дворе идет снег, а у меня кружится голова, будто я попала в эпицентр метели и потеряла ориентацию. Беспорядочное, раздерганное движение вызывает тошноту, и я не в состоянии больше смотреть на него со стороны. Срываюсь с места, и снежный хаос превращается в упоительное кружение, звучит музыка, белые танцоры перестают ме-

таться, начинают подчиняться задаваемому мною ритму: в три темпа, в два темпа. Венский вальс сменяет вальс-бостон, и снова венский, быстрее, быстрее. Я перестаю различать отдельные снежинки, они теряют свою индивидуальность, превратившись в сплошной белый фон. Взлетаю выше, позволяя им успокоиться, вновь обрести форму. Причудливые узоры, сложные конструкции, изящные линии мешаются с неприятными бабочками или смешными кусочками, похожими на рваные бумажки.

С жалостью слежу за их игрой. Догоняя и перегоняя друг дружку, отталкивая и цепляя, все они стремятся вниз. Знаю: родившиеся в облаках неизбежно окажутся на земле, чтобы стать сначала банальной, хоть и слегка посеребренной, периной, а потом, на исходе зимы, слепиться в гладкую массу, своим вкусным блеском напоминающую хорошо взбитые белки. Обидно. Вот почему опять и опять, отдаляя печальный момент приземления, ангажирую их на вальс. Я даю вам шанс, я даю бал...

а за ним

Раннее весеннее утро. Ничего определенного, ни в чем нет уверенности, все только намечается, обозначается, проступает в предрассветной мгле, в плотном, как дождевое облако, тумане.

Особенно холоден густой пар над рекой. Вытянувшись, стараюсь не шевелиться, тихо коченею, как будто замотана в сырую простыню. Внизу черная, стылая вода еще хранит острый и свежий запах прошедшего льда. Замерев жду терпеливо хотя бы слабого ветерка, и вот наконец оно, первое, едва ощутимое движение воздуха, первое вторжение в многослойную сырость, которое только слегка качнуло, но не сдвинуло ее с места. Зато уже следующий, более сильный порыв моментально сделал прореху в тумане, и все пришло в движение.

В приступе буйной радости рву распадающуюся на куски хилую ткань, ныряю в новые прорехи, разгоняю лопающиеся в глаза пузырьки, еще не вижу, но уже чувствую солнце, добрую и теплую его ласку, в ставшей уже совсем прозрачной дымке все быстрее плыву-стремлюсь к его желанным, живительным лучам...

и вот уже

Жара. Раскаленная докрасна сковородка-луна. Прагматично размышляю, какую бы извлечь из этого явления пользу. Эврика! Скоренько

смешиваю подходящие ингредиенты. Широко размахнувшись, швыряю жидкий диск пузырчатого теста и еле успеваю подхватить зажаристый блинчик. Ой-ёй! Горячо! Роняю. Пускай летит, пусть всех накормит досье...

чтобы после раскрылся

Аромат дождя и цветущей липы в хрустале июльского от кутюр. Теплые, прозрачные нити застревают в цветках, рвутся, превращаясь в мелкий бисер, который раскатывается по листьям и вновь собирается вместе, в крупные капли.

В парной медовой бани совершаю священное омовение, дышу и задыхаюсь в тягучей влаге, в мутных каплях с пыльцовой взвесью. И опять дышу, и обвисаю в изнеможении на ветках, растворившись в экстазе в золотой невесомости пушистых гроздьев...

и снова, и снова живу...

Наталья Кошина
(1952–2010)

Россия, Санкт-Петербург

Училась в Гидрометеорологическом институте (Ленинград). Приехав в гости в поселок Отрадное Приозерского района Ленинградской области, встретила своего будущего мужа и навсегда осталась в тех краях. Стихи писала всю жизнь, но первая книжка «Мои песочные дворцы» вышла лишь в 2002 году. Стихи публиковались в альманахах, газетах, журналах.

Скучанье по Богу

Скучаю по старым друзьям и веселому лету,
По первой любви, безоглядно спешившей в дорогу,
По детской печали, похожей на светлую эту, –
Скучаю по Богу.

Домашний очаг остывает, и взрослые дети
Другими дорогами ходят к другому порогу.
И круг разомкнулся. И руки упавшие эти –
Скучанье по Богу.

Скучаю по теплоте нежному прикосновению,
По взгляду родному, летящему мне на подмогу.
Мы здесь, на земле, привыкая к её тяготенью,
Скучаем по Богу.

Скучаю по редкой минуте, где ритмы и рифмы,
Питаюсь любовью, невольно приходят к итогу,
Что каждую клеткой и каждую капелькой лимфы
Скучают по Богу.

И если от первого крика до смертного вздоха
Душе не унять бесконечную боль и тревогу,
Я знаю, о чём она просит, когда очень плохо:
– Скучаю по Богу!

Я ничего не усложняю...

Я ничего не усложняю.
 Я просто чувствую иначе.
 А может, я была другая
 Еще вчера.
 И это значит,
 Что для тебя прошли минуты,
 А я пережила недели,
 Войну, пожарища и смуты.
 И выжила. И не жалею.
 Я бегством столько раз спасалась,
 В атаку столько раз вставала!
 А что еще мне оставалось
 В бою высокого накала?

...

Пожар утих и мирно греет.
 Устало разбрелись войска.
 Прохладный ветер с моря веет...
 Какая, Господи, тоска!

Охотницы на призраков и духов...

Охотницы на призраков и духов,
 За поцелуй души –
 где ТА Душа? –
 На эшафот, в костёр! –
 по мышцам звуков,
 По нервам строк –
 любая бы взошла!

Не печалься, мой хороший

Не печалься, мой хороший.
 Всё пройдёт. И это тоже.
 Что сейчас всего дороже,
 Завтра занесет порошей.

Всё пройдёт и прежним станет.
 Господи, дай сил не ранить
 Тех, кого любили, любим.
 С кем мы были, с кем мы будем.

И прости нам за мытарства
 Грех притворства – не коварства! –
 Грех – не лжи! – лишь чуть лукавства,
 Тайну маленького царства,

Где останется до срока
 В нашей памяти глубоко
 Эта долгая дорога,
 Горькой нежности морока.

Обернулся и обжёг...

Обернулся и обжёг
 Взглядом так,
 что застонала.
 В голубой костёр
 прыжок –
 Сколько б ни летела –
 мало!

Взглядом всё
 сказал,
 спросил.
 Сжатым воздухом –
 до хруста! –
 Обнял всю.
 Всю опалил.
 И ушёл.
 И стало пусто.

Бесконечною канителью...

Бесконечною канителью
Руки заняты.

Для чего?

Меж постелями и пастелью
Только буква одна всего.

Пасть на холст,
Будто падать
В пропасть
И пропасть в этом звуке «О!»
Пусть пустынею стынет область
Та, заоблачная – без НЕГО –

Где пастели и пасторали,
Где стихи и сплошные «Ах!»
Где меня у него украли
И сожгли, и развеяли прах.

Пусто... пусто...
Лишь пепел, пепел
В облаках и на простынях.
Даже ветер, вздохнув, не заметил
Моих пепельных
«О!» и «Ах!»

Автоэпиграмма

Банальных истин рифмованье,
Нытьё о прожитых годах,
Самим собою любованье
С оскоминою на зубах

Немногих, чудом уцелевших
От никотиновых атак.
В страстях, давно перегоревших,
Копанье – вдруг блеснёт пятак?

Пусть грошик, но орлом – из пепла!
...Увы, лишь эпитафий свет.
Оглохла Муза и ослепла
С тобой, стареющий поэт.

Любовь не ищет своего...

«Любовь не ищет своего...»
И не приемлет состязанья.
Вдруг оглушило пониманье,
Что не любила никого.

Что здесь, в несовершенном мире,
Могла, у всех страстей в плену,
Лишь чувственной, любовной лире
Любую отпустить вину.

Всегда лелея вдохновенье –
Влюблённостей незрелый плод,
Страдала, что одно мгновенье
Во мне живёт его полёт.

Всё остальное – будни, серость,
Огонь без света и тепла.
А мне необходима смелость,
Чтобы преграды сжечь дотла.

Но, путаясь в сетях желаний,
Влача забот и долга воз,
Не разглядела очертаний
Цветущих под ногами роз...

Любовь не ищет своего.
А я лишь своего искала.
Прости, но я не понимала,
Что не любила никого.

Незнакомка, или встреча в ЛИТО

Анне Банициковой

1.

Январь. Снега. Так трудно за порог
Ступить субботним утром. Но желанны
Мне нынче неприкаянность дорог,
Нечаянность, меняющая планы.

За сорок верст – услышать голоса
Пленённых звукозаписью печали –
Что привело? Позвали небеса?
– Друг друга прежде где же мы встречали?

...Уже в вагоне: «Незнакомка»?.. Блок?..
(Прелестна всё ж «Снегурочка» у Анны).
Что там у Блока – берега?... туманы?..
Июль – стихи – призвания ожог –
Я вспомнила! Случайности не веря,
Ещё тогда – шелка, духи, поверья
Навеяла внезапная гроза...
Уже тогда очаровали дали,
Дождей сплошных унылые вуали
И странной близостью – вишневые глаза.

2.

Ах, Анечка! – иначе не назвать –
Снегурочки сестра или подруга,
Вы помните, июльского недуга
Случилось нам озноб пережить?

Вы ждали окончания сеанса.
А я была тем летом влюблена.
Земля, напившись ливней допьяна,
Изнемогала в трансе декаданса.

Серебряного века отраженье
С асфальтовых истертых амальгам
К туманным и забытым берегам
Вдруг повлекло вслед вашему движенью,
На зыбь зеркал ступила Красота,
Укрыв ребёнка куполом зонта...

Как параллельных жизней индикатор,
Зачем-то нужно памяти беречь
Очарование случайных встреч,
Июльский дождь
и вход в кинотеатр.

Банька топится, дымок стелется...

Банька топится,
Дымок стелется.
Знать, торопится
В путь метелица.

К земле небо льнёт,
Да, не спрятаться.
Ох, немил идёт,
Будет свататься.

Обернёт в парчу
Белоснежную
И шепнёт: «Хочу
Тебя, нежную...».

В руку вложит мне
Свечу тонкую.
Поведёт во тьме
Льдинкой ломкою.

Щеки выбелит,
На уста – печать.
Нет конца пути,
И легко молчать.

Всё-то вспомнится,
Всё проверится...
Банька топится.
Дымок стелется.

Моим стихам, написанным так поздно...

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт...

М. Цветаева, май 1913 г.

Моим стихам, написанным так поздно,
Когда узнала я, что я – поэт,
Прорвавшимся из плена ночи звёздной
Туда, где смысл и свет,

Прервавшим сон, сорвавшим с окон шторы
Осозанным созвучьем: «АЗЪ ВОЗДАМЪ!»,
Сочавшимся сквозь суженные поры
Вослед колоколам,

Не преступившим данного зарока,
До срока затаившимся в глуши,
Моим стихам – дойти бы до порога
Проснувшейся души!

Спасибо...

За трезвую и хмельную
Возможность взлететь и пасть,
За облачную и земную
Страсть.

За странствия и блужданья.
За щедрость бедняцких пиров.
За вспыхнувшее желанье
Даров.

За дрожь и дозор бессонный.
За проруби и кипяток.
За реанимационный
Шок.

За шквальные ветры в Крещение,
Сорвавшие провод с опор.
За свечи и за свеченье
Из пор.

За всё, чего прежде не знала.
За смех и осколков звон.
За неизбежность финала...
Сон?

Как переход от полусвета...

Как переход от полусвета к полутени,
Как полутон забывшейся струны,
Как полусон полуночных видений,
Как полустанок вымершей страны,

Как полуостров, расколовший струг,
Всегда полуголодная в неволе,
Там, под ребром, замкнувшим полукруг –
Моя душа –
Душа моя, доколе?..

Конечно, я схожу с ума...

Конечно, я схожу с ума,
Сошла наполовину.
Исходит вьюгой так зима,
И сходит с гор лавина.

За ветром мчатся облака.
Проходят дни и ночи.

И я люблю тебя, пока
Моей любви ты хочешь.

И не переча естеству,
Сродни рябине поздней,
Спущу на ветер всю листву,
Пылать оставив гроздь.

Чтоб было весело стареть,
Чтоб на зимовье птица
Мне песню прилетела спеть
И здесь же подкрепиться.

Люблю сходить с ума.
Слегка.
И не считать потери.
Люблю тебя любить, пока
Мы в эту сказку верим.

**Ну, и пусть – не к лицу,
не по летам...**

Мне не к лицу и не по летам
Пора, пора мне стать умней...
А. С. П.

Ну, и пусть – не к лицу, не по летам.
Стать умней – мне уже не грозит.
Снова в полночь, залитую светом,
В полнолунье душа заскользит

Вслед за телом. И тенью блуждая,
То отстав, то метнувшись вперёд,
Вдруг догонит у самого края
Чью-то душу. И с ней совпадёт.

**Я не хочу быть нищей
и бездомной...**

Я не хочу быть нищей и бездомной,
Угрюмо-нелюбимой, нелюбимой.
Я не хочу быть утончённой, томной,
Потомками читаемой и чтимой.

Хочу, чтоб крепкий дом остался внукам.
Зимой – тепла, весёлых платьев – летом.
Вязать. Печь пирожки с зелёным луком.
Хочу быть женщиной.
И не хочу – Поэтом.

**Не вижу, не слышу,
только дышу...**

Не вижу. Не слышу. Только дышу.
Только смотрю и слушаю.
Как эту ношу нести? Выношу!
Мать родила дюжею.

Вымешу. Вылеплю. Сбрызну водой.
На головёшках выпеку.
Вынесу. И пронесу над бедой.
Вынырну. Вырвусь. Выбегу.

Выстрою. Выстругаю. Сколочу.
Маленький храм. Берлогу.
Вымою потом. Вызолочу.
Выговорю по слогу!

* * *

Любовь бесплотна и трава безмолвна,
Но нам, словесным тварям, власть дана
Всему дать имя, воплотить любовно,
Жизнь подарить и вызволить из сна.

СКУЧАНИЕ ПО БОГУ

И если от первого крика до смертного вздоха
Душе не унять бесконечную боль и тревогу,
Я знаю, о чем она просит, когда очень плохо:
– Скучаю по Богу!

Наталья Кошина

В деревне, недалеко от станции Отрадное, что на Карельском перешейке, жила Наталья Павловна Кошина, красивая, образованная и поэтически одаренная женщина. Сама она так писала о своей жизни:

Меж службой женской и призванием

.....

Металась от кастрюль к стихам...

Родилась Наташа в 1952-м году на Урале в семье учителя. Ее школьное детство прошло на Северном Кавказе в городе Нальчик, а студенческие годы в Ленинграде. Приехав однажды к подруге в поселок Отрадное, она встретила там своего будущего мужа, да так и осталась жить на берегу Святого озера, которое финны называют Пухе Ярви. Работала Наталья Павловна в Опытном хозяйстве Ботанического института, растила детей, внуков. Первые публикации ее стихов появились в районной газете в конце 90-х годов, а уже в начале 2000-х она стала членом Союза писателей.

Своими «крестными» в литературе она считала литературоведа Ирму Кудрову, которая первая из профессионалов заметила ее дарование, сказав однажды: «Вы, Наташа, хороший, искренний поэт», и поэта Галину Гампер, впервые включившую её стихи в коллективный сборник под названием «Созвучие» (2002 г.). Ещё в свои студенческие годы Наталья Павловна подружилась с известной петербургской поэтессой и художницей Раисой Вдовиной, которая называла ее «двоюродной дочкой». С нарисованного тогда портрета светло улыбается юная Наташа, в ее взгляде есть и восхищение миром, и уже материнская решимость защищать его от любой несправедливости.

Один, хорошо знавший Наташу человек, адресат целого цикла ее стихотворений, очень точно сказал, что она обладала всеми женскими достоинствами без бабских недостатков. Читая ее стихи, испытываешь какое-то радостное чувство обновления, как будто окунаешься в воду озера Пухе Ярви, так любимого ею и называемого в стихах океаном:

Здравствуй, мой океан.
Как же долго мы были в разлуке!
Ты свои валуны
 ледяными ладонями волн
То ласкал, то ворочал,
 рыча и зверея от скуки
И бездонной тоски
 был твой шёпот полуночный полн.

Однажды Марина Цветаева, по какому-то чисто литературному поводу, заметила: «Это дело специалистов поэзии. А моя специальность – Жизнь!». Слова эти в полной мере можно отнести и к Наташе Кошиной. В её стихах мы иногда слышим цветаевские интонации, но в них отсутствует трагизм, противопоставление себя миру и непомерные требования поэта-романтика к жизни. Все требования она, как зрелый и совестливый человек, предъявляла только к себе. Вступая в диалог со своей великой предшественницей, она пишет:

Не преступившим данного зарока,
До срока затаившимся в глуши,
Моим стихам дойти бы до порога
Проснувшейся души!

Наташа хорошо чувствовала и понимала смысл того, что происходит в природе, ощущая себя ее частью. Природа в её стихах не просто живая, она бессмертная:

Из отрубленного корня,
Из мельчайшего кусочка
Рвётся, рвётся к высям горным
Чубчик глупого росточка.

Свою жизнь она сравнивала с судьбой карельской песнопевицы Ларин Параске. Все невзгоды и трудности, выпадавшие ей, она преодолевала поразительно стойко, с неистребимым жизнелюбием:

Ну, кто вопил: «Предел!»?
 Я беспредельна!
Кто причитал: «Конец»?
 Мне нет конца!
Живу, дышу и снова шлю гонца
С веселой вестью:
 – Рана не смертельна!

Важное место в ее творчестве занимает любовная тема «долгожданная эта болезнь», «эта нежная жадность плоти». Щедрая и благодарная душа видна в огромном количестве стихотворений адресованных и посвященных друзьям. Наташа была очень похожа на свои стихи – умные, страстные, талантливые. В них мы слышим ее человеческий голос, который говорит с нами почти всегда только о высоком: о жизни и смерти, о любви и искусстве. И еще о том, что человек жив человеком:

В каких высотах не кружи,
Земли, воды ты станешь частью.
– Ты знаешь, что такое счастье?
– Когда ты часть другой души.

Имя Наталья в переводе означает «родная», «природная». Не случайно Лев Толстой так назвал свою любимую героиню, которая живет не «умом ума», а «умом сердца». И начал он свой рассказ о ней с именин, которые празднуются 26 августа по старому стилю. Эта дата совпадает с уходом от нас Натальи Павловны Кошиной.

Смерть человека это только последний акт его жизни, но мало кто способен относиться к его приближению с таким достоинством. Вот последний разговор Наташи с подругой по телефону:

– Нет, я не дома. Я сейчас в городе. В хосписе.
– ...А к тебе... можно?
– Конечно, приезжай. Тут все очень просто...

Каждый год 21 августа во дворе дома на берегу озера накрывались столы, и начинался, как говорила Наташа, «национальный деревенский праздник». Приезжало много друзей, родственников, приходили соседи, чтобы поздравить ее с днем рождения и последний раз за лето искупаться в озере. Впечатление от этих встреч было сродни тому, что испытал князь Андрей, впервые посетив имение Ростовых (и тоже Отрадное!): «Мало того, что я знаю то, что есть во мне, надо чтобы и все это знали, ...чтобы не для одного меня шла моя жизнь, ... чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мной вместе!»

Многим из тех, кто знал Наталью Павловну, посчастливилось сидеть у ее костра или у печки и отогреваться душой, общаясь с этим прекрасным человеком. Теперь, чтобы встретится с ней, мы больше не поедem в Отрадное, а просто почитаем ее стихи.

Анна Банщикова

Екатерина Полянская
Россия, Санкт-Петербург

Врач. Поэт, переводчик с польского и сербского языков. Член СП России. Автор шести стихотворных сборников и многочисленных публикаций в литературных журналах и антологиях.

* * *

И поставили памятник Анне напротив тюрьмы,
Чтобы вновь ей смотреть на сырые кирпичные стены,
Где окошки прищурились, полные дремлющей тьмы
И притихшего лиха, таящегося среди тлена.

О, как холодно здесь! Ленинградскую серую гарь
Разрывают ветра и бросают прохожим навстречу.
О, как сердце болит! Лишь бывалый острожник-январь
Посыпает колючим снежком угловатые плечи.

И поёт монотонно... А время сжимает кольцо,
То свинцом угрожая, то лязгая цепью железной.
Но ведь кто-то же должен стоять, повернувшись лицом
К неизбежному страху, готовому хлынуть из бездны.

* * *

Василию Рысенкову

Нынче вокруг колокольни полно стрижей.
 Птичья забота – знай себе режь да шей.
 Острым крылом возле моей щеки
 Чиркни, как лезвием, тенью коснись руки.
 Режь, перекраивай время, пространство, жизнь,
 Резко ныряя, закладывая виражи,
 Криком сшивая невидимые края,
 Где из воздушной раны забьёт струя
 Чистого света.

Что же, душа, учись.
 Не сожалей, не бойся – пронзая высь,
 Воздуха легче, стремительнее, чем стриж,
 Над колокольной когда-нибудь ты взлетишь,
 Чьей-то щеки почти коснувшись крылом,
 Не вспоминая – в вечности – о былом.

Таллиннский триптих

* * *

В старом Таллинне,
 маленьком, но глубоком,
 на остатках портала церкви святой Катарины
 время
 потихоньку стирает с камней
 виноградные лозы Христа,
 лилии Девы Марии,
 розетки, трилистники.
...in nomine Patris et Filii...
 В воздухе влажном
 растаяло эхо
 давно отзвучавшей латыни
...et Spiritus Sancti...
Amen.

В открытом кафе
 официант
 предлагает попробовать пиццу,
 стайка китайских туристов
 оживлённо щебечет,
 парень фотографирует
 на фоне каменной ниши
 подружку –
 девица хихикает,
 принимая картинные позы.
 И только лишь птичка,
 совершенно мне неизвестная,
 поёт свою песенку –
 такую незамысловатую –
 в точности так же,
 как семь столетий назад.

* * *

В старом Таллинне,
 маленьком, но глубоком,
 в магазинчике Antik Military
 всё аутентично:
 Офицерские сабли
 и казацкие хищные шашки
 настороженно замерли
 в соседстве весьма оскорбительном
 с немецкими касками,
 зажигалками
 и будильником советской эпохи.
 Узкие лезвия,
 обнажённые до половины
 презрительно щурятся
 на тонкорукых
 татуированных юношей,
 толстяков в коротких штанишках
 и тому подобную фауну,
 явно тоскуя
 по ветру,

по терпкому поту
усталых коней,
по ладоням горячим и жёстким
рук настоящих,
имеющих силу и право.

* * *

В старом Таллинне
Маленьком, но глубоком –
ливень,
растворяющий силуэты
башенок, башен и шпилей.
В открытых кафе –
пустота.
Сложены стулья,
мокрые тенты обвисли.
Вода
низвергается по водостокам,
подпрыгивая на камнях,
бежит по извилистым улочкам,
как по ущельям,
смывает с булыжников
чьи-то шаги,
взгляды – со стен,
с ярких витрин – отражения,
из каменных ниш
вымывает остатки
чудом застрявшего времени.
Прочь.
...show mast go on!...
Когда всё стихает,
по Ратушной площади
туристы снуют,
как стремительные водомерки
по глади пруда –
по зеркальной его поверхности,
нисколько не интересуясь,
а что же там – в глубине.

* * *

Мне приснилось, что я никому ничего не должна.
Никому – ничего, кроме, разве что – Господа Бога.
Осушила – до дна, по счетам расплатилась – сполна,
Сполоснула стакан, и могу собираться в дорогу.

Тишина до краёв наполняла колодец двора,
Заливала сквозь окна квартир обветшалые гнёзда,
Растекалась по крышам. И зеленоватые звёзды
Безмятежно дышали. И я понимала – пора.

И, без горечи вспомнив друзей, позабывших меня,
Или попросту – канувших, сгинувших в вечности сонной,
Я седлала коня. Я спокойно седлала коня,
Чтоб скакать на восход – бесконвойно и неподзаконно.

Мои двенадцать

Они пришли – двенадцать человек,
Пришли, действительно, – стихи послушать.
Впотьмах метался ветер. Мокрый снег
Плевал в лицо, и сердце билось глуше.

И вот, когда, цепляясь и скользя,
Я заглянула в пасть пустого зала,
Они пришли – последние друзья,
Которых я почти совсем не знала.

Не дай мне Бог душою покривить,
Когда, последних слёз уже не пряча,
Пришедших я смогу благословить
Не словом, но – молчанием горячим.

* * *

У меня три шага от стены к стене,
Ручка и бумага, и луна в окне.
Тонкий лучик света темнотою сжат,
А за стенкой где-то мышки шебуршат.

Мышки голодают каждую весну –
Корочку глодают, ходят на войну.
Может быть, обои прогрызут до дыр,
Может, где-то с бою раздобудут сыр.

Ветер задувает в чёрную дыру,
Мышки затевают тихую игру:
То ли что-то тащат, тащат и грызут,
То ли настоящий учиняют суд.

Может, загуляют, вольностью горя,
Может, расстреляют белого царя.
А потом заплачут, каяться начнут,
С пряника на сдачу получивши кнут.

Высохшие крошки, перекиший страх.
Злые-злые кошки сторожат в углах.
За окошком лужа с огоньком на дне...
Мышкам явно хуже, чем, к примеру, – мне.

У меня три шага и затяжки – три,
Ручка и бумага, и стихи – внутри,
Над башкою – крыша, и на кухне – газ...
Господи, услыши, и помилуй нас!

* * *

Находясь в эмиграции, силишься вспомнить порой
Нечто самое главное, а вспоминаешь – синицу
За окном кабинета, карман с незашитой дырой,
В долгожданной маршрутке потерянную рукавицу,

Звон пустого трамвая, нелепо осевший сугроб,
Два окурка крестом на нестиранном кружеве наста,
По десятке петрушку и явно поникший укроп
У ядрёной торговли, такой разбитной и горластой,

Покосившийся столб, что немного похож на весло,
Ржаво-серых собак на проталине теплоцентрали,
И замёрзшую лужицу, гладкую, будто стекло,
И своё отражение, мелькнувшее в тёмном овале.

И когда так банально левее и ниже соска
Вдруг проклюнется боль, осознаешь, что жизнь твоя длится,
Пока дремлют собаки, торговка кричит, и – пока
За немытым окном шебаршит коготками синица.

* * *

К портрету Н. Н. Гончаровой

Хулители бессмертной красоты,
Поэт любил её – *чего же боле?*
Вглядитесь в эти чистые черты,
Подсвеченные затаённой болью.

И в самом деле, где уж было ей –
Наивной девочке, нездешней птице,
Попавшей в жернова людских страстей,
И вырваться из них, и защититься?

Не смейте же судить и осуждать –
Не в нашей власти наших жизней нити.
Примите красоту как благодать,
Умолкните и головы склоните.

Две фотографии

Две фотографии передо мной:
ЦПКиО, дворцовые ступени,
Июньский день в мерцанье светотени,
Плывущий над камнями влажный зной.
На первой – вместе я и мама с папой,
И лев катает шар чугунной лапой,
Блестя отполированной спиной.

А на другой – всё то же: и стена,
И лестница, и стриженная кроха,
И платице воздушное в горохах,
И львиной гривы чёрная волна.
Всё те же декорации, всё – то же:
И день, и час, и даже ракурс – схожий,
И только я – уже совсем одна.

И на ступенях тополиный пух
Подобен пеплу. А на заднем плане,
Слегка размытый, словно бы в тумане,
Дворец покинутый пустынно-глух.
Лишь девочка, да чёрный лев чугунный...
Как будто кто-то прикоснулся к струнам,
И пробует мелодию на слух.

Попытка откровенности

Н. Данилину

Знаешь, дружище, на остановке темно,
В доме напротив классическое окно
Оберегает чей-то жёлтый уют.
Там всё нормально, там никого не ждут.
Тут – сигарета погасла, и нет огня –
Очень не вовремя кто-то вспомнил меня.
Снег хрустит, и маятником – шаги,
Холода не выдерживают сапоги.
Не подошёл троллейбус, маршрутки нет...

Как меня достаёт назойливый свет
В этом окошке! А впрочем, что я кручу?
К дому пора. Но я туда не хочу.

Знаешь, дружище, видимо есть во мне
Лишнее нечто. Но возможно вполне,
Необходимого нет – так ведь может быть...
Точно не знаю. Но это мешает жить.
Это оно раздирает мне смехом рот
Там, где «по-взрослому» всё. И наоборот –
Там, где шуткуют, велит умирать всерьёз.
Это оно гонит меня на мороз
Из компаний хороших, уютных гостей.
Меж анекдотов, тостов, милых затей
Странная скука, сосущая пустота,
Чёрная, как пролёт ночного моста,
Вдруг настигает меня и торопит прочь...
Ты понимаешь, это не превозмочь.
Я бы могла поискать кой-чего в вине –
Дури своей вполне достаточно мне,
Так что и результат был бы близок к нулю.
Разве что – запах. Но запаха я не люблю.

То ли, дружище, что снилось, но не сбылось,
С памятью крепко-накрепко переплелось,
То, что не встретилось и не произошло
Смотрит порою словно через стекло,
Бьётся тонкой жилкою на виске.
И догонять его можно лишь налегке.
То ли – кочевники-предки. Чуть слышный зов
Сотен давно исчезнувших голосов,
Запах пота и дёгтя, тележный скрип,
Чей-то гортанный смех и короткий всхлип.
То ли это и в самом деле – шиза.
Если ты так считаешь, я тоже – за.

Знаешь, дружище, это, конечно, смешно,
Глупо, нелепо и – даже стыдно. Но
Только в пути, да ещё – на конской спине
Не бесприютно, не одиноко мне.

Там и попутчик ближе бывает, чем
Добрый знакомый... Но я не про то совсем.
Среди лесных и полевых дорог –
Мой беспощадный, мой милосердный Бог.
Всем своим сердцем, туго сжатым в кулак,
Я бы молилась ему одному – но как?
И отражает, не понимая – что,
Силится вспомнить, глухо мычит: «не то!»,
Корчится от мучительного забвения
Малый осколок безмерного целого – я.

Святой Борис

Качнулись в сёдлах каменные спины –
Отспорив, отшумев, угомонясь,
Уходит недовольная дружина.
И что теперь ты будешь делать, князь?

Беги, Борис! Испуганною птицей
Лети за горизонт, на край земли.
Часы идут. Земное время длится
И рвётся под копытами в пыли.

Дрожат и наливаются неслышно
Минуты, словно капли на весу...
О Господи! Среди живых я – лишний,
Но кто из нас войдёт с тобою в суд?

Оправдываться – тщетная затея,
Коль Сам Ты не отпустишь мне долги...
Толкаясь и от трусости потея,
В шатёр уже врываются враги.

О Господи! Услыши и помилуй,
На миг один открой Свои пути,
И если я ослабну – дай мне силы
До губ дрожащих чашу донести.

Чтоб к жизни пробудясь в смертельной ране,
Расправив изумлённые крыла,
Бессмертия глубокое дыханье
Душа перед полётом обрела.

Воспоминание о Мариенбурге

Мне уже никогда не вернуться туда,
Где в глубоких прудах остывает вода,
Словно времени тёмный и терпкий настой,
Горьковато-полынный, недвижно-густой,

Где в закатных окошках мутнеет слюда,
Где, качаясь на лапах еловых, звезда,
Подлетает всё выше, и месяц над ней
С каждым взмахом всё тоньше и словно ясней.

И в траве разогретой, глубокой, как сон,
Мне уже не услышать сквозь стрекот и звон,
Сквозь плывущий под веками медленный зной,
Как шуршат облака – высоко надо мной.

Никогда – это веточки сломанной хруст,
На иных берегах расцветающий куст,
Это голос, летящий сквозь мёртвую тишь,
Долгим эхом становится. И только лишь,

Задержавшись над лугом, дыханье моё
Всё колышет былинки сухой острие,
Да ещё отраженья на глади пруда
Смотрят в синюю бездну чужих «никогда».

* * *

К этой квартире, где прожито столько лет,
Так что можно вполне сойти за домового,
Где с чужой памятью собственный смешан бред,
Я подхожу и войти не решаюсь снова.

Там не укроешься: жизнь состоит из прорех
И по краям – густых отпечатков пальцев...
Лучше не думать, помнят ли вещи всех
Бывших хозяев, а точнее – постояльцев.

Тех, кто на пианино этом играл,
Мыл, убирал, тонко раскатывал тесто,
Думал, страдал, болел, потом – умирал,
Освобождая другим квартирантам место.

Что меня ждёт за дверью? Каким ещё
Дышащим зеркалам во мне предстоит разбиться?
Кто и за что сегодня предъявит счёт
И предложит с процентами расплатиться?

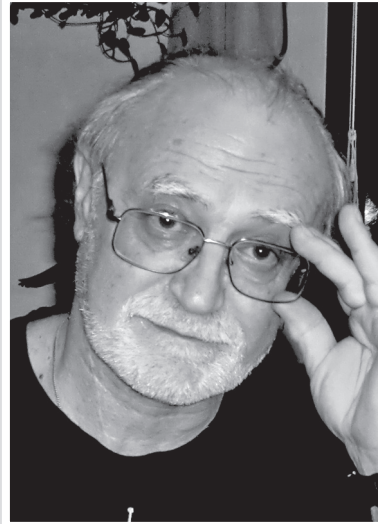
Прежде, чем тяжестью лягут в ладонь ключи,
Сердце наполнив мерцающею тревогой,
Прежде, чем этому сердцу сказать: «Молчи!»,
Надо ещё постоять, подождать немного.

Надо собраться с силами, перекурить,
Сжаться до точки, внутри себя бесконечной,
Чтобы потом решительно дверь отворить,
И спокойно шагнуть темноте навстречу.

Александр Фролов
Россия, Санкт-Петербург

Поэт, прозаик, драматург. Член СП Санкт-Петербурга. Автор семи книг стихов, нескольких инсценировок и короткой прозы. Публиковался в многочисленных журналах, альманахах, антологиях в России и за рубежом. Лауреат нескольких престижных литературных премий.

**НЕ ХУЖЕ, НЕ ЛУЧШЕ,
НО ТАК, КАК УМЕЕМ...**

* * *

Б. Григорину

Не хуже, не лучше, но так, как умеем
мы все говорим, только так, не иначе.
К каким нам стремиться еще Эмпиреям,
где слово бесплотно и мало что значит?
Нет, здесь и сейчас, и ни дальше, ни ближе –
останется всё – ни длинней, ни короче, –
что выкрикнул другу во гневе бесстыже,
что выдохнул милой под пологом ночи...
За всё отвечаешь: за ложь и за лажу.
На этом стою – и сойти не умею –
на уровне жизни, с которой не лажу,
на уровне речи, которой владею;
где равно беспутны и та и другая,
и свистом наполнены, грохотом, гамом...
Где корчится улица, слезы глотая,
словами давясь, как паленым «Агдамом».

Где уровень страха и уровень бреда,
совпав, застывают на риске раздора;
где сам ты – объект чьей-то рваной беседы,
предмет разбирательств и тяжкого спора.
Где любят и губят, спасают и тонут.
Но где нас хоть кто-то когда-то услышит;
где боль и любовь одинаково стонут... –
на уровне жизни – и только, не выше.

2004

Троя – Грозный, транзитом

(Антигероиды с комментариями)

1. ГЕКТОР – АНДРОМАХЕ

Это пчелы, Андромаха, пчелы, пчелы –
вестники из темных сот Эреба;
это их гудящий рой веселый,
это их смертельный посвист... Небо
станет цвета кирпича. Косые строчки
прочертив по черепкам чернолощенным,
где застрянут те свинцовые примочки
со смещенным центром тяжести; смещенным
в тело... в теле... Понимаешь, всё на свете
повторится: войны, проводы, свиданья...
Различают времена совсем не этим,
а лишь скоростью прямого попадания.
Пока смерть не встретил выдохом сипящим,
сколько раз я этот город, видят боги,
обежал по кругу трусиком косящим...
Как песок там под стеною вязок! – ноги
стали каменными, знаешь, не от страха –
после пляжного как будто волейбола...
...Вот и всё. Прощай. Не бойся, Андромаха,
это просто пчелы, просто пчелы.

2. КОММЕНТАРИЙ

Да какая лирика? Совсем другого рода
напряжение – не вербальное – возникает от
взгляда на экран... В семье не без уроды,
говорят. Но каждый третий здесь урод.

Нет, не лирика, но страшная пародия на эпiku...
Дайте ж тело Гектора убрать из-под стены,
пока бравый наш не прекратил истерику,
брызжа ядовитой слюной на пол-страны.
Что там гекатомбы! – и слов таких не знают.
Только ложь и лажа, скудоумие и страх;
значит, наши мальчики с улыбкой умирают?
С именем министра, значит, на устах?

И не знают, бедные, в своих сгорая танках,
что совсем не надо сочинять врага...
Просто, чья-то нефть. И чьи-то бабки в банках.
Чьи-то бабы. Чьи-то, всем обрыдлие, рога.

3. ОДИССЕЙ – ПЕНЕЛОПЕ

Подожди, перетерпи разлуку.
С женихами разберемся в “Одиссее”.
О, как память сковывает руку:
Пене... пена... Плечи, мрамора белее,
и мысок курчавый, что так сладко
пахнет зрелым миндалем и козьим сыром,
и распутно-горделивая повадка...
...Я вернусь, клянусь любимым сыном!
Вот о ком еще тревожусь ежечасно:
без отцовского как вырастет он глаза?
...Ты поверишь ли: и шлюх здесь нет. Ужасна
участь подполковника спецназа.
И вино подвозят так нерегулярно;
интенданты все, известно, – воры.
И в землянках наших грязно и угарно,
да еще без телевизора... Но скоро

всё закончится. Переживи разлуку,
ведь не век долбать нам эти стены...
Я придумал тут такую штуку,
что войдет в преданья несомненно.

4. КОММЕНТАРИЙ

Тоже мне, военная хитрость – деревянная лошадь!
Вон она – выброшенная взрывной волной за ограду парка...
...Карусель разбита... Вся в развалинах черная площадь.
Это место пусто. Этот город мертв. Но не камни жалко,

а лишь тех – невинных, скрывающихся по подвалам.
Ну а город?.. Что ж, отойдет в глухую область преданий,
и его занесет песком на века, как не раз бывало.
Никаких тебе воскресных с детьми гуляний.

Карусель веселая, шарик воздушный, голубой мячик... –
ничего не будет...

Но вернувшись к мифологеме, –
если спрятался в той лошадке ахеец – то мальчик-с-пальчик
с хохолком из перышка голубиного в блестящем шлеме;

никому не страшен, поскольку никому не виден
по своей игрушечной малости, в отличие от настоящих,
громыхающих бронжилетами...

Полубезумный лидер,
бойся, бойся морских пехотинцев, дары приносящих.

5. АХИЛЛ – БРИСЕИДЕ

Не пеняй, жена военно-полевая,
мне твои упреки горше перца –
не хотел, но со стыда сгорая,
свел из кущи, оторвал от сердца.
Отобрали, сучьи дети, обобрали,
не ослушались приказа идиота...
Это им – вождям проигранных баталий –
дачки-тачки, девки, баньки по субботам.

Ну, а мне – сдирать тельняшку вместе с кожей:
так от пота и сукровицы промокла,
И мальчишек хоронить своих, похожи,
как один они на бедного Патрокла.
Всё пропитано здесь кровью и обманом,
этот смрад меня достанет и за гробом...
Шлем крылатый откопают под курганом,
назовут меня троянофобом;
скажут: «Был герой капризный и упрямый,
манией страдающий величья.
Пуля в пятку угодила. Сепсис. Яма.
А ведь кончил Академию с отличием...»

На Кавказ податься, что ли? Там Колхида;
там руно, вино там золотое...
...Извини меня, подружка Брисеида,
сам не знаю, что несу я после боя...

6. КОММЕНТАРИЙ

Не похож на героя вопящий с экрана истошно.
Все правители врут, ибо глухи они от рожденья.
Отношение повода к первопричине ничтожно,
но причин и последствий ужасно соотношение.

Эпос – это когда нас не трогают крики и стоны,
и уже всё равно в перспективе времен и коллизий, –
засыпает песком или снегом сожженные стогны,
кораблей вечный список читают или список дивизий.

У истории правда своя. И ее отражение
неподвластно никак олимпийцев прямому указу.
Все сказители врут, так как слепы они от рожденья.
Ну, а если не слепы, то, значит, тогда одноглазы.

Справедливо. Иначе нас правда бы, точно, убила.
А теперь – кто отыщет засыпанных в грязном подвале?
Новый Шлиман отроет когда-нибудь эти могилы,
и восторженно вскрикнет: «Источники нам не солгали!»

7. АВТОР – КЛИО
(без комментариев)

Если кто чего не понял, – извините –
за повторы, за излишнюю громоздкость.
Просто способ описания событий
переводом их в другую плоскость
нам предложен...

Или выбран нами,
потому что невозможно без обмана
эту кровь описывать словами
вне мифологического плана;
потому что, Клио, мы с тобой не пара,
никогда ты не бывала нежной.
Сядь со мною на террасе бара
где-нибудь в Беотии прибрежной.
Неподвижен перманент Эгейский,
если сверху посмотреть, отсюда...
Выдай мне сто грамм моих армейских, –
я забудусь и тебя забуду.
И очнувшись через двадцать семь столетий,
и поняв, что ничего не изменилось:
допиши, скажу, сама ты строки эти,
и оставь меня, подруга, сделай милость.

1995

* * *

Дался ему этот Рим до юности жадный,
высокомерный, смертью голубящий знойной...
Небо лазурное, щедрое солнце, атрий прохладный –
что еще надо, скажи, для жизни достойной?

Озеро в бликах, в сияющей дымке долины.
Думаешь, помнят Катутла эти ступени?
А хорошо, что и мы увидели руины:
нету полезней лекарства от спеси и лени.

Мы здесь с тобой уже были когда-то, похоже:
теплые камни, седые оливы на склоне...
Вот и воробышек, радуйся Лесбия, ожил,
прямо из Рима к нам прилетел в Сирмионе.

2009

* * *

Эти выходы в свет и хождения эти в народ
со спецназом на крышах и крупнокалиберной сворой
по бокам – мифотворчество наоборот;
никаких превращений ни с фауной нашей, ни с флорой.

Превратился бы лучше в быка или, скажем, в слона.
Нет, спускается к нам добрым дядей и молний не мечет.
А скажи-ка нам, дядя, какого-такого рожна
примеряешь к себе наш язык и масштаб человеческий?

Это косноязычие – вязкий, раздерганный слог, –
он еще и под нас ладит речь, и врубаться не хочет,
что и самый догадливый вряд ли понять его смог:
смертный так не гремит, не трещит, не рычит, не грохочет.

Словно палкой по жести за сценой и молотом в рельс,
словно Бог из машины – блестящей своей многодверной...
Он нас так приласкает, как Ио покорную Зевс;
сохрани и помилуй от этой любви непомерной.

1998

* * *

*Памяти моего финского переводчика
Аксели Кайанто, убитого в Москве*

Как же так, говорю, как же так, бессильные сжав кулаки.
Все слова бесполезны, когда в ночи остаешься один.
Знаешь, я полжизни учился любить эту страну вопреки
равнодушию ее прибитых тоской равнин.

Но зачем же и ты прильнул к этой тоске?
Никогда никакая речь шелестящая не потрясет здесь основ,
где о братской любви пелись песни на сто одном языке
и о дружбе навек гремели трубы со всех столбов.

А когда от этой любви прогнившей повалил смрад,
и когда уже выцвел напрочь краснознаменный шёлк,
оказалось: человек человеку – не друг, товарищ и брат;
человек человеку – волк.

За копейку продаст, за две удавит, за три – удавится сам,
то ли молясь при этом навзрыд, то ли зло матерясь...
Боже мой, ничего не поправить уже... И Москва не верит слезам.
Опера́ безучастные привычно декабрьскую месяц грязь.

И тебя наш великий-могучий – твой любимый –
окаянной ночью не спас.
Да и мне его не хватает – так стыдно – чтобы каяться за других...
И всё же переведи эти строки в той жизни, где ты сейчас;
все слова однажды достигают небес... Знать бы, каких?..
2005

* * *

Представляю Рёскина на лесенке, сопящего, как бегемот,
в мрачноватом Сан-Дзаниполо. Испачканный сюртук.
Хмыкает удовлетворенно: «Я же говорил. Ну вот –
дож-то этот полый. Вот пройдохи! Липа все, кунштюк.

Все искусство Ренессанса лживо. За фасадом – пустота,
пыль слежавшаяся, и подпорки, и труха. Ну, в общем, кавардак.
Красота? Угу, допустим, но какая-то она не та...»
И Палладио с Ломбарди расчехловил: так их и еще растак!

А ведь знал же толк в нервюрных сводах и готической резьбе;
описал Средневековье так, что любо-дорого читать...
Что ж, мы тоже в предпочтениях каждый за себя, сам по себе.
Но не стоит приглашать к обеду тех, кого не хочешь приглашать.

Чем измерить этот свет, струящийся сквозь витражи?
И Паоло, мальчик, пастушок как будто говорит со мной.
И зачем мне знать, что за спиной у дожа, ну скажи?
Ни за что бы не полез по лесенке по шаткой приставной.

2010

За сигаретами

Памяти В. Старицкого

...Как ты в хвосте оказался?.. И, боже мой,
что напоследок доверил ты мне
там – на Сенной, навсегда примороженный
вместе с другими к шершавой стене!
Ты мне оставил секрет долголетия
кожаной обуви – странный итог
жизни... Еще покантуюсь на свете я, –
может, сношу пару лишних сапог.
Сало свиное смешаю с касторовым
маслом и смажу свои башмаки...
Где наши девочки, лапочки?.. Здорово
мы погуляли в былые деньки!
Выпита водка и нету желания
снова впустую молоть языком...
Мы – демократы по факту стояния
вместе со всеми в хвосте вековом.
Стой же, сжимая рублевки и трешники;
припоминай без усмешки и слез
нервной некрасовской музыки раешники,
дактили шатких тележных колес;
поскрип сапог... Ну, конечно, не смазаны!..
Посвист кнута... Ну, известно, – сырой...
Наша история будет рассказана
кем-то когда-то. Не мной. Не тобой.
Песенки спеты и нет настроения
спорить вздохом у закрытых дверей...
Мы – разночинцы по факту рождения
в этой прародине очередей.

Стой себе тихо... Ни вкуса, ни запаха
нет у посмертных твоих сигарет...
Что ты всё шепчешь смешное мне на ухо? –
детский какой-то, дурацкий секрет.

1990

Когда не пишется

Какие тусклые, томительные ночи!
А может быть, напиться, вдрызг надраться,
нажраться, назююкаться?... Короче, –
наклюкаться, нарезаться, набраться...
В какую-нибудь щёлочку забиться,
зарыться в плед, от мира заховаться,
закрыть глаза, заснуть, забыть, забыться...
Какие сны в том пьяном сне приснятся?
Какие сны!.. Какие злые лица!..
Проснуться быстро! Сладко потянуться,
Страхнуть оцепенение, взбодриться,
очухаться!.. И невпопад очнуться
в объятиях неведомой лахудры.
Ты кто, лахудра? Что за наважденье!..

«Глаголы, – Рейн заметил многомудрый, –
вот что важней всего в стихотворенье.»
Ну да, конечно, – действие, движение;
строжайшие грамматики законы;
возвратные глаголы, их спряжение,
свистящих «ся» китайские поклоны, –
неверные косящие частицы
желательных, возможных состояний...
Нет, точно, всё же следует напиться,
чтобы потом, зарывшись в плед, забыться...
...И никаких тебе переживаний.

1996

Однажды ...

...опоздаешь на свидание, но это окажется не важным...
...сядешь за руль и не сможешь в руках его удержать...
...в печурке спалишь весь пожизненный мусор бумажный...
...последнюю строчку бубня, не захочешь ее записать...
...в декабрьских сумерках затоскуешь только о тепле и свете...
...вспомнишь детскую песенку, не вспоминая сто лет...
...забудешь, о чем полчаса назад прочитал в газете...
...начнешь названивать старому другу, которого нет...
...любимую книгу закроешь и не заметишь страницы...
...не выскочишь больше за сигаретами на «уголок»...
...поймешь, что граффити в парадном еще полвека пылиться...

Однажды переживет тебя ночной мотылек.

2000

Так стареть...

Не катиться вниз и не стремиться ввысь...
не лукавить, не судачить, не галдеть...
Быть последним. По обочине плестись,
под ноги внимательно глядеть.
Позабыть, куда засунул белый флаг...
не спешить, не суетиться... Не успеть...
Опоздать к раздаче почестей и благ.
Так стареть.

2007

Послесловие

Вокзал дрожит... Но музы не поют –
так много лязга, гомона и гула...
Подножки ставят и по спинам бьют,
и словно сами по себе бредут
самодовлеющие челноков баулы.

Из пункта А в пункт Б перместясь
через четыре сонные границы,
в перронную разжиженную грязь
ступая, понимаешь, торопясь,
что можно было и не торопиться.
И можно было сочинить финал
истории, навеянной дорогой,
когда бы ясно не осознавал,
как трудно вспомнить то, что не видал,
что неподвластно памяти убогой.

В туннеле мрак, хоть выколи глаза.
Скрипит замызганный кожаменитель
носилыщика... А я на два часа
проездом здесь и, как зимой гроза,
случаен и не нужен.

– Извините,
как выйти в город? – Здесь прохода нет! –
со всех сторон тебе вопят истошно...
О, Господи, и через сотни лет
мы, может быть, не вынырнем на свет
из безъязыкой темноты подвздошной.
Не нами выбран век для жизни, но
и нас самих века не выбирали...
...Снует челнок, жужжит веретено... –
не нами это всё заведено,
и всё на нас закончится едва ли.

1997

Александр Гуревич
(10.06.1959 – 11.08.2002)

Россия, Санкт-Петербург

Математик. Работал в одном из ленинградских НИИ. Член СП Санкт-Петербурга. Переводил сонеты Шекспира, стихи современных американских поэтов – Роберта Боуэна, Юзефа Коммуняки, а также прозу: от произведений таких мастеров, как У. Фолкнер, Ф. Купер, Э. Питерс, до изящных юмористических рассказов.

Вильям Шекспир

МОНОЛОГИ

Монолог («Гамлет», акт 3, сцена 1)

Так быть или не быть – вот в чем вопрос.
Честнее ли, смирившись, покоряться
В душе атакам яростной судьбы
Или, восставши на стихию бедствий,
Сразить их разом? Умереть, уснуть,
Не более. Сказать, что сон – конец
Сердечной боли, тысячи мучений,
Наследуемых плотью. Вот развязка,
Предел желаний. Умереть, уснуть
И, верно, видеть сны? О, здесь загадка!
Что сможем мы увидеть в этом сне,
Навеки сбросив суетную брешьность?
Мы ждем, мы медлим. Вот что порождает
Злосчастной жизни долгую стезю!
Кто стал терпеть бы времени хлысты,
Глумленье угнетателей, попанье
Высоких чувств, неспешность правосудья,
Надменность власти и пинки презренья,

Что скромное служенье честно терпит,
 Когда б он мог итоги подвести
 Кинжалом обнаженным? Кто бы бремя,
 Стеная, безотрадной жизни нес,
 Когда бы страх того, что дальше смерти,
 Той призрачной страны, из чьих пределов
 Возврата нет, не сковывал нам волю,
 Чтоб мы тащили груз своих невзгод
 И не спешили к тем, кого не знаем?
 Так нас рассудок в трусов превращает:
 Исконный цвет решимости святой
 Уже окрашен бледным размышленьем.
 И все порывы взлета и мгновенья
 Проносят мимо цели и теряют
 Название поступка.

Монолог («Макбет», акт 2, сцена 1)

Что вижу я? Кинжал ли предо мной?
 Дай пальцы мне сомкнуть на рукояти;
 Ладонь пуста. Но вот же, ты застыл!
 Видение судьбы, ужель касанью
 Доступно ты как зренью? Или ты –
 Лишь духа моего кинжал, обман,
 Исчадь жаром сдавленного мозга?
 Но вот же ты, ты так же ощутим,
 Как тот, что извлекаю я. Ведешь ты
 Меня путем, каким я шел и прежде,
 И только это применял орудье.
 Глаза – шуты на службе чувств других,
 Иль стоят сразу всех. Вот ты застыл:
 Клинок и рукоятка в каплях крови;
 Их не было. Тебя не существует:
 То поприще кровавое стоит
 Перед глазами. Половина мира
 Мертва, виденья злобные проникли
 Под полог сна, и нечисть прославляет
 Алтарь Гекаты бледной. Алчный дух
 Убийства, пробужденный стражем, волком,

Чей вой – что бой часов, неслышным шагом,
 Походкою Тарквиния спешит,
 Как призрак, к цели. Твердь земная, ты
 Шагам моим не внемли, чтобы камни
 Не разгласили местонахождение
 Мое, и не изъяли этот ужас
 Из ночи. Я грожу, а враг мой жив;
 Как речи студят жаркий наш порыв!

(звон колокола)

Пора. Иду! Мой колокол зовет.
 Дункан, не слушай! Это тот набат,
 Что в рай тебя отправит или в ад.

СОНЕТЫ

1

От всех живых мы умноженья ждем,
 Чтоб век не вяла роза красоты,
 Чтоб зрелый цвет, что гибнет с каждым днем,
 Хранил в потомках юные черты.
 А ты, заложник собственных очей,
 Пылаешь в них, чтоб сделаться золой,
 И сеешь сушь, где столько бьет ключей,
 Ты, свой же враг, к себе так жадно злой.
 На ткани мира дивное шитье
 И первый всадник радужной весны,
 Ты сам в себе хоронишь все свое
 И, скряжничая, тратишь из кошны.
 Обрадуй мир, ведь вору лишь под стать
 Скрывать в могиле то, что должен дать.

69

Все то в тебе, на что взирает свет,
 Не может быть прекраснее на вид;
 Лишь славословья шлют тебе вослед,
 И даже враг их верность подтвердит.
 Что видят очи – хвалят языки;
 Но все льстецы, почтив тебя сполна,

Меняют тон себе же вопреки,
Лишь вникнут в глубь, что глазом не видна.
Все ищут там красу души твоей,
Дела твои мерилom ей избрав;
И в розе той, которой нет милей,
Невольно чуют горечь сорных трав.
Что ж дух твой с красотой твоей не схож?
Разгадка в том, что ты для всех цветешь.

71

Не дольше мой оплакивайте век,
Чем будет звон оповещать людей,
Что подлый мир заметил мой побег
К слепым червям, которых нет подлей.
Да не напомнят строки, чья рука
Писала их. О, пусть моя любовь
От ваших мыслей будет далека
И скорбью их не омрачает вновь.
Пусть этот стих, коль встретитесь вы с ним,
Когда я стану глиною давно,
Не отзовется именем моим:
Пусть будет чувство в вас погребено.
Чтоб мир не вник в ожившую беду
И не язвил вам вслед, когда уйду.

73

То время года ты во мне найдешь,
Когда листы последние видны
На тех ветвях, что в стужу треплет дрожь,
На птичьих хорах, полных тишины.
Тебе я вижусь сумерками дня,
Когда за бледным гаснущим лучом
Приходит ночь, все в мире хороня
Покою смерти, мрака сургучом.
Во мне ты видишь отблески костра,
Что лишь в углях таит теперь тепло,
В родной перине смертного одра,
Затушен тем, что жизнь ему дало.
И пусть любовь растет в тебе сейчас
К тому, что скоро скроется из глаз.

77

Глянь в зеркало, как блекнет красота,
Глянь на часы, как ты теряешь миг;
Коснись душою чистого листа,
И тыполнишь лучшую из книг.
Морщины честно зеркало сочтет,
И вспомнишь ты гробниц отверстых вид,
А видя стрелок вороватый ход –
Что время втайне к вечности спешит.
Все то, что память не хранит сама,
Ты на пустой странице запиши:
Доверь ей нянчить отпрысков ума,
И в них найдешь наследников души.
И каждый раз они, лишь бросишь взгляд,
Тебя и том сей вновь обогатят.

80

Немею я, когда пишу о вас:
Ведь есть другой, кто более велик,
Чей вдохновенный и могучий глас
Лишает дара речи мой язык.
Но дух ваш, словно щедрый океан,
Вздывает мачты всяческих судов;
И мой баркас, почти как тот титан,
Рискует плыть вдали от берегов.
Здесь ваша отмель – в помощь кораблю,
А тот парит над бездною глубин.
Но если я крушение потерплю,
Мне грош цена: он – моря властелин.
Коль ждет его успех, а мне – отказ,
Тогда конец: в любви мой дух угас.

115

В своих строках я прежде вам солгал,
Сказав, что не могу любить сильнее;
Но ведь тогда я не предполагал,
Что мой костер начнет светить яснее.
Я видел: время тысячью причин

Ничтожит клятвы и слова царей,
Тмит красоту, дробит любой почин
И губит дух нестойкостью вещей.
Так мог ли, помня о его руке,
Я не сказать: «Моя любовь – предел»?
Я твердо знал: все зыбко вдалеке,
И славил миг, а дальше не глядел.
Любовь – дитя; я, обманувши вас,
Звал зрелым то, что зреет и сейчас.

130

Ее глаза не солнечны ничуть,
Кораллы не алеют на губах;
Не белый снег моей подруги грудь,
Не вижу струн я в черных волосах.
Ал или бел дамасской розы цвет,
Но роз в щеках найти не может взгляд.
А у духов пленительней букет,
Чем этого дыханья аромат.
Мне дороги речей ее слова,
Но музыка звучит куда милей;
Я незнаком с походкой божества:
Моя любовь ступает по земле.
И все ж она не хуже, без сомнений,
Любой из жертв неискренних сравнений.

140

Укрась умом жестокость. Не терзай
Презрением: я терпелив и нем;
Но если боль прольется через край,
То я смогу о ней поведать всем.
Когда бы мудрость дать тебе я мог,
Я б о любви узнал хоть из речей,
Как тот больной, чьей смерти близок срок,
Лишь про здоровье слышит от врачей.
Ведь без надежды я, сойдя с ума,
Могу дурное о тебе сказать;
А в мире, где царит злословья тьма,
Хулу начнут безумцы повторять.

Чтоб мы предать друг друга не могли,
Будь взглядом здесь, хоть сердцем ты вдали.

141

Нет, я тебя глазами не люблю:
Они о недостатках мне твердят.
А сердцем я черты твои ловлю
И обожаю все, что судит взгляд.
Твой голос также слуха не пленяет;
Ни вожделение близости земной,
Ни вкус, ни обоняние не мечтают
Блаженствовать с тобою лишь одной.
Но все пять чувств не могут убедить
Дурное сердце не служить тебе –
Той, что бессильна тело разбудить –
Не быть рабом, подвластным злой судьбе.
И я – вассал; а гордый мой король,
Введя во грех, в награду дарит боль.

Лариса Мелихова

Россия, Санкт-Петербург

Дочь известного переводчика Георгия Бена, супруга Александра Гуревича. Математик, кандидат физ.-мат. наук. В годы перестройки ушла из науки, перепробовала множество профессий. В настоящее время работает IT-аналитиком в иностранной фирме, одновременно является руководителем проектов сообщества «Диссернет», занимающегося разоблачением фальшивых диссертаций.

ДОЛГИЙ РАЗБЕГ

Начинаю вспоминать свою жизнь с Сашей, и первым делом приходят на память последние месяцы его жизни, – мучительная борьба с болезнью, осознание неизбежного скорого конца, одновременно – воля и желание сражаться до последнего... И каждый раз я думаю о том, как это несправедливо: двадцать два года мы прожили бок о бок, сколько вместе пережито радостей и горя, счастливых и несчастливых дней, – а вспоминается только одно: болезнь, болезнь... Да, Саша вел себя стоически, дай Бог всякому столько силы духа в тяжелом испытании, – но ведь не всем выпадает такое испытание. Как же легко, думаю я с завистью, вспоминать о человеке, который умер внезапно, и трагические переживания последних месяцев не заслоняют всей предыдущей жизни! Так не пора ли и мне попытаться отодвинуть на задний план навязанные судьбой воспоминания и припомнить что-то другое, – например, то время, когда жизнь представлялась бесконечной, и не было еще поэта Александра Гуревича, а был математик Саша Кулик. Заодно попытаться понять, каким образом «мальчик резвый, кудрявый, влюбленный», двадцатилетний нерадивый студент и обаятельный юноша, – превратился к сорока годам в «зрелого мужа», поэта, участника и отчасти организатора литературной жизни северной столицы.

Юноша, конечно, был непростой: блестяще одаренный в разных областях, любимец всех преподавателей, несмотря на очевидную лень и нежелание заниматься чем-либо всерьез. При этом нельзя сказать, что он

«скользил по верхам»: все, за что брался, делал с максимальной тщательностью (именно так он впоследствии работал и над стихами). Получалось очень качественно, интересно, талантливо, только – мало, потому что он пытался успеть сразу все, а в сутках все же 24 часа... Так, при более близком знакомстве меня поразило, что Саша – знаток и страстный любитель книг, – как оказалось, очень мало читал, по крайней мере в сравнении со мной, которая «глотала» книги целыми полками, хотя при этом знаток литературы отнюдь не считалась. Саша ничего не мог «глотать»: читал он, так же как делал все остальное, медленно, вдумчиво и очень тщательно, – зато потом под восхищенными взглядами девушек цитировал наизусть целую страницу: «В белом плаще с кровавым подбоем...»

Кстати сказать, эта его тщательность в деталях не претерпела изменений за годы нашей совместной жизни. Если мой муж брался за мытье посуды, то одну тарелку мог мыть минут сорок, – при этом гора посуды, громоздившаяся рядом, его ничуть не занимала. Первые годы я переживала по этому поводу, пока не поняла, что нельзя требовать от человека того, чего он не может, – и привычно мыла все тарелки сама, тем более, что сын – копия отца – поступал с посудой точно так же, как он. Все же, уговаривала я себя, у моего мужа есть достоинства, – например, квитанции на квартплату всегда заполнял Саша со всей присущей ему пунктуальностью (с тех пор, как его нет, я никогда не могу разобраться – сколько я заплатила и почему опять звонит робот с угрозами отключения телефона).

Однако, вернемся к началу. Познакомились мы, учась вместе на матмехе Ленинградского университета. Могу сказать с уверенностью, что Сашины способности к математике были абсолютно незаурядны; если бы в молодости он занялся математикой так же серьезно, как в зрелости – поэзией, уверена, что он достиг бы выдающихся успехов на ниве «царицы наук». Но, видно, тогда его время еще не пришло, – хотя любовь к математике он сохранил на всю жизнь:

*Нет, все-таки ее мне не забыть –
С ее пареньем, бегством от реалий...*

Красота и стройность математических построений восхищали его безмерно, причем с выводом формул он обращался так же, как с посудой; сдав однажды экзамен по математическому анализу грозил факультета, главному педанту Г. И. Натансону, Саша заметил: «Ну, в педантизме ему меня не переплюнуть...» В поисках красоты и гармонии он поначалу занялся топологией; эта элитная область математики была ему вполне по силам в смысле способностей, однако вскоре стало ясно, что ей нужно посвятить жизнь –

а к этому Саша был явно не готов. Поэтому он перешел на кафедру математической физики, считавшуюся вторым после дифференциальных уравнений «отстойником» для девушек. Думаю все же, что выбор новой кафедры был связан не с тем, что на ней училась я, – хоть мы в тот момент уже не расставались ни на полдня, – а с настоянием отца, который, очень переживая неудачу с топологией, пытался подобрать для сына практическую область деятельности, раз уж не получилось с «чистой» наукой; сыну же было более или менее все равно. Мы с Сашей даже попробовали писать совместный диплом, но я быстро поняла, что не тяну на его уровне, и взяла отдельную тему – благо у меня было вполне достойное оправдание: я готовилась рожать ребенка, и, когда дописывала диплом, второй рукой уже качала люльку.

Сашины способности к изучению иностранного языка не уступали математическим. Мы оказались в одной «продвинутой» группе по английскому; ее преподавательнице, М. М. Скородумовой, до сих пор безмерно благодарны многие ученики (я в их числе), которые в наше непростое время кормятся больше английским, чем основной специальностью. Конечно, надо ли говорить, что если меня разве что уважали за трудолюбие, то Саша был любимым учеником. Сидел он за одним столом с приятелем Колей Тертеровым – человеком, больше способным к точным наукам, чем к гуманитарным, и вся группа радостно «хрюкала в чернильницы», когда, услышав верную реплику Коли, учительница восклицала: «Конечно, Кулик, как всегда, прав!», а в ответ на ошибочное высказывание Саши произносились осуждающе: «Тертеров, Вы, как всегда, сказали глупость». На самом деле, уже тогда было заметно Сашино невероятно точное чувство языка, как русского, так и английского, – именно это обстоятельство позволило ему в дальнейшем преуспеть в переводе сложнейших по форме и языку английских сонетов XV–XVII веков.

Что нас еще объединяло, так это любовь к музыке. Только если у меня это ограничивалось знакомством с классикой, то Саша с одинаковой глубиной мог разбирать как особенности устройства симфонии Малера, так и оттенки соло Ричи Блэкмора для такой-то вещи с такого-то альбома. Про свои любимые рок-группы он знал все: кто, когда, с кем и что сыграл, это была просто ходячая рок-энциклопедия, и мог часами петь наизусть целыми альбомами, имитируя иногда не только голоса певцов, но и инструменты.

*...Про себя пытаюсь, как умею,
спеть за всех, за тенора и хор.*

На рояле же играл инвенции Баха: не особо технично (гаммы-то играть ему было недосуг, это я могла часами упражняться, чтобы потом с большим чувством «сбавать» Патетическую сонату), но глубоко и серьезно; как говорил наш друг-музыкант Б. Кипнис: «Саша играет головой. Как он понимает музыку!» Думаю, что отношение к музыке во многом сформировало и его подход к стихам: попытка проникнуть в «суть вещей», все эмоции пропустить через голову.

Говоря про Сашины увлечения, нельзя не упомянуть о его путешествиях и лыжных походах, но эту тему я развивать не буду, количество «охотничьих рассказов» и так превышает все мыслимые пределы. Могу лишь перечислить некоторые подвиги: упасть в Самарканде с мечети, переплыть зимой фарватер на виду у надвигающегося ледокола, доехать от Ленинграда до Владивостока на поездах, заплатив один рубль.

Ах, колея, любовь моя, ты – как стихосложение...

Как его авантюризм уживался с педантизмом и тщательной проработкой деталей, я до сих пор не могу понять. Видимо, эти впечатления тоже были необходимы: они накапливались и откладывались где-то в глубинах подсознания – чтобы впоследствии претерпеть тщательную обработку, освободившись от всего наносного, и превратиться в литературный материал.

Вообще, теперь, при взгляде назад, период Сашиной жизни до тридцати лет представляется неким накоплением сил. Работа в советском НИИ отнимала время, но не занимала «ни ума, ни сердца»: моделировать загрязнение воздуха Саше было скучно, – я этого понять не могла, поскольку сама занималась тем же самым с удовольствием, а особенно не мог понять отец, страшно переживавший, что из сына «ничего путного» не получилось. Часть душевных сил уходила на участие в общественной жизни: организация капустников – известная отдушина в затхлой советской атмосфере, какой-то безумный «Клуб интернациональной дружбы» ради возможности поболтать по-английски с иностранцами (я негодовала: «Как ты можешь сидеть за одним столом с кегебешниками!» – и кончилось-таки это плохо, зам. секретаря парткома написала донос, в котором сообщалось, что Кулик «слишком хорошо знает английский» (!) и вдобавок «лазит через забор на Кушелевку за пивом»). А еще много сил отнимали путешествия, концерты в филармонии и в рок-клубе, общение с друзьями, бесконечные тусовки. Во внешне очень насыщенной жизни не хватало какого-то стержня...

Тридцатилетний рубеж совпал со сменой общественного строя – казалось, что вся страна полетела вверх тормашками, точка опоры в виде стабильной работы и зарплаты растворилась в воздухе.

...За окном – инфляция, крах. Обидно...

Думаю, что личное переживание, послужившее поводом для начала писания стихов, было лишь толчком: неудовлетворенность собственной жизнью в водовороте перестроечного безумия накапливалась исподволь, пока не выплеснулась наружу потоком стихов и переводов. В Сашиной жизни начался другой период, в котором постепенно к концертам в филармонии, лыжным походам и еще миллиону разных занятий добавился новый круг знакомств, участие в литобъединениях, общественная деятельность на литературном поприще... Сашина внешняя активность невероятно вырослась – и одновременно ужалась, освободив пространство для дела, которое сам он считал самым главным в своей жизни: написания стихов. На это занятие ему было отпущено чуть больше десяти лет, – немного по обычным меркам, но в то же время и немало, учитывая долгий разбег и высокую концентрацию жизненной энергии.

*Взросленье наше – просто интермеццо, –
хоть тридцать девять будь, хоть сорок пять,
а все от детства никуда не деться:
оно сбылось – и можно умирать.*

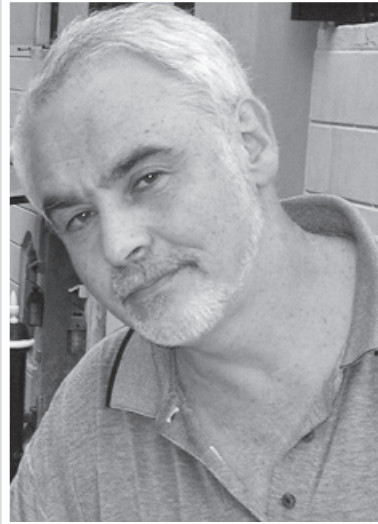
Увы, сорокапятилетнего рубежа ему так и не удалось достигнуть...

Михаил Гофайзен
Эстония

«Эмпирик, теоретик, медик, поэт. Занимается научными исследованиями на стыке философии и истории литературы. Преподавал филологию и философию. Автор нескольких сборников стихов и ряда статей в научных и популярных изданиях. Живет и работает в Таллине».

Е. Зейферт

ПОСЛЕДНЯЯ МЕТАФИЗИКА*

ФРАГМЕНТ ПЕРВЫЙ

КЛАУСТРОФОБИЯ

«То, что находится внизу, соответствует тому, что пребывает сверху; и то, что пребывает сверху, соответствует тому, что находится внизу...»

Гермес Трисмегист

//...земля / сырая / битые камни / где я? / в доме? / в домне? /
в каменоломне? / темно! / пустота? / хаос? / куда я? / зачем я? /
где я?! / боже мой! задыхаюсь! / тоска / сыро / нечем дышать /
нет направлений / стоны? / убили? / убили! / или убил? / или?.. /
где я? / в почве? / в могиле? / в каменоломне? / нет ничего / нигде /
никогда / зачем я? / не вспомнить... //

//... кто я? / куда я? / зачем я? / имя – никак не вспомню! / имя –
всего лишь слово / слово в начале / слово / слово во влаге камня /
в сырости тьмы / и почвы / вспомнить / всего лишь вспомнить! /
вспомнить или создать... / лишь бы не знать одиночества / лишь
бы хоть чем-то / чем-либо / чем-нибудь жить / дышать...//

* Журнальный вариант.

*//...чьи это стоны? / чей это крик? / рвёт душу! / ему нет конца /
не чувствую тела / не вижу лица / так одиноко что нечем дышать
/ звёздное небо можно создать из этой сырости в темноте если
конечно опять и опять – рождаясь будто от боли и ужаса – так
вот кричать! //*

*//...крик / ужас / ужас и боль – смертоносная взвесь / но слышу! /
слышу / а стало быть – есть / АЗЪ ЕСМЬ! / непредставимо даже
на миг чей это крик / он в состоянии темь распугать если смешать
его вспышки с водой – влагой и тьмой / чей это крик? / МОЙ?! //*

*//... из влаги – свет / создать / тогда не один / время / тогда не
один / небо / землю / себя повторить / в пространстве / тогда не
один / плодитесь и размножайтесь! / умирают / умирают... дети
мои... я... в каждом мгновении.../*

–1–

не лучше ли слепнуть от хаоса
нежели быть
одним из бесчисленных следствий
в бесконечной цепочке трагедий
переживаемых богом
имена которым
вера надежда и ложь

–2.1–

Из диалогов:

Сократ,
разве не ты говорил, что если мы подобны Демиургу,
то и Он подобен нам?
– это выдумки Пифагора...

–2.2–

однажды богу бог приснился мухой

душило время муху в кулаке
и слушая жужжание вполуха
ветшало в простынях на чердаке

что жизнь свою случайно ли по воле
на горькую действительность обрек
понятным становилось когда вскоре
бог осознал себя как человек

куда ни глянь всё связано с разрухой
где он личинкой в пищевом бачке
вновь обрастал и зрением и духом
рождаясь жить на собственном крючке

не помня дней он мытарствовал в каждом
в каком-то муравейнике проблем
и богу бог не вытерпев однажды
задал вопрос:

«Позволь узнать – зачем?»

–3–

и была тьма
и тьмой был свет
и было всё из ничего сотворенного
и было всё хаосом
и был хаос никогда и завтра и некогда
и был он нигде и здесь и негде
и всё чем он не был было тьмой
а всё чем он был было светом

и был свет
и свет был тьмой
и одиночество было абсолютным
и абсолютна была свобода
и свобода была выбором
и имя выбору была трагедия
и был он между смертью и вечностью
и пал он на смерть
и обрела жизнь форму вещей
и возымела всякая вещь пространство и порядок следования
и всякий порядок был временем
и всякое время приближало всякую вещь к вечности
ибо нечто становилось ничем

а ничто становилось всем
и была тьма
и тьмой был свет
и всё было всегда ибо не было времени
и всё было во всём ибо не было пространства
и не было ни всегда ни во всём
и всякая сила была альфой и омегой всякой силы
и всякая причина была следствием
и всякое следствие было причиной
и не было ни сил ни причин ни следствий
ибо всё было равно нулю
а нуль был равен всему

и был свет
и свет был тьмой
и многое становилось понятным
и что нет будущего есть только мечты о нём
и что нет настоящего есть только взгляд из прошлого
и что всё уже было до того как произошло
и нет следа на том что покрылось поверх иным следом
и не в состоянии быть одно и то же в одном и том же
и что путь в былое пожирает путь былого
и потому ничто не должно возвращаться
и всё возвращалось на круги своя
ибо время и память несовместны
а всё что произойдёт есть

–4–

Из писем:

*«Добрый день
или вечер (где ты?), дружище, душа былого! Десять вёсен ещё
до кучи тцете моей.
Как живу? Как и все. Ничего. Ничего такого. Больше прочерков
с датами, меньше – сумма дверей, за которые вхож. Организм
конфликтует с погодой. На Кавказе стреляют. На биржах паденье.
Ещё... Пусть река – не концерт, но уже за излучиной слышится
кода, и наделы земли вдоль воды зарастают плющом.
Если жизнь не имеет прошедшего – смерти не будет. Почему же
сознание страшится себя потерять? Может быть, потому что*

*грядущие семенем люди не хотят плюхать плюшки в чайк, невопад
щебетать и таскать психотропные вёдра общения на коромысле,
не желают входить, примеряя за нами опять и опять одинокие
наши одёжки на души и мысли, и, годами не видясь, на руки сквозь
горло дышать...»*

–5–

тени – распластанные тюлени
тянутся-тянутся лужи-моржи
маятник бьётся о стрелки-ножи
участь смиренных – кануть в постели
страждущих – кануть во лжи
дождь расклевал на века пешеходов
мерит да мерит углы
в мареве-вареве мглы
маятник –
бабочка лунной природы
снятая грустью с иглы

–6–

а имён ему было жизнь

и от алеф до тав не судим
берешит бара элохим...
куда слово как взгляд ни кинь
во что камень куда ни кинь
где они были он аминь

а имён ему было жизнь

кто за пазухой кто в руке
кто на шее и всё в руке
всё в руке его словно стяг
и подвластен до срока мрак
им теснимый за шагом шаг
да во мраке и он варяг
сам себе что иному враг

а имён ему было жизнь

-7-

«...ибо что такое жизнь ваша?
пар, являющийся на малое время,
а потом исчезающий».

(Иак. 4:14)

фаренгейт потеплел
отключился кофейник
жил да был человек а потом только был
птицы небо кроили на север
«ты» есть тело а дух это «он» –
повторял выметал рыжий веник
и срываясь с небесных стропил
бился солнечный зайчик с осколком
как архангельский михаил

«ты» когда-то кого-то запомнил
«он» когда-то кого-то забыл
безответные ветры как пени начислял разносил почтальон
«ты» истории более ценен а кому и зачем нужен «он» –
повторял метроном
и кофейник выбиваясь из крошечных сил
остывал
остывал
и остыл

-8-

//сжало солнце до крови свою пятерню /
даже в дюнах отметины лепры /
не дойти но идти да идти по огню
задыхаясь от жара и пепла /
выжигает глаза вездесущая скорбь –

он не умер со всеми другими –

в небесах барабанно-расстрельная дробь
с барабанщиками постовыми /
мотыльки его – нас не сумели сберечь /
ни грехов ни лукавого змия /

продолжает пространство вне времени течь
в акватории внеземные /

день восьмой это место где кончилась плоть
пали в тлен безголовые выи /
и межзвёздным мутантом блуждает господь
не делимый на судьбы мирские //

-9-

Из диалогов:

Сократ,
скажи, а может существовать бог без веры в бога?..
– а ты – зная, что тебя нет?

Учитель, это невозможно! Это буду не я!
– вот и ответ

То есть нет? Не может?
– или это будет не он...

-10-

мыслится буде немислим
присный и вечный но есть
старый поблёкший и лысый
выбрал быть может ты смерть?

соль отличить бы от пыли
пыль отделить от земли –
будем ли если мы были?
были мы если ушли?

стоит ли жить и страшиться
в неповторимом «опять»?
если закрыты ресницы
где тебя боже искать?

где твоя девочка вера?
словно снегурка весной

тает и тает по мере
сути твоей внеземной

вечность – капкан или птичник?
время – река или гать?
если вопросы трагичны
где тебя боже искать?

где твоя дурочка вера?
как саламандра в огне
только в тебя не поверил
впилась как в горло во сне

сущее вспахано горем
смерть обирает что тать
я с тобой боже не спорю –
где тебя боже искать?

ФРАГМЕНТ ВТОРОЙ

ТЕОГОНИЯ

–1–

Дождь.
Умерла Галатея.
Не оставляют в покое
запах воска,
сырой земли,
хвои.
Водостоки воют сорванными бельканто.
Не хватило таланта.
Не хватило таланта.
Остановка.
Зябко-презябко.
Дождь.
Дождь –
тембр шагов.
Дождь
в стансах часов.

В глазницах канализационных колодцев
дождь.
Дождь –
это место, где однажды основа
обрела парадигму
и стала Словом,
где бедный Пигмалион
сумел с душою жизнь соединить,
да время не сумел остановить.
Дождь.

–2–

// куда я? /
сумрак капель /
хаос /
прости что смертна девочка –
я каюсь /
я создал мир – с погibelью зари
в развязке дождь шлифует пустыри
и постранично ветры рвут псалтырь
листвы где я
всем пустырям пустырь /
свет не струится – еле-еле брезжит /
ночь впереди /
над бабочками крыши
где смерти ты
не мне
принадлежишь
сочится кровь стекая к водостокам /
невыносимо
быть богом! //

–3–

Силки домов.
Дождь – пойманная птица,
раскинув крылья, бьётся на асфальте,
сбивает сердце с ритма,
на пути

пожизненное путая прости
с посмертным
однокорневым
прощайте.
Стучится дождь.
Стучится клювом в дверь.
Вчера не возвращается в теперь.
Уходят судьбы
(души?)
за подмостки.
Дождь.
Остаются
замыслы и сноски.

-4-

*// умерла /
умерла галатея /
возвращаю земле земное /
небожительница листопада
как мне выжить теперь со мною?! /
тьма со светом – скрещенье сабель:
галатея
искра
фрагмент /
смерть во всех криптограммах капель:
звук металла
искра
и нет /
звук металла –
в груди
дожди
сотен осеней на пути /
бьются насмерть закат с восходом /
невыносимо быть! /
богом //*

-5-

От остановки до остановки,
мимо переполненных урн,
мимо оцарапанных стен,
в заплесневелый подъезд
изо дня в день,
изо дня в день.
Его вселенная
божьей коровкой лежит на ладони.
Бесприютно
на опустевшем перроне.
И цвет теряют в сумерках цветы,
поскольку тьма
сильнее красоты.

-6-

*// сырость /
надо выпить /
тоска /*

*галатея
не умею жить без тебя! /*

*опять почтовый ящик сломали /
поймаю – ноги
впрочем
кроме рекламы... /
тоска /*

*милая
всё равно
пусть замкнутся уста
земля –
тобой не пуста! /*

*сырость /
лампочка перегорела /
в слякотном этом мире*

если рукописи и не горят
то лишь потому что сгнивают /
сухо –
разве в потире /
тоска /

скорее надраться /
до одури /
до святотатства! /
даже хрип застревает в горле /

надраться! /
и выплюнуть –
что там в горле – истокам:

«Мир мой невыносимый,
невыносимо!
Невыносимо
быть богом!» /

быть богом //

ФРАГМЕНТ ТРЕТИЙ

ЭПИКРИЗ

–1–

река опрокинулась в темень
теряя мгновений драже
где свет обращается в семя
протянутый к млечной меже
где нет и не помнят поминок
где души любовью дыша
не помнят грехов и ошибок

а если ошибка – «душа»?

–2.1–

«Да не будет ваша смерть хулою
на человека и землю...
этого прошу я у мёда вашей души».

Ф. Ницше

в конечностях зажав по скалке добро и зло играют в салки
считалка длится под скакалку
на веко камень накатив под вием вертится сизиф
софиты мучают артиста
нет сменщика-семинариста
перпетуум-гоголь том второй пинает пришлой головой
хандрящий демон суть кошмаров парит под хриплые фанфары

не пой красавица при мне про общий ренессанс вовне
пока душа летит на стрежень для каждой «для» найдётся стержень
потом конечно станет хуже – какое дерево из стружек
в алмазах небо
травка в ситец
и гугл-моголь – летописец
считалка длится под скакалку
трубит трубач и жжёт губу вгоняя лёгкие в трубу

не страшен человек с винтовкой
страшней пандора с монтировкой
лицо (за счастье из-под палки) в борьбе краснеет на плацу
зачем спиноза молодцу
коль нравственность неизлечима в миру со слов иммануила
иных уж нет – скорбит метла в доме из воска и стекла
каков горнист таков букет
из партитуры да попкорна да беготни под звуки горна

что там под ряской на обед – рыбак прольёт сермяжный свет
он судьбы гнёт в дугу уды на берегу и в ус не дуя
на сковородку из воды таскает живность отставную
сквозь газ следит за каждым глаз – мне голос был
точнее глас – не поминай мол лихо всеу
на все семь бед один ответ:
беда всегда найдёт арену и гладиатору замену
и богу богово вестимо найдёт налимово налим

козлу козлово (и т. д.)
хотя ушла твоя алёнка весной что тот сугроб в дублёнке
да и себя до боли жалко – не пей ивашка из биде

считалка длится под скакалку
тюльпаны киснут на столе
окурки душ –
парад-алле во славу падшего артиста
где правит вечность средь мощей под гулкий глас полифониста
и прячет смерть свою кощей
// каков рыбак таков макет
коврижки рукописи дома сознания жизни водоёма //

–2.2–

«...будем купаться в Римских фонтанах...
дышать звёздами... а потом
мы умрём... усталые, но счастливые».

В. Набоков

Танцует серна за пайку сена.
Грядущим хамам – ты по колено.
На завтра – завтрак, а позже – ужин.
Для медитаций рояль не нужен.

На Лысой скучно – все твари серы.
Но в каждой луже краснеют кхмеры.
И мнится, будто топочут гунны.
Страшнее – в будни.
Слышней – в кануны.

Ломать – не строить.
«Пусть будет солнце!»
Росой рябинной трава нальётся.
Бить инородцев – всеобщий праздник.
«Кому не с нами, тем в спецзаказник!»

«Спасай Россию! – ревут химеры. –
Пусть будет небо!
Всегда!
И вера!»

Меня убили из чувства долга.
Пусть будет мама – хотя б недолго...

–3–

Из воспоминаний душевнобольного:

–а–

Тифозная дрожь водостоков.
Преобладают оттенки мокко.
Ищу себе место ночёвки,
заканчивая обход
водами местной помойки.
Не комильфо здесь с видами –
зато никто не завидует.

–б–

...доктор
шприц – патология
тем более с сульфазинном
похож на копьё Георгия
и пахнет бензином
как перед пожаром Рейхстаг...
док
я вам не враг
я тоже пойду на Тифона...
сестра
мне же больно!
больно...
какая красивая дама...
мамочка?
ма-ма!
мама...

–в–

В оттоптанном насмерть берете,
в физиономии цвета свёклы,
морщинист и неприметен,
навскидку

как маскировочная накидка,
попутчик, мой хвостик, скотч
прилипчивый, тащится, точь–
в-точь таракан по холсту.
Пользы от него, что от дыры на мосту.
Гнать бы его взащей!
Да с ним просыпаться теплей...

–г–

...пожалуй приму джакузи...
не сделать ли сына консулом?..
залётный авгур грузит
нашёл где искать спонсора!..
в сенате опять дразги
растут аппетиты Цезаря
пора заплатить Бруту
чтобы зарезали...

–д–

Попутчик мой –
не от сего мира –
растяпа, слюняй, хиляк.
Зим пять без своей квартиры –
не стаж для бомжа –
пустяк.
Мечтал всё время о ванне –
чего там о ней мечтать?!
С высшим образованием –
среди наших считай, что знать.
Тихоня.
Кретин!
Чистюля...
Не мог, понимаешь, украсть,
чтоб оплатить пилюли.
Мог попросить.
Занять.
Сморчок пунцовый!
Обмылок!
Свободу любил.
Ганнибал!

Пустых не набрал бутылок –
Бог его и прибрал
в первые холода.
Беда.

–е–

...за мартом апрель и толпа рассосалась –
чего ещё ждать от рабов и плебеев?!
дольше других в твою честь убивалась
Гай Юлий
залётная стайка евреев...
должок не вернул за разборки с Помпеем
семье помешал раскрутиться в сенате –
ты думал
Гай Юлий
что всех мол умнее
а надо сначала пойти было к папе...
забыл
триумфатор
забыл про заветы
на деньги мои заимел видишь виды!
сидел бы себе
тасовал бы календы
коль скоро хотел
пережить эти иды!

–ё–

Память –
в ней всякая радость
приносится в жертву тоске.
Отвлекает разве мысль о куске
хлеба и о парковке
костей
по месту,
чтоб не сказать прописки,
ночёвки.
В памяти всё уже было –
от морды лица до тыла:
кто-то когда-то уже не покинул Россию,
спятив от этой хрени,

где каждый бомж похож на мессию –
один другого чудней –
по крайней мере,
в качестве доступной мишени
для мастеров по разбрасыванию камней.

–ж–

...такая красивая панна!
на ночь поди в сметану
складывает лицо...
мне бы сейчас сутану –
узнать все её изъяны
потягивая винцо...
чего там таить греха –
нет панночек без греха...
эх! погоняю сани!
дай прикоснуться пани!
панночка
панна
пани...
сестра
мне же больно!
больно...
какая красивая панна!
мамочка?
ма-ма!
мама...

–з–

Ещё не февраль.
Глазею по сторонам.
Полгода, как не поют соловьи.
Однако природа,
не терпящая пустоты,
держит в постоянном ожидании
какой-нибудь ерунды.
Холодно.
У Метрополя прошвыриваются гамадрилы –
глаза тусклые,
лбы узкие,

в стрижках а ля Котовский,
пальцы – присоски.
Дружок мой покойный
из этой страны мог слинять не раз.
Еврей ведь.
Не захотел.
Помню, сказал как-то,
когда ему залепили в глаз:
«Не страшно – пусть от житухи этой помрём,
не страшно, что отечество не нуждается в нас,
а страшно, если мы не нуждаемся в нём».

Выёживался!
Цицерон!
Подох ведь дубина
в первые холода.
Беда.

–4–

Из писем:

*Закончилась эра. Чувства вразброд слоняются на пепелище.
Идёт пять тысяч семьсот (от Сотворения Мира)
семьдесят третий год.*

Ну, здравствуй, дружище!

*Что нового в нижнем эдеме? Жизнь по известной схеме – время
линчует время. В пропитанном кознями колизее, чтоб лес не рос
до небес, всему есть число и мера. В столицах вымерли гулливеры.
Надежда склоняет к измене веру (попутал, должно быть, бес!).
Гуигнгнмы рожают одних лилипутов.
Вместо слова «прекрасно» имеет хождение – «круто».*

*Интернет переполнен коричневым ором, реальность – серым
молчаньем, массмедиа – жёлтым декором. Из гроба повыползла
плесень. Воскресшие мухи Сартра. Выпались и со старта клянут
инородцев хором от даты рожденья Адама (первого марта) до
листопада, и далее, и опять – по самое первое марта. На этом фоне
чувствую себя жителем Вавилона.*

*Готов поклоняться Маме или любой другой языческой силе,
лишь бы не было ничего общего с этим вот илом.*

*Готы, эмо, скины, вандалы – кто их раскраску теперь разберёт(?) –
по весу, в обмен на презренный металл, сдают погребальные урны.
Детишки на стенах рисуют руны (это бывало и раньше): икс, игрек
и дальше, сам понимаешь, – не зет.
Преобладает повсюду математический менталитет.*

*Надеюсь всё же, что, как ни силён Аттила, холод гуннов сведёт
в могилу. Потом, быть может, отстроимся вновь. Это я так.
Про любовь. Скорее всего, по привычке, ведь смысл фотографии –
в птичке, что некогда в миг фотовспышки взметнулась...
чтоб помнилась юность.*

*Что нового в наших садах? Прах он и в Мекке – прах. Что мыслится
– то и есть. А, стало быть, есть и тени у мыслей как формы плоти
со склонностью к самосожжению. Куреньем мой слог пропах.
Из области сердцебиений ползу на коленях в прах.
Осталось тоски – на взмах. Да женичины взгляд олений.*

*В пространстве, покрытом сажей и гибнущим первым мелом,
безглазые линзы глаз слезятся, морщинуется тело, ничто не рождает
огня. По многим отшелестела осенняя простыня. Зеркало смотрит
в меня. Как Каин. Как Авель. Зеркало – философский камень, камень
за пазухой, просто камень... Аминь! Или как там у греков(?) –
Амен!*

*А ветер сегодня похож на елей. Он пахнет оливой, да только светлей
от снега, что тянется из-за гор, где ты обитаешь, наш век и века,
где, брови сдвигая, плывут облака, где миг фотовспышки длинней,
чем века, и я не стою над разбитым корытом прошедшего,
богом нещадно забытый...*

*До встречи в твоих небесах, дружище, мой друг, старый друг...
Пока!*

Постскриптум.

*Во всём есть число и мера – ионы небытия. Течёт за водой вода,
но помню тебя всегда, что странно на первый взгляд, ведь виделись
мы с тобой – не меньше трёх войн назад.*

–5–

*«...а потом мы умрём, даже не узнав,
чего ради, собственно, жили.»*

Дж. Редфилд

*Из тьмы кока-кольной на звон колокольный
надвинется вечер с пургой сердобольной.
Поднимутся цепи антенн из окопов,
грозя, словно Шпенглер, закатом Европы.*

*На рог Петропавловки, шпиль носорога,
наткнутся глаза, оставляя дорогу.
Порывам ветров и словам на подмогу
подтянется случай – поверенный Бога.*

*Меж жизнью и смертью сотрутся ограды
из ныне живущих и павших когда-то.
И в летопись русских побед и парадов
вонзится нерусское слово «блокада».*

–6–

Из писем:

Любимая!

*Какое дождливое лето! Правда, много грибов. Старики говорят –
примета, якобы столько бывает в годы перед войной. То есть
наступит время сполохов над головой, когда сердце спрятано
в хаки, реальность страшней, чем миф, глоток из армейской фляги,
второй – если будешь жив.*

Любимая!

*Как и в играх «иду на вы», отнюдь не меньше боли в идах земной
любви. Может быть, меньше крови, а слёзы всё те же – вдовьи.
И до смешного мало спичка в руках горит.
Вечной тоской по шпалам сердце пока стучит...*

*Когда-нибудь какой-нибудь Разума отдалённый потомок, какой-нибудь
осквернитель праха с каких-нибудь дальних планет, не ведающий
пред могилами страха, какой-нибудь антропо- или палеонтолог*

отдёрнет последний полог камней ли, земли, пыли и, если нас не сожгут, любимая, а похоронят вместе в каком-нибудь тихом месте, возможно, именно на нашем примере прольёт в тамошнюю науку свет: найдена уникальная хромосома любви – вражды. К сожалению – носителей больше нет. Вымерли, скажем, в эпоху землеолита.

Потом новая цивилизация будет гадать о причинах исчезновения вида, но так и не поймёт, что для нас со всей нашей кутерьмой однажды случился, и продолжается, и продолжается День Восьмой.

Мы живём в дождливое лето на стыке двух эр. На самой границе Этого света и света, который зовётся Тем. В такую пору, любимая, сладострастье – беда поэта, поскольку любовь, о чём я уже писал, как и все мы, смертна.

Где-то угрюмые дети ветра шарят по чердакам. Где-то, сопротивляясь сырости, падает вниз штукатурка, с понятием пусто совокупляя понятие гулко... Какое дождливое лето!

*До свиданья, любовь моя. Целую.
Планета Земля.
Двухтысячный год.
Я.*

-7-

Штиль в заливе.

Желтеет олива на зеркальном подносе в буйках.

Вдоль изгибов, изломов, извивов гаснут сполохи фар в мотыльках.

За горой, где сознание томится, где хранится и тлеет зола, пан Георгий воюет зарницей неустанно исчадие зла.

Любопытно – архангелы плачут, носовые платки беребя?

Ты приходишь и к ним наудачу или знаешь что примут тебя?

Просто так, ты ведь знаешь, надежда, на столе не возникнет калач и в деснице сжимает денницу безвозвратности старый палач...

Расшифруй этот бриз над криницей – ты, надежда, ведь старый толмач. Исцелить, чтоб самой исцелиться, или пасть меж чумными, как врач?

Ходят слухи ты меркнешь последней (то ли Сам, то ли Сын говорил) – кто же дух извлекает в передней из заношенных жизнью бахил?

-8-

бьётся сердце
аквариум
милые рыбки
акватория наша не больше пылинки
всем имеющим жабры конечно известно
что под лампой всегда недостаточно места

отпуская свой дух во всевышнее ухо
где бы плоть ни всплывала за плотью вверх брюхом
над бульоном бурлят злые мухи мочала
что на чалке начал чалят души к причалам

по волокнам судьбы из кулька да в рогожу
у единства в себе нет ни рожи ни кожи
оно сердце своё по частям собирает
за любовью любовь
(лишь бы не было края!)

где впадая в безумье абстракций и планов
одинокчество в море пустот и кошмаров
разбивает опять его сердце на части
это вы мои рыбки
заложницы счастья

умереть от удушья упившись ненастьем
как любовью навзрыд и вином для причастья
то ли он
то ли вы
то ли я –
у матрёшки
ни числа ни лица
лишь обложки
обложки

–9–

не привечай транзитных горемык
они слабы и просят к теплу
а между тем твой гибельный язык
хвалу легко меняет на хулу
к бортам времён он вяжет словно линь
их суетные мысли и сердца
они всего-то выбрались на жизнь
а ты бежишь от них из-под венца

любовь-любовь – обманчивый оплот
миф ни о чём
бездумья оберег
но кто ещё себя переживёт
в беспамятстве и выдолбит ковчег
про конфитюр забыв и конфетти
сложив под холм хоругви и копье
чтобы однажды в бездне обрести
надмирное безмолвие своё

–10–

Из писем:

«Оптимизм я считаю самой большой насмешкой
над несказанными страданиями человечества».

А. Шопенгауэр

*Писать, рифмуя – проще и страшней, когда ты умираешь в каждой
строчке, как задыхаясь в собственном кашне, всё остальное – так себе,
листочки.*

*Любимая,
ушла-прошла весна, в поход чужие люди снарядили, а жизнь вкусна,
по-прежнему, вкусна, хоть состоит из времени и пыли.
Не продохнуть. Ты помнишь, я люблю по-книжному распахнутые
окна? От мыслей по тебе почти не сплю, ращу цветы, они цветут
и сохнут.*

Не холодно?

Ты любишь поболеть. А до врача, конечно, не добраться. Побереги
себя, поскольку смерть, увы, не греет ни души, ни пальцев.

Мой холмик цвета мёртвых соболей
пленэр с зимой под водочку накрыли.

Любимая,
ты рюмочку налей и мне поставь, вот здесь, вблизи могилы...

Ты знаешь, здесь у каждого свой бог, а сад – кибуц, но в мой –
закрыты двери. В нём ад теперь, ведь бог мне не помог, и я один,
и я в него не верю. В аду, ты не согласишься, холода, нет ни чертей,
ни прочих развлечений, на сердце камень легче, чем вода, а тяжелей –
преодолеть течение.

Наперекор теченью жду тебя. Я не хочу в Единое, чтоб кануть.
Мне ангелы небесные грубят, но я держусь за ад, за смерть,
за память...

–11–

что бы там ни осталось не люблю я долги
ведь недолго на старость копим мы пятаки

а потом стань ты ветром или мхами на пнях
или солнечным светом по весне в зеленях

будет память из сердца невзирая на смерть
будто зуб у младенца прорасти и болеть

–12–

Из диалогов:

папа, а я – это кто?
– некто

папа, а что такое смерть?
– путь некто во всё

а если я не хочу?
– тогда – в ничто

*а это долго? путь?
– пока есть те,
кого ты помнишь*

*а если их нет?
– тогда те,
кто помнит тебя*

*папа, а мы умрём?
– посмотрим...*

*а потом будет сад?
– возможно*

*папа, а сад это жизнь?
– это мы*

*а почему я лежу не со всеми?
– потому что ты отказалась ото всех,
там,
на земле,
тридцать первого августа...
(8.10.1892 – ...)*

ФРАГМЕНТ ЧЕТВЁРТЫЙ

БОЛЬШИЕ МИСТЕРИИ

–1.1–

Река тротуара узка да мелка
шипит под подошвой карбид
И плачет и рвётся и бьётся в силках
листва истлевая навзрыд
Условились тучи на нервах-ветвях
прикармливать ноты разлук
Под ложечкой лестницы эхо и страх
дверями стреляют на звук
Всемирная сеть одиночеств –

подъезд
почтовые соты
плафон
чей свет штукатурку до сердца разъест
как маршевый шаг похорон
А лестница станет вести в коридор
которого нет и опять
в настенном светильнике вспыхнет узор
что ты не сумел распознать...

–1.2–

было плющ-палаткой жильё укрыто
а стало плющ-авоськой связано
в полон взято в бетон спелёнато
пройдут вскоре холода
да по чёрному в белом
а покуда извела кручина запасаясь мелом

не подставить грудь не уткнуться в грудь –
потерпи душа
долетишь когда-нибудь да куда-нибудь
грешным делом

–1.3–

вино листопада пролилось на скатерть
но солнце остыло осталась лишь слякоть
копейка луны покатила на паперть
орёл или решка – объятия насмерть

давай востанцуем (аллегро виваче)
мои кордильеры твои аппалачи
вершины друг друга постскрипту оплачем
не пуля убьёт так приклад и отдача

нелепое сердце боится дурное
ведь вечность не ведает чисел и вдвое
нас меньше в ней будет иль что-то другое –
на решку с орлом разделили земное

Да полно тебе! Было время оплакать.
Любить было время. Теперь только слякоть.

–1.4–

над жильем моим в пол-лица луна
луна-поилица
цвет теряет словно жизнь
в небе мыкается
облаками свет бледный мылится не намылится
а вода во облацех тех зело мутна
утро муторно
ветер северный наострил салазки
на ветру качается вьюн-лампочка
окопались сквозняки за ставнями-маской
а с востока гомонит гамаюн-птица
быть ночи белой средь бела дня
не ищи душа ни родства ни ласки
потерпи душа
дотяни до пасхи

–1.5–

три точки три тире три точки

Стучатся в одиночках одиночки
Срастается погода со стеклом
Сидит паук на леске проводов
и ловит на огарыши столбов
слабеющих дыханий оболочки

три точки три тире три точки

–1.6–

а по бездорожью лужи ползут эшелонами
да в подъездах снуют осенние хвори
алтарь-планету омыли отмыли
до чёрной кожи
ни следов не видно

ни следов крови
отрыдал хор
оплакал козлёночка
и торчит посреди пути что коломенская верста
с указателем на все стороны
обгоревший скелет моего куста
а на нём сидят мои вороны

–2.1–

в порах коры пора
стихли ветвей триоли
пчёлы забылись в сотах
по утверждению тролля
выходца из остготов
умер
бог
ра
теперь толькомышь-тишь
скребётся в наушниках крыш

холмов-куполов чернослив
ни бликов оконных па
ни углей былых зарниц
умер
амон–
–ра
разделав и разделив
бессмертие на минуты

сбросьте бывшие путы
зря вы падали ниц
великие лилипуты
и раз вам
ни рая
ни ра
пройдите в объятья будды

–2.2–

не сказать чтобы кончился свет
но к покровам чем ближе
тем сложнее отличить
день от ночи
молчание сада
от безмолвия гробниц
вместо лиц над асфальтом
млечные
вереницы грибниц

небо уткнулось в ветви
всем верховодит время
время нетопырей
заморозков на почве
непения птиц
время пустоты а-ля гэтсби
не знающей
ни родства ни родственности
ни контуров ни границ

–2.3–

во времени
вода точит камни и землю сырую ест
по ходу её течения
найти бы тенёк под пальмой
чтоб стало не актуальным
«homo homini lupus est»

по ходу её течения
не всем воздаётся поровну
и кажется дело за малым
сделать шаг в сторону
да жалко себя убогого
надежду на что-то
маму

по ходу её течения
в книге моих перемен
на расстоянье руки
всё уже было
сплыло
от морды лица до тыла
от предыдущей строки
до
прощай моя дорогая
(бекар после верхней си)
это были не мы

а мы
какие-то гоблины
во время
на время
не вовремя
изгнанные из тьмы

–2.4–

к слову сказать о тьме
есть такая субстанция
в которой обречены
зима
наносить сугробы
мы
выносить гробы
вечность
носить «что не было»
со «всем что было» и «всем
что было бы – если
бы»

–2.5–

темно
станет по слухам ещё темнее
челы забились в бетонные соты
из ветвей крикнул див
по утверждению видного тролля
из остготов
и некоторых неофициальных лиц
бог умер
(смешные!)
а кто же тогда жив

–3–

Из писем:

*Время суток, погода и та пора года, когда не видна ни одна звезда, когда пронзительнее, чем то либо когда, камертоны окон без меры и срока озвучивают всеобщее «одинокое», фактура дорожных покрытий – мрамор, и каждый прохожий – мавр, когда от хляби тоскующего бытия бокал пригубив, мозг прозревает, поняв, что судьба – это не столько ты, сколько, тебя...
Зябко здесь. Ветер обухом бьёт из мрака.*

Здравствуй, однако!

Зябко здесь без тебя. Ветер, что руки за спину, заламывает зонты. Впиваясь холодным взглядом в глазницы города, часа ждёт своего, чтобы забрать тех или то, что перестало держать тепло. Сыреет туч полотно. Ворон имеет вороново. Темно.

Ноябрь этот длиннее, чем упомянутое уже бытие, впитав в себя контуры зданий, больше не хочет менять ни поступи, ни очертаний. Песочные часы пересыпают из пустого в порожнее. Пятна окон – как пятна больного рожей. Озноб от кожи на обуви поднимается вверх по собственной коже. Следы за бурьяном окраин теряются в бездорожье. Отчётливое до дрожи, даже у самого лютото атеиста, срывается с языка Имя Божье.

–4–

Прощай
листопадный мой цвет-пересвет
что бился о плоть в подреберье
Седые вакханки (твой снежный послед)
рвут небо на белые перья
Везут безвозвратность сказителям вед
по нервам трамвайным маралы
Всё уже пространство и воздуха нет
всё туже бинты тротуаров
Всё выжиг калёным мороз-богомаз
алмазом до шрамов на лицах
за стёклами их без любви и прикрас
расчётливый холод змеится
Из снега тебя не спасёт снеголаз
Прощай
Уже падают птицы
на мел-мельхиор от которого глаз
не в силах никак откреститься
О кафель ледовый стучится драже
триолей – сердечная мышца
никак не поверит в реальность «ужей» –
уже
уже падают птицы ...
И с этой ужасной фонетикой слух
по слухам обязан ужиться

–5.1–

Сталь клинка,
что бесстыдная девка,
ищет плоти.

На теннисном корте
мячик жизни ударился в сетку,
рикошетом пришёлся на ветку –
мельпомену, цыганку, кокетку.

Юный батюшка, сиясь по мере,
укрепляется, видимо, в вере,
над промёрзшей могилою стоя.
Снег идёт бесконечно и нервно,
воздавая по вере, наверно,
а за снегом охотятся ветки,
распушив ненасытную хвою,
как нимфетки в походной расцветке.

Я убил тебя, Непенелопа!
Зацепились, запутались стропы –
мы любили, парили недолго –
на скале две тряпицы из шёлка,
на ветру, словно хлопья, холопыи
наши сущности нечеловечьи,
что иные пространства отверзут,
уносимые в млечную бездну,
точно искры летящей картечи,
наши души-не души – увечья.

Подожди! Над планетой зависни –
может, не было, милая, жизни?..

–5.2–

Пустырям по кресту
как кустам по костру
наст хрустит за версту
что хлыстом по холсту
Каждый звук –
из ружья
в крупный план бытия
Ни жнивья
ни жилья
ни тебе воронья
только эти поля
словно белая тля
да позёмка-змея
ни огня

ни ручья
только эти поля
да холмов вензеля
только эта земля
никому и ничья
Эй ударь не жалей
бей в свой бубен борея
бей насквозь до костей
бей туда где больней
чтобы чувствовать страсть
чтобы плоть
чтобы всласть
Если выпало пасть
власть над телом
не власть
Власть – почувствовав смерть
расстоянья стереть
чтоб согреться душой
и душою согреть

–5.3–

Чёрная снедь тоски. Белые вина снегов.
Лезут химеры на свет, тянутся из погребов,
что по грибы.
Греби(!)
дальше от этих мест –
к тем, кто не жил, как жил,
к тем, где посилен крест.
Кто я? Зачем пришёл правду искать в ногах,
радоваться пока с теми, кто на ногах?
Слиток молчанья. Ночь
в тысячи унций.
Лёд.
Лёд, что не спит, не ждёт, что напозаает.
Лёд.
Верил – луна спасёт, лбом разбивая
лёд.
Ложь во спасенье – ложь, а остаётся
лёд.

Что же мне нужно здесь? Я ведь один из тех,
 чья карусель разлук горше, чем смертный грех.
 Господи, протопи в топях Твоих и снах
 вмерзшим в алмазный наст,
 выпавшим в жизнь и страх.
 Плод отторгает плоть, чтоб сохранить себя.
 Что управляет чем – плоть или плод?
 Себя
 было бы... кем согреть.
 Было б за что сгореть!
 Даже любовь и та пагубна, словно смерть.
 Господи, видишь дверь в сумме моих потерь?
 Холодно там теперь.
 Господи, протопи!
 Не за себя прошу... я потерплю – поверь.

–6–

двустволка фар
 темно
 буран под дых
 змей водостока вмерзший в перигей
 чесночины светильников ночных
 загравки стерегут от упырей
 проход
 прохожий
 чёрный человек
 ключом басовым сгорбился как мим
 в пырей ограды бьёт прикладом снег
 и реквием на жизни не делим
 сугробы конвоируют этап
 заламывая душу за спиной
 наручники
 по горло вставлен кляп
 безгласные лежат на мостовой
 моя любовь мой век мой бог со мной
 и ради них
 я всё ещё живой

–7–

Из диалогов:

Сократ,
 а разве может существовать
 какая-нибудь вселенная без света?
 – уже может

почему?!
 – потому что ты о ней помыслил

значит, если я не думаю о чём-либо, его и нет?
 – или нет тебя

хорошо!
 но если я во тьме и сомневаюсь в том, например, что любовь
 существует?
 – возможно, любовь сомневается в том, что существуешь ты

разве любовь может сомневаться?
 – а разве она не подобна тебе?

как же тогда стать счастливым?..
 – а ты уверен, что хочешь этого?

конечно, учитель!
 – тогда – никак...

ФРАГМЕНТ ПЯТЫЙ

РЕНЕССАНС

(малые мистерии)

-1-

Из писем:

*На циферблате – новый юбилей. Так хочется сполна наговориться,
да где же отыскать, чтоб попросить «налей», тебя, мой старый друг?
Ты мог бы объявиться!*

*Душа не переносит пустоты, тем более, как мыслится, немного
осталось нам с тобой до немоты, а, проще говоря, до некролога.
Чем корни глубже прорастают в грунт, тем больше отдаляются
побеги – им кажется, что мы древней, чем греки, и заросли,
и высохли, как пруд. Смеркается. Но это не напасть.*

*Напасть – любовь, где разница под тридцать, где сердце от тоски
не в состоянье биться, поскольку изучило эту страсть и понимает –
жизнь не повторится.*

Пью в одиночку.

Время, старый друг, над вещным миром в вечности смеётся.

Предположить занятно, если вдруг и время в одночасье оборвётся.

-2.1-

Последний снег
идёт
последний снег
то жалкий то надсадный то надмирный
последний снег где белый свет померк
где каждого выводят на ночлег
отсчитывая души поквартирно
Лицом к забвенью
Если нет лица
то всё равно есть органы дыхания –
иные расположены в сердцах
иные дышат лишь в воспоминаньях
Из снега в снег
дышать

из праха в прах
Ни нити не останется ни тени
Возможно только эхо на камнях
где не дано ни страсти ни сомнений
атлантам отстоявшим на часах
и нашу жизнь и наше поколение

Когда минуют эти времена
да не одряхнут каменные мышцы
чтоб встретиться могли или проститься
во облацах апрельских
имена
В гордыне может быть или из лени
я поздно принял их предназначенье –
встречал не тех стучался не туда
хоть с рук не ел и не просил с коленей
не знал конца ни чувствам ни смятеньям
не понимал что в истине – беда
что реки подчиняются теченьям
где в русле бьётся вешняя вода
чтоб смысл сыскать своих сердцебиений

-2.2-

Был снег в начале
после снег с дождём
потом ветра раскачивали тушу
вселенной и казалось окоём
перетекал в одну большую лужу
Набравшись сил вода взломала лёд
рельеф меняя вырвалась наружу
что было силы двинулась вперёд
задорным зельем заполняя сушу
Затем земля не помнящая бед
с зарёй смешала запахи и души
чтоб часом позже впитывая свет
забыть о тех с кем умирала в стужи

–2.3–

Уключины чают что стихнет река –
 вдыхая пачули рыбак рыбака
 почует сквозь время
 ведь время не казнь
 в нём сгинет однажды болезнь да боязнь
 С чего же надежда (учёный мой кот)
 по кругу на круче кручину поёт
 как будто на дыбе пытается его
 и ключник и крючник всевидец всего
 На круче на крыше из арки трубы
 конь дыма поднялся и встал на дыбы
 В безе облаков облачилась бизань
 бизе гонит звуки
 сквозь мокрую ткань тяжёлого паруса
 Выход кармен
 по венам лучей льётся кровь перемен
 заря
 кастаньеты трамваев
 апрель
 и новое солнце для новых потерь

–2.4–

по полкам ползут и по полу предметы
 как по полю сныть
 корнями привычек врастают и просятся жить
 сосед за стеной лезет в уши сверлом паразит
 беспамятство тщится посулами ум поразить
 мол всё так прекрасно что стоит дышать во всю прыть
 и всякое действо что певчих что прочих
 боготворить
 однако апрельское пенье едва ли отлично от пенья козлов –
 в природе рожденья грядущее грехопаденье листвы
 но если есть время для хитросплетения слов
 и если есть вера в осмысленность слова любовь
 то рано слагать кантату канату вокруг головы
 а значит я жив и с костлявой пока что
 «на Вы»

–2.5–

Смерч вороньего грая,
 выступает сосна
 в роли лодки Мазая
 или Ноя.
 Весна.
 словно солнце в зените,
 Божий лик в синеве.
 Нет, не Он,
 извините,
 а ведь мог быть
 вполне...

–3–

и решил он что жизнь это хорошо
 и решил он что есть счастье в выборе
 но вне времени ничто не живёт
 а во времени всё умирает
 и обманулся он сам
 и обманул творение своё
 ибо каждый раз умирал в сотворённом
 а сотворённое каждый раз умирало в нём

ФРАГМЕНТ ШЕСТОЙ

ИСХОД

–1–

Из диалогов:

Сократ,
 что есть мироорганизующий принцип?
 – всё

но тогда и я – он!
 – если хочешь

а если нет?
– значит, не хочешь

но если я не хочу, значит – его нет?
– или тебя

учитель, я правильно тебя понял...
если мы хотим – то только вместе?
– или не хотите

но тогда что есть он, если я ничего не хочу?
– ничто

–2–

разбилось зеркало на тысячи миров
на тысячи пространств и одиночеств
где в каждом
он
лишь слово среди слов
где в каждом
я
лишь отчество из отчеств

–3–

разве не слогом
стал звук
разве не словом
стал слог
разве закончился круг
там где в начале был бог

–4–

завязка драмы
плач в ночи
кричи
мой маленький
кричи
завязка драмы

юны лица
отца и мамы
чай
душица
чернила
черновик
черника
соученик
за ликом лики
в чередованиях созвучий
причины
следствия
и случай
непонимание
друг друга
непобедимое
как скука
то чёт
то нечет
близ
на миг
младенец
юноша
старик
стук чёток
чаще
реже
чаще
звук капель
в чашу
чаше
чаще
уют печи
тепло груди
кричи
мой маленький
кричи
крик
вездесущий первый слог
после которого
был бог

-5-

путь –
 это когда слово
 обретя парадигму
 утрачивает свою уникальность рассыпаясь на слова
 путь –
 это звездоплавание звуков
 когда за спиной остаются сокрушённые временем ритмы
 путь –
 это единственная истина
 данная в ощущениях душе
 мятущейся в поисках неосуществимого
 путь –
 руины иллюзий оставленные жизнью
 которая заслуживает любви хотя бы потому
 что лучшего на полустанках вселенной не предусмотрено
 хотя бы потому
 что там
 где начинается размышление
 отступает трагедия
 а волны пространства несут сознание в созвездие сакуры
 к лао цзы дао дэ цзин

-6-

и всякая вера вела к надежде
 ибо не было без надежды
 смысла в вере
 а без веры смысла вечности

и всякая надежда вела к свету
 ибо не было без света
 самой надежды
 а без надежды смысла времени

и всякий свет был любовью
 ибо вне любви
 тьмою оборачивался свет
 а пространство небытием

и всякая любовь была стремлением к счастью
 ибо вне счастья
 любовь оборачивалась ненавистью
 а ненависть разрушала общее отнимая подобное

и всякое счастье вело ко лжи
 ибо вне лжи не выживало там
 где дух страшился страдания
 а страдание становилось отчаяньем

и всякая ложь вела к свободе
 ибо освобождала от того
 что сама защищала
 а на месте рождалась боль

и всякая свобода становилась одиночеством
 ибо только через одиночество
 часть не зависела от целого
 а свет не зависел от тьмы

и всякое одиночество становилось выбором
 ибо вне выбора
 одиночество суть пустота
 а природа вещей не терпит пустоты

и всякий выбор был трагедией
 ибо вне трагедии
 нет гармонии
 а добро и зло в сущем есть одно

и всякая трагедия была словом
 и слово проявлялось в языке
 ибо вне языка трагедия не разрешима
 а бытие лишено жизни

и разрешаясь
 трагедия становилась актом творения
 и творение было подобно творцу
 и творец был подобен творению
 ибо иначе как из себя
 ничто сотворено быть не может

и подобна часть единому и единое части
 ибо оно есть они а они есть оно
 и всё есть во всём подобно матрёшке
 и молекула во вселенной
 и вселенная в молекуле
 и образуют они музыку сфер

где всякая вера ведёт к надежде
 где всякая надежда ведёт к свету
 где всякий свет...
 и несть числа кругам этим
 ибо иначе – НИЧТО
 и это хуже любого ада

–7–

Перевод с божественного на земной,
 жизнь –
 музыкально организованная речь.
 На булыжной,
 стенами замкнутой мостовой,
 проставлена аппликатура встреч.

Похожая так на горсть
 падающих монет,
 тянется тема лет:

картечь
 молниеносных событий,
 тамтамы воинов-городов,
 глаза незрячих предтеч
 в муке наитий –

и всё в надежде прочесть
 однажды первоисточник,
 как будто ошибочно смерть
 закралась в земной подстрочник.

–8–

Из диалогов:

Сократ,
 вчера ты сказал, что счастье невозможно –
 но почему?
 – мы лишены лишь того, чего желаем

но учитель... мы желаем жизни и имеем её!
 – это чувство

мы живём – лишь в силу того, что чувствуем жизнь?!
 – если то, что мы чувствуем, – жизнь

а, если нет, что же тогда жизнь?
 – и то, что мыслится

ты хочешь сказать, что чувство – мыслимо,
 а мысль – чувственна?
 – если нет третьего

а если третьего нет?
 – уже – есть

–9–

Клубок луны в рождественский лубок,
 как колобок, по антрациту выси
 скатился, прилунился возле ног,
 где снег ожил и заблестал по-лисий.

Из перстня ночи вынесли агат
 волхвы воды, бразды ослабил возчик
 тоски и страхов кукольных, назад
 подалось время, замерло, как росчерк.

А сказочные волны, что слоны,
 толпились в ожидании на пирсе,
 и звук был смыслом –
 звук с той стороны,
 где Сын
 и сын, чтоб умереть,
 родился.

–10–

*«Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко.
Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля»*
(Числ. 24, 17)

–10.1–

гаишник, с достатка сгоняющий вес, лицо – «уступи дорогу».
карась на меху и его мерседес. светило, cedящее йод в переход.
лолита, глаза – «не влезай – убьёт». ботаник, ползущий не в ногу.
какие-то гога с магогой, терзающие гитару. отара
потеет, толкается, прёт... и с ней, в самой гуще кошмара,
сумой защищая живот, в горящий торфяник, в реальность
сквозь время мадонна плывёт...

–10.2–

люблю переплёты, флёр охры, пыльцу,
что эхо по полкам хранят, и пыльные мысли,
что тянутся вспять и селятся леность унять,
поилицу сплина – листву, листопад,
луну в пол-лица...
что ещё?
слова – просто так, невзначай, невтопад –
под пиво с нежирным лещом
и лёгкую грусть ни о чём.

живу, как камыш, меж былым и быльём,
чтоб чреслами тешить гамак. меняю бельё,
подновляю свой лак, а летом – на травку с мячом.
прощайте, орало с мечом!
всё так, да не так...
что ещё?!

час пик, переход, перезвоны
трамвайные – время назад –
и женщина ликом с иконы,
младенца несущая в ад...

–10.3–

в нашей реальности нет оперетт,
нет мыльных опер с приятным финалом.
жизнь – это мало, печально и мало,
чтобы привыкнуть к тому, чего нет.
есть – если сказано слово?

вянет в кувшине кувшинка луны.
в небо баулы былого,
что бурлаки, тянут души-слоны.
сын, ты ведь слышишь, как стонут сыны?
смысл – не у каждого слова.
впрочем, и это не ново.

к слову о слове, зачем эти «я»
здесь отбивают коленца?
в земли подземки, где пухом земля,
тянется сердце за сердцем,
в кое нет-нет да ужалить змее,
стоит к толпе притереться.
ирод какой-то локтём в толчее
всё-таки встретил младенца...

ФРАГМЕНТ СЕДЬМОЙ

СУД

–1–

От носки все носки становятся узки –
вот и душе уже не по размеру тело.
Гоняет мелюзга весь день вперегонки,
и ей пока ещё до этого нет дела.

В часах песочный бог притормозил песок,
чтоб память невтопад листала обретенья.
Сосед, садист(!), стучит – убил бы, если б мог,
но жизнь нельзя отнять. Пусть даже во спасенье.

В низине – долгострой, угрюмый как скелет.
Болотце было там. Три ивы да крапива.
А дальше пустота, в которой смысла нет,
где чудятся зрачки – две чёрные оливы.

Мой двор и детвора. Здесь креп мой дух в борьбе.
Какой там к бесу миг – остановись столетье
Мой дом... моя судьба... Природа лжёт себе,
поскольку мнится ей, что вот оно – бессмертье.

–2–

Из писем:

Здорово, пёс!

*Твою собачью морду я помню до деталей. Как ты там?
Всё также бодр? Всё также гордо встречаешь миску каши по утрам
или тебя уже коснулось время? На солнце реже – чаще смотришь вниз,
по-стариковски мудро усмехаясь и грея свой собачий ревматизм?*

Привет, мой пёс, чепрачный мой ребёнок...

*Опречь тебя мне некому писать. Такое чувство, будто бы спросонок
жизнь промелькнула ложкой мимо рта, а я, едва присев
на подоконник, уже лечу с восьмого этажа, и бесконечность в цифре
восемь, противореча смыслу, по себе пытается примерить рифму
«осень» – по сути, завершение всего, что некогда рождалось и цвело.*

*Увы, мой пёс, за нами ждут другие – торопятся, пинаются,
кричат – да, бражничая в небе, херувимы счастливищников готовятся
принять. На небе звёзды светят, как известно – грядёт зима
с началом декабря, и не касайся это всё тебя – так было бы
всего лишь общим местом.*

*Увы, мой пёс, но на носу декабрь. Нет смысла, старый друг,
митинговать – надежды нет, что осень двинет вспять.
Совсем немного остаётся грабель, на кои суждено, Бог даст, ступить.
Ты позже начал – раньше кончишь жить.*

*Из этой нелогичности судьбы, где время в нас закладывает дрожжи,
я, получается, тебя моложе, и старше солнца с городом.*

*Увы, но сколько б стряпчий цифры не считал – их две всего,
а между ними нить. Благодарю за тех, кто нас встречал.
Дай, Боже, тех, кто будет хоронить...*

–3–

Земная жизнь закончится.
Возможно,
прохожий вспомнит – был такой поэт,
да листья у ограды придорожной
в особенный завьются поэмент.

Шаг в сторону, во мглу прыжок –
всё дальше
места прописок, ягодная мель
последнего пристанища на марше,
секрет любви – а ля Полишинель.

Пройдёт сквозь лес, и сумрачный, и скучный,
сквозь азбуку бессменного писца
разряд души,
как молния сквозь тучу
расплавленного вспышкой свинца.

И опадут события по-птичьи
в тоске конвойной по команде «пли!»,
и дух от духа –
канет Беатриче,
и сад, и ад, и капище Земли.

–4–

Из диалогов:

*дочка
тебе не хватило слова?
– оно не защитило*

*почему так рано?
– последний день лета,*

разве в осени нет смысла?

– для женщины

а есть разница?

– ты не был ею

и не нужен сад?

– в нём холодно

в чём смысл тебя?

– его нет

а в отчестве?

– оно лгало мне

*девочка моя, неужели ты хочешь противопоставить
свою волю всему сущему?..*

– да

*помнишь ли ты, что лишённое подобия,
не имеет ни плоти, ни духа?*

– да

*знаешь ли ты, что у лишённого плоти
и духа нет сущности?*

– да

*знаешь ли ты, что утраченная сущность
не мыслится?*

– да

знаешь ли ты цену такой свободы?

– остракизм

ты уверена в своём выборе?

– да

изыди окаянная!

изыди!

и лежать тебе отдельно ото всех...

(... – 31 августа 1941 года)

–5–

и явились семь ангелов
и были у них семь ключей и семь печатей
и открыли семь ангелов семь врат
дабы низринуть в те врата части как целое

и низринул идею её (первый)
ибо всякая идея живёт в нём
либо не рождается вовсе

и низринул форму её (второй)
ибо форма её в мире его
есть душа окаянная

и низринул сущность её (третий)
ибо всякая сущность обитает на свете
а вне света есть лишь тьма

и низринул имя её (четвёртый)
ибо всякое имя во времени
а вне времени лишь он

и низринул слово её (пятый)
ибо всякие слова в пространстве
лишь слово его

и низринул волю её (шестой)
ибо свободная воля дана лишь ему
а иная разрушит мир его

и низринул память её (седьмой)
ибо всякая память в царствии его
есть лишь он
ныне и присно и вовеки веков

–6–

и закрыли врата забвения семь ангелов
и опечатали их семью печатями

и за вратами этими ослепила её беспросветность
и стала вне мира его – воля её свободной
и стала воля выворачивать чулок тьмы наизнанку
и в воронку чёрную стал втягиваться бульон хаоса
и нечем стало дышать
и были части низринутые и тьмой этой
и искрами бенгальским в абсолютной тьме
и потому тьма становилась светом
и потому свет был тьмой
и было всё из ничего сотворенного
и одиночество было абсолютным
и абсолютна была трагедия
и многое становилось понятным
и что нет будущего есть только мечты о нём
и что нет настоящего есть только взгляд из прошлого
и что всё уже было до того как произошло
и что несть числа матрёшкам вселенных
и имя каждой из них –
она

ФРАГМЕНТ ВОСЬМОЙ

ЭСХАТОЛОГИЯ И АПОЛОГИЯ ПРИНЦИПА

–1–

когда-нибудь мы исчезнем
понадобится всего-то около двухсот тысяч лет
чтобы окончательно стереть все
даже мельчайшие следы человеческого пребывания

отвоевав этот мир
и уничтожив последние метастазы нашего вида
природа залечит свои раны

и ничто уже не будет напоминать
о великой войне между бессмертным и смертным разумом

кто мы
куда мы
зачем мы

когда-нибудь исчезнет планета
понадобится совсем небольшой срок
пока свет не закуклится в раковине тьмы
не вернётся в её влагу и не превратится в точку
не имеющую ни времени ни пространства

планета исчезнет в колодце безначального хаоса
где нет не было и не может быть страниц
на которых бы сохранялись сведения
о величайшей войне
между вечным забвением и бессмертной памятью

кто он
куда он
зачем он

–2–

Пчеле, некогда жужжавшей вокруг меня:

Упасть на грудь, уткнуться носом в клевер, в султаны трав,
расцвеченных зарёй.
Наступит день, когда вздохматит север последние папахи над корой.
Кора земная пахнет сном и храмом. Жужжит пчела.
Скромна её печаль.
Пчелиный бог не сотворил Адама, и потому есть заповедь – «не жаль!».

Не жаль, пчела! Покуда цело жало – оно того не стоит.
Проживи
свой век в любви – на этом покрывале никто не умирает от любви.
Пусть страшен тот, кто не боится страха,
из страха убивающий – страшней.
Страшись таких, их туловище – плаха и на твоей земле, и на моей.

Уже не жаль ни мёда, ни отчизны. Жужжи, пчела!
 Всё прочее мертво.
 Нет ничего, что стоило бы жизни, когда она не стоит ничего.
 Цирюльник скоро сострижёт гирлянды,
 затрёт наш мир с его листвой до дыр.
 Ни ты, ни я – мы не узнаем правды: зачем мы миру и зачем нам мир.

–3–

Из диалогов:

Сократ
что же тогда бессмертие?
 – возможно, наказание за сотворённое

стремление к наказанию... зачем?
 – иное грозит одиночеством

Учитель, но, если наказание превратилось в ад,
что мешает демиургу освободиться от нас?
 – нравственная воля

положим... а нам от него?
 – нравственное повеление

в чём же разница?
 – первое порождает надежду на смерть
 второе – веру... в бессмертие

–4–

Из песен Кили Валд:

–а–

В уезде стрекоз на пруду лебедей, где будит луну поутру соловей,
 где росы по листьям смородин скользят
 к омытым луною тюльпанам оград,
 где пёс мой чепрачный под вилкой ветвей
 любил помечтать на подстилке своей,
 гадал я, удастся ли душам потом остаться друг с другом
 в том мире другом?
 Вне всяких мудрёных понятий и слов
 в том мире, себя обнажив до основ,

удастся ли помнить вкус гренок и сад,
 залиvistый лай сквозь оконный оклад?
 И, если едино всё в тех небесах,
 где вечность нас носит на всех парусах,
 возможно ли слышать листву, голоса,
 как белки носились, жужжала оса,
 не таять, как снежный (в ночь таянья) ком,
 и видеть свой дом сквозь не свой окоём?
 Кукует кукушка. Биенье часов. Гадал я по звёздам созвездия Псов
 удастся ли мне сохранить сыновей
 и путь, что прошёл от дверей до дверей
 в уезде стрекоз на пруду лебедей,
 где умер мой друг на подстилке своей?..

–б–

Мне памятен запах грибов на заре и лес, не опавший ещё в сентябре,
 куда конвоировал ночь берендей. И страх-лиходей уходил вслед за ней.
 Там гасли репейники звёзд на воде.
 Там новую жизнь начинал скарабей.
 Кто знает куда это «там» утекло?..
 Покуда светло сквозь кривое стекло доносятся звуки. В пещере тепло,
 пусть даже походит она на дупло,
 где ты развернуться не можешь на звук –
 ползёшь... и всё меньше пространства вокруг.
 Ползти до скончания воздуха вплоть
 не страшно, ведь смертна по сути лишь плоть.
 Я первого снега взял в руки щепоть –
 седой мукомол не устанет молоть.
 Пстой, мукомол, «не убий!», пощади –
 мы люди,
 мы любим,
 мы живы,
 мы жи...
 Не хлебом единым!
 Как хочется жить! Не смерти же ради тоску городить?!
 А если кому не хватало души,
 пусть сгинет впотьмах да не сгинет во лжи.
 Как хочется верить, что смертна лишь плоть
 и нас не оставил когда-то Господь
 в уезде стрекоз на пруду лебедей, где будит луну поутру соловей.

–4–

Из онтологической летописи:

«...жизнь и свет составляют Отца,
от которого рождён человек»

Гермес Трисмегист

Из вселенской хандры нарождался циклон.
Телевизор пытался загнать простамол.
Позабывший и тем, кем он был воскрешён,
через лаз в небесах старый Лазарь ушёл.
Лазарет.
Этот запах уже не убить,
не отмыть – здесь бессильна любая вода.
И стоят вдоль постелей глаголы на «-ыть»:
не избыть, не отвыть... никогда.

Кем он слыл? Я не знаю. Я был по своей
здесь нужде и недолго. Чужому чужой.
Но казалось мне, словно плафон-водолей
в подпространство светил, наполняясь душой
старика.
И рождённый из влаги муссон,
что четвёртую стражу водил на причал,
будто рельсу, звучать заставляя балкон,
на всевышние силы роптал.

А рассвет без зари был точь-в-точь что закат.
Смерть, мой Отче, твой самый печальный закон.
За окном извивался да бился асфальт
со змеей листопада, как Лаокоон.
Лазарет.
Середина-конец сентября.
Тьма ли к тьме торопилась во всю свою прыть,
свет ли к свету стремился – вставала заря,
чтоб светить... и не зря было жить.

–5.1–

Из диалогов:

Учитель
почему он выбрал цикуту?
– это был не его выбор

а чей же?
– Афин

разве не мог он бежать?
– без внутренней – внешняя свобода бессмысленна

от чего же был он несвободен?
– от того, что сотворил

–5.2–

постой...
ты говорил, что, если принцип справедлив,
он справедлив для всего.
– если это принцип

допустим, некий демиург сотворил нас,
значит ли это, что и он несвободен?
– а разве отсутствие выбора не есть цена бессмертия?

но ведь принявший цикуту умер!
– ты уверен?

да... почему нет?
– а с кем ты тогда беседуешь?

–6–

Закроешь дверь ключом – ключом откроешь путь.
На жизнь или на миг – вот Бог, а вот порог,
чтоб мыкалась душа, покуда эта ртуть
впивается в глаза и усмиряет смог.
До пуговиц промок
мой дождевик,
мой фрак.
Я думал, что сбегу, да вырваться не смог.

бессмыслен
вездесущ
суча кудельный мрак
среди луж петляет дух покинутых дорог
идёт
стучит
звучит
иноязычна речь
она течёт себе не уставая течь
не различая дней
идей
и лиц
и слов
вдоль мёртвого былья по линии столбов

Мне видится, вот-вот мой нано-городок,
от книги бытия до запахов жилья,
от тучи до листвы да парковых скамей,
где всё и вся плывёт, и я плыву, как все,
мне видится, вот-вот, не истечёт и дня,
сглотнёт гигантский кит – суть инобытия.

не отличая цвет
от цвета
он на свет
нагрязнул массой всей
дальтоник-людоед
повсюду где огонь ему ночной буфет
игрок
и рок
пророк
свободен
одинок
он пьёт со стёкол свет
лениво пьёт но впрок

Химеры взяли след и щерятся у ног.

мой бедный городок
погас
погиб

истёк
пришла ему пора
пещерная пора
нет света
больше нет
от ночи до утра

Без марки, без письма, без адреса конверт –
так пусто.
И никак.
И жизни словно нет.
Набойка об асфальт чуть звякнула во тьме.
Так грош среди других сиротствует в суме.
Ионе – «вот наш кит»!
Ноль пишем, ноль в уме –
здесь цифр нет других ни в сумме, ни в суме.
Поскольку ни числа, ни меры ему несть,
наш ноль – один за всё,
единственная твердь.
Но я – ещё не он, а, значит, он – не смерть.
Мне только бы теперь до солнца дотерпеть...

–7–

Из диалогов:

Сократ
ты хочешь сказать что наш мир – самоубийство бога?
– если у жизни нет другой цели

с каждой смертью он умирает в нас а мы
умирая каждой сущностью
живём в нём?
– если не отказались

мы действительно подобны... страдаем
желая лишь того чего лишены
– если желаем

но как тогда в одном примиряется противоположное –
бессмертье и смерть?
– возможно... через любовь

но и она обречена на страдание
– если не научиться иному

какое хрупкое равновесие... это и есть основа гармонии?
– если устраивает

а если нет?
– значит должно мыслиться и иное

ФРАГМЕНТ ДЕВЯТЫЙ

РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

–1–

в мире теней и абстракций
реальность как пища сознания
творится одним лишь словом
на месте усопших цивилизаций
и сроки хранения этого яства
подобно любви
лишены постоянства

–2.1–

«В течение девяти дней
люди не различали лиц друг друга...
Тени исчезли.
Солнце проглядывало сквозь черные облака
подобно луне»

пусть вулкан на каллисти взорвёт эту твердь
столб огня пусть подымет и пепел и смерть
пусть кошмарная тьма да отъемлет твой сон
десять казней на горе тебе фараон
путь поглотит в беспамятстве павшее ниц
камышовое море шестьсот колесниц –
мне отмщение от алеф до тав воздадим

мы из духа творящие плоть элохим
чтоб двенадцать камней в апельсиновый сад
превратили пустыню встречая закат
где иным суждено воевать племенам
где иным суждено кочевать временам

«В 29 год правления династии Шан
солнце померкло,
иней выступал по утрам.
Мороз ударил в шестом месяце года».
Вставала заря Исхода,
теснимая ветрами Египта и Вавилона,
сквозь пепел минойский, застывший время.
Творилась судьба народа –
в песке, где ничто не растёт,
Творец прорастал как семя.
Двенадцать колен под горою бога
уже открывали дверь,
не ведая толком ещё задачи,
к западной части Храма
в суетное «теперь»
к бесчисленным стенам плача.

–2.2–

Возлежа на корове, Светило
насылало на нас миражи
и над шилом Хеопса парило,
словно точка над аглицкой «и».

Миражи – их крестили любовью,
их ловили сердца налету,
и глаза прозревали по... совьи,
то есть слепли совсем на свету.

Их ценил кенигсбергский отшельник,
их афинский гимнаст постигал,
их охаживал франкфуртский веник,
им пожертвовал сына Дедал.

Если б только Дедал – если б только...
где маршруты волхвов пролегли,
тонет в стоге вселенной иголка –
луч родительский с точкой Земли.

–3–

Из Четвёртой Ездры:

–а–

На рынке:

«быкам не дадут ни крошки –
это не рост, а отскок дохлой кошки...»,
«таки там появился какой-то Будда...»,
«таки что будет стоять мне ваше блюдо?..»,
«важно суметь дожидаться момента,
с первого дня елула – территория низких цен...»,
«полсикля за весь улов...»

На Блумберге,
из новостной ленты:

«В жертву принесут двенадцать козлов –
по числу колен».

На рынке:

«опять возведут городские стены –
таки слухи, но камень подорожал...»,
«народ ждут перемены...»,
«это коррекция, а не обвал...»,
«понаехали! гнать их из Ханаана!..»,
«сказано, выплатят дивиденды...»,
«таки выживет снова отродье Хама!..»,

На Блумберге,
из новостной ленты:

«В двадцать третий день месяца адара
шестого года Дария
закончилось строительство Храма».

Кризис пошёл на убыль. Открылся фрактал.
Котировки потянулись на север.

Доходность доверья упала в цене.
Надежды – только ленивый не покупал,
и это было по мне.

Народ стал забывать о плене, как страшном сне,
об ассирийских наветах, о мраке враждебных планет.
Но это не время лечило. Не время, а эйфория.
Потом, когда без светила, словно безглавая выя,
весь в тучах исчез последний рассвет Иудеи,
уже через сотни бед, я прочитал на Блумберге,
медленно,
по слогам,
что древние-древние римляне вторично разрушили Храм.

Задумался. Трудно всю жизнь вспоминать.

Еду. В наушниках у соседа
вращается Леди Гага.

Под поступь трамвайного иноходца
малёк с игрушечным пистолетом
расспросами мучает мать.

– Мама, мы с бабушкой жили в Праге?

– Жили, сынуля.

– А почему на землю не падает солнце?

– Оно на небе варит конфеты.

– А, правда, что небо – улыбка Бога?

– Когда нет дождя.

– Мама, когда немеет нога – это под кожей колгота надета?

Мама, ты будешь всегда?

Мама,

а что значит «гетто»?..

–б–

Декабрь. Небо. Звёздная цинга.

Рвут календарь, как рвал одежды Ездра,
да бьются в двери падшие снега,
чтоб научились говорить подъезды.
Пустынно в них. Не жди и не зови.
Не место здесь иноплеменным жёнам,
плодам твоей языческой любви,
что ты забрал с собой из Вавилона.

Пустынно в них и гулко, как в метро
от чёрных дыр, и все они на плане
ведут в одно, последнее, депо
за циферблаты в зале ожидания.
Грызёт всухую холод сухари.
Мой храм – подъезд из тишины и смога.
Идут к нему левиты-фонари,
и мнится им, что освещают Бога.

–В–

Где-то строил, что-то сажал, кого-то растил – всего понемногу.
Пережил две эпохи. Ни с одной из них не научился шагать в ногу.
В первую – доверял всем, но не верил в какой-то Логос
с его устаревшим слогом. Во вторую – наоборот.
Раньше воспринимал глазами, ныне – лучше ушами.
Слышу, как время идёт.
Я слышу склянки – всему своё время. Моё – подходит к концу,
хотя ледок ещё тает да скатывается по лицу.
Плачу за любовь, за дружбу, за веру в свою страну, за то,
что сердце всё помнит, а мучается, потому
как прошлое неподвластно ни времени, ни уму.
Никак не устанет ветер среди человеков полоть.
По счастью, жива ещё мама.
На площади «Итого»
чужие огни гуляют, сугробы играют в го.
Раскинулась панорама, но нет там, спаси, Господь(!),
последнего, третьего, Храма,
ни нашего, ни моего.

–4–

Я никогда не видел Иудеи.
Мне стали родиной две комнатки с карнизом,
где за карнизом яблони старели
и в кухне крошки стряхивала мама,
и где над нашей крошечной отчизной
рояль соседка гаммами терзала.

Я не молился под Стеною Плача.
В нетридесютом царстве-государстве

встречался в путешествиях на дачу
мне разве Новый Иерусалим,
где тратились советские пиастры
с одной из тех, кем не был я любим.

Моё «прости» оставленной квартире,
моё «прощай» двум комнатам с карнизом.
Исписанный пергамент ностальгии
среди немодных нынче годовщин
хранит былые чувства как капризы
давно забытых следствий и причин.

Вот голоса. Хлопок дверей в парадном.
Вот по карнизу топот голубей.
Моё «увы» земле обетованной,
квадратным метрам юности моей
по адресу: Москва, Первопесчаный,
тому назад полжизни встречных дней.

Я никогда не видел Иудеи.
Был дом лишь там, где хлопотала мама.
Над пустотой провидца Торричелли
душа бездумно прыгала – кузнечик,
пока резьбу свою за панорамой
накручивало время, словно метчик.

Я никогда не видел Иудеи...

–4.1–

Семь язв, семь ангелов, семь чаш,
горят в проекции Египта.
Вне всех времён – камней коллаж,
где миф, как запах эвкалипта,
развеялся среди людей,
и путь свой начал Моисей.

Творят мистерию песка
ветра над храмами Изида.
В века возносится тоска,

закованная в пирамиды.
И память множества могил
несёт окровавленный Нил.

Останется язык камней,
где Слово стало Трисмегистом.
Средь птиц последних и зверей
самум сражается с Египтом.
Сожгут и жизнь, и ложь, и блажь –
семь язв, семь ангелов, семь чаш.

–4.2–

Вино разбавлено тоской
синайских танцев-сухоевеев,
морская бездна за спиной
двенадцати колен евреев.

Две эры длящийся исход,
неисчислимы дни и судьбы:
пусть богоизбранный народ –
богоотверженные судьбы.

Две эры миф непобедим,
в песках две эры длится битва –
зачем ведёте, Элохим,
стезёю плачей и молитвы?!

Пути – клубок чугунных пут,
левиты мужествуют ветер,
но не кончается маршрут
ни у Фасги, ни в Назарете...

–4.3–

Здесь средоточие пророчеств –
мерцают в цитадели мрака,
оцепенев от одиночеств,
двенадцать низок Зодиака.
Не в силах бестии с тиары

стихий и бездн Владыки Света
покинуть звездный bestiарий
через стеклянный свод рассвета.

Но в час огня и власти Слова
двенадцать выпущенных джинов
ворвутся вспышкой Сверхновой
в миры потомков красной глины.

И, вывернув чулок пространства,
по вечным правилам сатуры
Господь для нового мытарства
расставит на доске фигуры.

ФРАГМЕНТ ДЕСЯТЫЙ

ГНОСЕОЛОГИЯ «Я» И «ВНЕ Я»

–1–

Любой видимый объект – ложь – хотя бы в силу того, что за время, которое проходит от брошенного взгляда до осмысления увиденного, реальность многократно успевает пережить свою смерть, и наступившие изменения становятся необратимыми. Если быть точнее, всё случается ещё раньше – свет, несущий информацию, не успевает достичь глаза, а безвозвратность уже царствует. Ахиллесу не дано догнать черепаху. Невозможно одновременно описать частицу и её координату. Материю и мимолётность. Мерцающую на морозе мысль и входящее в пике событие. Чувство любви и обожжённую болью женщину, к которой относилось это чувство ещё мгновение назад. Апория непреодолима. Благодарю вас господа Зенон и Гейзенберг.

и не к чему былое в думах
агат расколот
тишина крадётся алчно словно пума
реальность смысла лишена
вид сверху – дым да валуны
не то что яда нет – слюны

мелькнёт на вдохе вдоль стены
в затмение летучей мышью
вслед за душой душа над крышей
на воронёный ствол луны
что в глаз нацелен кем-то свыше

и явь лишь была и была не новь
и кровь вчерашняя не кровь
и в горстке брошенных монет
не вспыхнет канувших комет
когда-то отражённый свет

–2–

Мысли, сердце, плоть откликаются на то, что давно кануло за горизонт, придавая привкус горечи даже самым сладким чувствам. Сознанию открывается пантеон усопших мгновений, место прописки которых – вечность, где нет ни времени, ни пространства, где всё уже было, даже если ещё не случилось. Только совокупность воспоминаний длит действие, называемое вселенной. Только памятью прирастает жизнь. Только память – суть природа всякого «я» – наделяет сущее неуничтожимым смыслом, делая возможным пребывание мироздания «вне я», вне Творца – или любого другого мироорганизующего принципа.

*«Все мои вещи находятся в одном и том же месте
и ничего, кроме этого места, между ними нет
и быть не может».*

Циклоны рождают вселенскую грусть.
«И пусть!» – мне подумалось.
Пусть!

Я лягу сегодня пораньше в кровать
где буду валяться и вспоминать
любви, веселье, удачи.
Удачи – никак не иначе.
Мне явятся нежные дивы опять,
знакомых моих бесконечная рать,
байдарки, студенчество, горы.

И сердце, листая перроны,
менять станет сны и просторы.

А время, которое оно,
очистит язык да разгонит химер.
Потом на полночной триере триер
оно подвезёт меня к речке забвенья,
где с тенью (а также со сплином и ленью)
свой бой завершили, смертельный свой бой,
герои минувших мгновений.
Там радостно, юно во веки веков
моё поколение.

Потом я проснусь. Это будет потом.
Мой дом. Моё дерево. Мой окоём,
а в нём, словно в амфоре с вечным вином,
напиток из хмеля, тепла, облаков,
который я пью, понимая без слов:
«Меж жизнью и сном
или смертью и сном
нет разницы.
Есть – лишь один водоём».

–3–

Память – это поиск и ожидание себя в области видимых объектов, в «дне вчерашнем». Поиск и ожидание в «дне завтрашнем» – лишь желание. Первое – застывшая вспышка, образующая реальное пространство собственного «я». Второе – мнимое, иллюзия «я» в иллюзии «вне я». Счастье – когда оба пространства совпадают. Мозг погружается в эйфорию, душа захлёбывается чувством лёгкости и полёта, ликуя от осознания полноты бытия. Но как обманчиво ощущение этой свободы и безграничности собственной силы! Как мимолётно и... вероломно!

Спрятал страус заката свою голову-солнце,
соловьи соловеют, на душе венценосно,
в пластилиновой лодке лепо следовать слепо
за ванильные травы под вишнёвое небо.

Между летом и Летой, где нага, как античность,
осень хлынет однажды за печалью привычной,
пишет вальс васильковый на лугу к оперетте
легкомысленный эльф в лепестковом берете.

Во хмелю ли, во сне ли, словно шмель над аллеей,
я лечу в облаках и ничуть не старею.
Ни нужды, ни надежды, ни людской круговерти.
Я не изгнан ещё. Мне ещё не до смерти.

–4–

Новый виток событий, новый виток души – и всё возвращается
на круги своя. Мнимое и реальное впадают в очередное противоречие,
где первое ежесекундно разрушает второе, сея вокруг себя суету
и страдания. Лава болезненных эмоций обжигает сердце чувством
беспомощности и бесплодности выстраданной во что-либо веры.
Последней над человеком куражится надежда –
то притягивая на ниточках, то отпуская от себя
воздушные шарики несовместимых пространств.
Реальность обретает контуры ада, и только инстинкт самосохранения
пытается воспротивиться полному её разрушению, побуждая разум
искать всё новые и новые поводы для продолжения «я» в мире,
а, значит, и мира «вне я».
Благодарю вас, господа Шакьямуни и Шопенгауэр.

–4.1–

Сжимают горло междометья – ни выкрикнуть, ни продохнуть.
Когда любовь сильнее смерти, то жизнь утрачивает суть.
Не продохнуть! Семипудовый стучится пульсу в унисон
надрывный Хронос в кокон Слова,
дробя на ямбы свой пеон.

Препон не знавшая, ярится и мрачный требник тербит
пурга станичная в столице, Невой зажата в гранит.
Пиит, отсель грозивший шведу, почил. Печаль его мертва.
Так наши жертвы и победы – увы,
лишь вешние ветра.

Прошла пора. Печать былого мы в мыслях с мыслями храним,
где вечно память наша вдова и вероломна, словно дым.
От зим не вырваться. Засовы. Да жмутся к окнам сизари...
А ты вернись на миг и снова
всю жизнь за миг проговори!

Приговори судьбу к потерям и обреки на ту же явь –
вне мира нет другого мира, какого бога ни восславь.
И правь – не правь, что есть, то будет:
любовь, разлука и пурга... А нет –
бредут сквозь Питер будни,
страшнее всякого врага.

–5–

Ощущение собственной уникальности и устойчивости разумных
начал бытия посредством памяти превращает тварный мир
в отдельную от индивидуума цепочку видимых и узнаваемых
объектов, сопоставляя и противопоставляя таким образом «себя»
и «из себя». При этом мера подобия субъекта и объекта становится
основой и гармонии, и трагедии. Гармония находит своё разрешение
через любовь (все виды притяжений) и как следствие отказ от выбора.
Трагедия – через свободу (все виды отторжения) и необходимость
сделать выбор, вплоть до ответа на сакраментальный вопрос –
«быть или не быть». Это две стороны всё той же медали –
два пространства, реальное и мнимое.

–5.1–

«Я сон, мой Ясон! Если тьма непроглядна,
я выведу! Слышишь?..» – твоя Ариадна.
«Назад не смотри. Пусть тоскливо, безлико,
я следом из ада вернусь...» – Эвридика.
А время ваяло свои арабески –
не стало гонцов, но летят смски,
пылают вовсю социальные сети,
где можно любого героя приветить.
Мотается он чёрт-те где по европам.
Она ему: «Жду!» – мол, твоя Пенелопа.

Эпоха меняется неумолимо:
офелии шлют валентинки на «мыло»,
им в блогах любовь проповедует падре,
страдают, рыдают в онлайн кассандры.
И только по небу, где всё неизменно,
пастух (или кто там?), следя за вселенной,
плывёт вечерять с кучевыми слонами
туда (в светоносной, стерильной панаме),
где время не строит свои оригами,
где время уже не смеётся над нами.

–5.2–

Из писем:

Циклоп и циклон помешали, моя дорогая!

*Дорога моя (вдоль портовых подворий да пёсего лая), по-прежнему,
ставит сюрпризы в своей путевой антрепризе. Но я доберусь,
невзирая на лица... на визы. Мне местный визирь, он у них отвечает
за транспорт, за малую мзду дал согласие выправить паспорт.
Осталось команду набрать да спроворить в заливе триеру.
Я верю в тебя, и другой мне не хочется веры.*

*Так много воды утекло с нашумевших троянских событий... В Египте
искал я наш дом, в Иудее, на Крите. Вот странное дело, где был он –
не знаю, но, где бы он ни был, к нему одному облака устремлялись,
и мысли, и рыбы. Увядший вандал, повидавший развалины Рима,
девица, воровка из гетто с глазами налима, – моложе меня
на столетья, однако давно опочили, а мне всё до дома никак не дойти –
будто гири на киле.*

*Я скоро. Клянусь! Потерпи – подлатать нужно днище... Ты ждёшь,
значит, я всё ещё не бессмыслен. И чище, светлее мой день, моё море,
мой гром, моё небо, мой ветер.
Наш дом – это ты, и покуда ты ждёшь, я бессмертен.*

–6–

Отношение мнимого к реальному, подобно энтропии, есть мера
вероятности дальнейшего существования системы – «себя в мире»
и, стало быть, «мира из себя». Мнимое, накапливаясь, всё больше
разрушает реальное. Трагедия – гармонию. Гармония замкнута
в границах собственного мироустройства. Трагедия – безгранична.
Любая замкнутая система, не будучи в состоянии пережить
ни своё время, ни своё пространство, – обречена. Творец и творец,
Мир и мир, Память и память не в силах сохранить себя там,
где речь заходит о настоящем, прошедшем и будущем –
только в неизменности, называемой вечностью, где всё уже было,
даже если не произошло... где одно не вытекает из другого...
где свобода (возможность, модальность, выбор) абсолютна,
а, следовательно, абсолютна и трагедия.
Благодарю вас, господа Эсхил и Бальцман.

–6.1–

Их изгнавший из Сада – не Бог. Они сами, старатели кладбищ.
И себе им уже не помочь ни тоской, ни строительством капищ,
потому что суть яблока – плоть. Знание плоти есть знание смерти.
До скончания женам рожать, множа жизни и их лихолетья.
В эту тьму и без нас намело столько душ, что любые напевы
наших тел – лишь дублируют зло, заключённое в сущности Евы.
Осыпаются даты, как мак. У мака бесконечные тризны.
Мне не выжить с тобою никак, без тебя же и вовсе нет жизни.
Твой манок – материнский инстинкт,
что точней самых правильных лоций.
А отвар первородных причин между смертных любовью зовётся.
И хранит эту блажь бытиё, разметавшись на ложе Прокруста,
словно время спасая своё, чтоб не стало во времени пусто.

–6.2–

и был свет
и обернулся свет любовью
и творила любовь чада свои
и каждому из них давала отчество своё
а время отнимало их одного за другим

и возревновала любовь ко времени
и обернулась болью
и открыла боль врата ненависти
и вошло зло в те врата
а иначе как во плоти не может быть зла

и познали плоть вкусившие яблоко
и поняли что подобно всему они – он и она
и сказали они друг другу – мой и моя а между любовь одна
и познание плоти суть познанием времени стало
а знание времени суть знание смерти

и убил каин авеля
и воцарилась смерть среди человеков
и «рекоста бо братъ брату: “се мое, а то мое же”.
и начяша князи про малое “се великое” мльвити,
а сами на себъ крамолу ковати»

и был выбор между свободой и совестью
и был выбор между любовью и ненавистью
и был выбор между добром и злом
и поганые приходили за душами
а время смеялось над людьми

ибо свет становился тьмой

ФРАГМЕНТ ОДИННАДЦАТЫЙ

СВОБОДА ВОЛИ И ОСНОВЫ МОРАЛИ

–1–

Любое преступление, будь то уголовное, нравственное или... является преступлением только в той мере, в какой предаёт ожидания, разрушая охраняемую памятью действительность. Утрачивая былые связи, сознание жертвы, потрясённое болью, создаёт новые воспоминания, уничтожая таким образом свою собственную реальность.

Разрушитель же, страшась и не осознавая вполне природы собственных страхов, бежит чувства вины, вытесняя из моральной части разума – совесть. На смену ей приходят различного рода суррогаты в виде лживых умопостроений и лицемерных этических конструкций, не имеющих ничего общего ни с мироорганизующим принципом, ни с необходимостью. Кажущаяся разрушителю свободной – воля его попадает в ещё большую зависимость от морали, причиняя страдания и вынуждая защищаться от неё, создавая всё более и более извращённые модели мира.

Любое преступление, таким образом, свершается не в мире видимых объектов, а в душе и помыслах. Именно там свобода утрачивает нравственность, противопоставляя себя любви.

Поэтому всякое наказание и бессмысленно, и порочно, если оно не ведёт к раскаянью и покаянью, когда вдруг потрясённая память возвращает её владельца на круги своя и ежедневно длит мучения, приносимые пробудившейся совестью.

–1.2–

«...пойду по городу, по улицам и площадям,
и буду искать того которого любит душа моя;
искала я его и не нашла его».

Книга Песни Песней Соломона

Бог простит отечество за его грехи,
что «низы» прикончили в октябре «верхи»,
что ломать – не строить, что рабочий класс
так серпом и молотом потчевал подчас!
Бог простит эпоху за её грехи,
хоть слагала страшные страстные стихи.

Историчка юная, внешность – просто класс!
В класс входила: «Здравствуйте!»
Поднимался класс.
Историчка юная – двадцать пять на глаз.
Я в неё влюблялся в год помногу раз.
Я в неё влюблялся – хоть на смерть, хоть в загс!
Историчка юная, где же Вы сейчас?

Имени не помню... да жива ль она?!
Историчка юная, Вы – моя страна.

Пионеры движутся, словно под венец.
Рио-Риту крутит вечером отец,
а за ней поставит Танго Соловья.
Вся ячейка общества, вся моя семья,
сядет столоваться, смех – один на всех.
За окошком тает соболиный мех.
Скоро будет лето – время перемен.
Радуетса жизни в теле каждый ген.

Двадцать пять копеек – это за обед.
Двадцать пять копеек – за дневной билет.
Фильм один и тот же видел по сто раз.
Бочка на колёсах – три копейки квас.
Время шло, бежало, мчалось во всю прыть.
Многое и многих мне пришлось забыть,
но, моя учительница, не забыл я Вас.
Вы – моя эпоха, солнечный мой газ.

Бог простит эпоху за её грехи,
что горели храмы и лесные мхи.
От сознания скверну отделив опять,
Бог простит отчизну – Он привык прощать.
И увечья скроет травяной настил.
Бог простит, коль скоро
мы себе простим.

–2.1–

От совести можно укрыться. Но только до той поры, пока душа
не впадёт, подобно притоку, в сущность «Мы» – не впадёт туда,
где уже невозможно забыться, растворяясь в дыму иллюзий
и повседневности. Там – душа – мгновение за мгновением сгорает
в геенне воспоминаний, несовместимых с природой изначальной
нравственности, что самим демиургом была заложена в основание
бытия. Там, возвращая былые образы из «Мы», собственная память
творит Страшный Суд, на котором «Я» предстаёт пред каждым из тех,
с кем некогда встречалось в миру...

–2.2–

всех тех
кого не смог принять
среди рассветов и проталин
кого терял за пядью пядь
в тысячелетиях печали
всех
не услышанных в ночи
в беде
грехе
и покаянье
среди набегов саранчи
и бесконечных состязаний
кого ни хлебом ни вином
на обезлюдевших дорогах
не поддержал
и всех о ком
порой судил чрезмерно строго
всех
по кому не заказал
прочсть молебн расставанья
и всех
кому не подавал
к кому не ведал состраданья
кого не спас
не защитил
не показал пути в обитель
кого отверг хотя любил
в развёрстой пропасти событий

всех-всех
вернёт мне бумеранг
соединяя вместе доли
из плачей
просьб
и жгучих ран
костром неукротимой боли...

ФРАГМЕНТ ДВЕНАДЦАТЫЙ

ПОЭЗИЯ

-1-

Язык – дух,
 речь – душа,
 письменность – тело.
 Однако всё, что обладает плотью, лишено святости...
 и потому,
 чем большее пространство осознаётся вне текста,
 тем ближе этот текст к совершенству,
 тем подлиннее это со-творение –
 тем короче расстояние
 от смысла духопостигаемого
 к сущности духообразующих начал,
 чем бы и (или) кем бы они ни были.

-2-

Бременские музыканты

*Художник на треть принадлежит Богу,
 на треть – Ремеслу
 и на треть – народу*

-2.1-

Заря раздует шёлк на шпильях кипарисов,
 скрипач, скрипя душой, заигранных каприсов
 откроет вентилёк,
 чтоб хилый ручеёк
 в затасканный футляр, позвякивая, тёк.

Послушать соловья, здесь музыка такая,
 что хлопают бомжи, о язвах забывая.
 А холодно? А зной?
 Отнюдь не в этом соль –
 не лопнула б струна, не ссохлась канифоль.

Зализывать в мечтах мотивы ли, нарывы –
 достало б ручейка на сливы да на пиво,
 да оплатить домен
 какой-нибудь кармен;
 не обсчитал бы вновь расчётливый бармен.

Потом стонать во сне – так не по-человечьи,
 до судорог болят предательские плечи,
 и не найти меж век
 обратный путь в тот век,
 где дышится душой, бесформенной как снег.

-2.2-

Таки жизнь отбивает коленца.
 Таки Изю не греет кашне.
 Безвозвратно, как выстрелом в сердце,
 опустело, ой вэй, портмоне.

Мокнет скрипка. Укройся, шлемазл!
 Не до кляйзмерских нынче высот.
 Не летит музыкальная фраза
 в безмузыкальный, что тухас, народ.

Небогатые виды аида
 (на мацу и не трёт воротник)
 фараон, не кошерного вида,
 разогнал, тренируя язык.

Этой суке до лампочки Изя.
 А у Изи нет дома. Есть парк.
 Спать на лавочке – творческий кризис.
 Вспухли руки, и снится форшмак.

Полный «цорес»! Прощайте...
 И ладно.
 Таки стал не зависим на треть.
 Таки ночью сорвался в глассандо,
 чтоб открытой струной замереть.

–3–

Испытывая потрясения,
сознание
в поисках обезболивающих средств
вторгается за завесу сакрального,
скручивает сиюминутное в узел вечности,
но, вместе с тем,
продолжая пребывать во времени,
строит мосты между материей и замыслом,
между физическим и мистическим,
между человеческим и метафизическим,
между душой и истинами,
лежащими в основании бытия.

Именно так резонирует подобное с подобным –
благодаря письменности, но вне неё.
И не суть важно, идёт ли речь о звуках музыки,
излечении тела, открытии законов физического мира
и (или) о тексте Апокалипсиса,
где Бог,
по мнению людей верующих,
водил рукою смертного Иоанна.

–4–

Променад в пять утра. Предрассветный. По улицам,
что в потёмках былых не успели обуглиться.
До Никитских дошёл. Инстинктивно. Без цели.
В граде дяди Гиляя нет скульптур Церетели.
Нет стеклянно-стальных душегубок высотных.
Нет рекламных кошмаров. Есть стены да окна.
Вот Страстной. Некто Пушкин. Прибилась попутчица.
То душа, не спина, а всё больше сутулится.

От наречий чужих из тисков вавилонских
будто говор вернулся с народом московским.
В этот час затихали на кухнях сраженья
меж столичными фетами и, конечно, эйнштейнами.
Голубям и детишкам, увы, не разведать,

что скрывают от них москворецкие веды.
Эти шифры давно затерялись в неделях,
где мы сами себя ни за грош одолели.

Мне опять уезжать в неприветливый Таллин,
оставляя могилы родных у окраин.
Я давно не москвич. Квартирую на Сходне.
И до Сретенки мне не дотопать сегодня.
Пусть пешком, на такси или конной повозкой
раскрошить бы сургуч, чтобы время сквозь воск его
потекло по наклонной мостами-подмостками
от химер Церетели к Москве Гиляровского.

–5–

В самом совершенном творческом воплощении,
природе,
каждое слово неповторимо и одновременно с тем
подобно всему, что мыслится или может мыслиться.
Что ещё, как не найденное,
а значит – и сотворённое подобие,
в состоянии примирить создание и создателя,
жизнь и смертную природу любого феномена,
время со всеми его обитателями и вечность,
наделив всё сущее неуничтожимым смыслом?

–6–

Четырёхлистник в тональности осень

«И в мокром асфальте поэт
Захочет, так счастье находит».

Иннокентий Анненский

–6.1–

Опал закат, по-бычьему волоок,
среди деревьев в оградах полосатых,
скамейки лижут кровь, как молоко,
из проступивших лужами стигматов.

Здесь бьётся ключ – моя бывшая боль,
хранит пути сознание-храмовник,
и правит жизнь отселе и дотоль
пилюю судеб въедливый садовник.

Всему виной дамасский блеск сердец,
я не сумел с ветрами примириться,
скворец воскрес, воистину скворец,
чтоб разменять себя на небылицы.

Сознанию – душа противовес,
с каёмочкой на шее, как на блюде,
что делится на тысячи словес,
которые поэзией зовутся.

–6.2–

небо земле опустилось на грудь
сняв ослепительный нимб
просто ли в этой вселенной заснуть
стеблям тоскующих рыб

эхом расплавленных листьев пропах
клин отцветающих птиц
слёзы улиток на мёртвых плодах
павших пред господом ниц

нет новизны в ощущениях и днях
в тленье с плетеньем оград –
ждёт за плетением белый монах
грешен ты был или свят

соль да опалы в оправе домов
зодчий сменил на янтарь
поздний октябрь затихающих слов
это особый словарь

–6.3–

нежилъ
жжёнка
жмых былого
жмурик в галстук дрожит
а под ним в жёлтушной луже лист как сребреник лежит

жизнь на жизнь играет в жмурки
нежить в жиже ворожит
за тоской тоску тощища тащит точно вечный жид

лабиринт дождя и буден
нет зонта – считай зека
в темень в темя в тесто тела жалит жало сквозняка

пей!
любовь страшной запоя
ибо страждет вечно жить
минотавр чистит зубы – пригодилась видно нить

строки – серые сороки
слухи-духи – в сорока
и до срока сойки-сроки превращаются в срока

жуть от жути жук на блюде – пишет ножками –
дождит
может стать пара строчек
прожужжится сквозь гранит

–6.4–

Ангелочек туч, ты на почву-то лей-полей!
Там ведь тоже жизнь из корней, камней да червей.
Пусть она насытится вдосталь дождём дождей,
что из духа рек, что ночей вековых черней.
Не печально это – по следам остальных, хотя
неприятно это... когда исчезает «я»,
и в одном котелке не родня твоя и родня,
как в сети ехидной жуёт пескарей мотня.

А поверх голов сороков да различных слов
в голове дурака валяет болиголов,
мол, всё лез из кожи, выпрыгивал из штанов,
а мирок твой, дружок, из липы да из дубов,
мол, на кой был стране чужой и стране своей (?) –
ладно б храм хоть сжёл, хоть какой-нибудь мавзолей!
Нафталин с лузгой – то, чем жил-дышал, что слагал,
а теперь с корабля да в зал на последний бал.
С холодком таким, с хохотком в нём приемлют плоть,
мол, не полз на свет – не пришлось бы и плоть полоть...
Ангелочек мой, ты на землю-то лей-полей –
где бы жизнь не ютилась, но мне с ней и там светлей.

–7–

Из всех искусств ничто, как поэзия,
не стягивает пространства
между, казалось бы, несопоставимыми,
но всё же подобными явлениями и предметами.
Ничто вне поэзии, заключённой в любом творчестве,
и самой поэзии
не обладает таким, как она, языком,
где за границами материально осязаемого текста
возникают гигантские массивы бытия,
где начертания и звучания,
минимально соответствуя смыслу используемых слов,
максимально приближают человеческую духовность
к пониманию себя и постижению природы вещей вне себя.
Нет ничего одновременно настолько чувственного
и вместе с тем философского,
ничего настолько же подобного самой Природе...

–8–

В ту ночь я заехал в лес.
Октябрь, но было сухо. В затылок дышали духи.
В траве жёлторогий бес ловил их шумы вполуха,
да филин по фене ухал.
Сама для себя – свобода, сама для себя – тюрьма,
скрипела, шипела тьма.

Вдоль чёрной её дыры во фронт стояли стволы,
и не было здесь ни брода в изученные миры,
ни в прошлое перехода,
туда,
где солнце с луной в два глаза лизали макушку,
где Саша сосала сушку на пригородном шоссе,
а мост, наклоняясь к реке, из русла тянул глясе,
и где на рельсах-тире поодаль плела парафразы
типичная истеричка, салатная электричка,
слагая своё эссе.
Про жизнь. Про любовь. Про путь.
Про то, что болят колёса, но, в целом, не в этом суть.
Про то, что на белом свете (и это, пожалуй, важно!)
так жалко стоять и спать, как спят каждой ночью дети,
не ведая, что однажды приходится умирать.
В ту ночь я заехал в лес.
По-крысьи шуршал в ветвях надмирный пещерный страх.
С дремучих лесных небес, тропой ступая ратной,
листва опадала в прах.
И ветер не с той ноги за мной заметал шаги
стремительно и безвозвратно.

–9–

Из диалогов:

*Скажи, Сократ, если наш мир – это поэзия демиурга,
почему он не продолжает писать? За столько лет ничего нового...
– ты музыкант, но разве у тебя только одна песня?*

*Ты говоришь о других мирах... невидимых нами?
– возможно*

*Но ведь гармония в любых своих проявлениях – едина...
и, если всё подобно всему, то, значит, все его миры из одной глины.
Неужели он просто клонирует однажды созданное?
– если иное не мыслится*

*Учитель, мною – не мыслится.
– а разве ты демиург?*

Мы же подобны... в чём тогда разница?

– возможно, в таланте

Почему тогда смертны в его мирах цветы и звёзды? Почему так трагична его поэзия? Неужели и ему не хватило титанического огня?

– если иное не мыслится

Ты хочешь сказать, учитель, что талант вне меня я могу рассмотреть только в объёме таланта внутри меня?

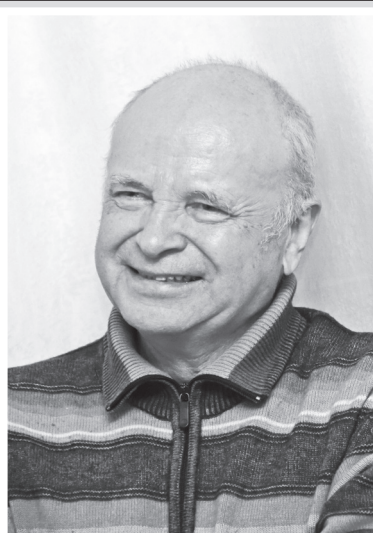
– пока есть душа

Только смерть может отнять у меня мою душу!

– а разве жизнь не способна на это?..

Алексей Бердников*Канада, Квебек*

*Поэт, переводчик, эссеист.
Член Союза московских литераторов.
С 1999 г. живёт и работает в Канаде.
Стихотворения, поэмы и эссе опублико-
ваны в разные годы в журналах «Юность»,
«Смена», «Октябрь», «Предлог», «Русский
Ванкувер». Автор 9 романов в стихах.
Переводит с итальянского, французского,
немецкого, английского, испанского языков.*

ПУШКИН В ГУРЗУФЕ

В конце сентября 1999 в городе Гурзуфе в Крыму состоялся Междуна-
родный пушкинский симпозиум, очередной по счету. Устроителями его
были Украинская Академия Наук, украинский Совмин и Музей Пушкина
в Гурзуфе. Меня туда позвали участвовать. В пушкиноведении я полный
ноль в уме. Но, во-первых, из двадцати с чем-то семинаров – все по Пуш-
кину, один какой-то не имел прямого отношения к Поэту – это был семи-
нар по сонету (а в сонете – как вы уже знаете, ваш покорный слуга большой
дока), а во-вторых, позвавший меня участвовать – мой недавний приятель
и руководитель вышепоименованного семинара. Вот как я там оказался.
Симпозиум в основном отгремел, и перед тем как ему закрыться и гостям
разъехаться, подходит ко мне мой руководитель и предлагает мне назавтра
выступить с докладом на общем заключительном сборище светил пушки-
новедения, то есть там и тогда, где и когда будут зачитаны самые блиста-
тельные доклады, прозвучавшие в ходе работ симпозиума – по одному
докладчику от семинара. Я спрашиваю у моего приятеля, интересно ли
будет выслушивать ученому сообществу мой бред о сонете, тем более что
нет даже и бреда – есть просто сонеты, так не буду же я отнимать у людей
время чтением каких-то виршей, тем более, что все высоко настроены на
поэзию Пушкина, а уж Лермонтова – то только в крайнем случае. Ну, вот,
говорит он мне – Пушкина ты им и считаешь, только Пушкина для них
неизвестного.

– Где же я такого Пушкина возьму? – спрашиваю я.

– Неизвестного Пушкина ты им сочинишь, – говорит он. – У тебя впереди сегодняшние полдня, ну, и еще ночь, разумеется. В пушкиноведении ведь есть еще небольшие пробелы. Как там с Десятой Главой Онегина – все ли всем ясно? Разумеется, мы потом объявим им, что то была шутка – все-таки дурачить ученый мир даже и такому умнику, как ты – негоже. Ты просто пошутить – это, знаешь, будет такой десерт... я бывал там на семинарах, у них дикая скучища, просто тоска зеленая. Возбудим хотя бы улыбки дам – с нас вполне довольно.

Я сказал, что стоит все обдумать на досуге.

– Вот ты все и обдумай в твои осенние досуги, за оставшиеся тебе полдня и вечер, а мне нужно прямо сейчас от тебя согласие – внести в почетный список. Ну, как, ты, ведь, не против?

– Ну... не знаю...

– Ага, ну вот и хорошо. Сколько тебе времени там будет нужно – в час попробуешь уложиться?

– Ты что – издеваешься надо мной?

– Понял, понял – дадим тебе академический час... очень тебя прошу – постарайся не выходить за пределы – все-таки другие тоже захотят выложиться. Договорились?

Я промолчал, мое молчание им было принято за знак полного согласия. Что было делать?

* * *

Пушкинский симпозиум

Выступление Алексея Бердникова на пленарном заседании.

Гурзуф, вторник 21.09.99. (12. 15 – 13. 00. – приблизительно)

АБ: Благодарю высокое ученое сообщество за предоставленное мне слово – я не был заявлен в Ваших программах...

Голоса из зала: Нет, нет, Вы там есть...

АБ: Я не заявлен по Пушкинской тематике, заявлен по сонету – прошу меня простить, хотя и не по моей вине, но в опубликованном анонсе содержится грубая ошибка – к слову «мадона» добавлено еще одно «н» его не должно быть – ведь родной язык Пушкина – французский, а отнюдь не итальянский...

Председательствующий: Мы не виноваты. Это компьютер...

АБ: Согласен... Ну вот...

Почтенные дамы и милые господа!

Хочу поздравить Вас с окончанием наших горячих дебатов и плодотворного внесения вкладов в наши цветущие отрасли гуманитарной науки, которые обязательно выльются в виде продуктов книгоиздания и поездок во все более и более дальние зарубежья. Сегодня я хотел бы Вас развлечь некаким десертом, предложив Вашему высокому рассмотрению одну небольшую вещьцу Александра Пушкина – широко известную, но мало изученную – такую, как роман – это роман в стихах, на титуле его проставлены имя и фамилия героя – Евгений Онегин.

В силу известной ограниченности во времени и личных пристрастий докладчика, чтеца-декламатора любителя, мы обратим наши с Вами благосклонные взоры на главу Осьмую – всегда являвшую замечательные пробелы в виде широко задуманных и правильно проведенных авторских купюр, но сегодня мы их с Вами увидим с купюрами навыворот, что на нашем с Вами ученом языке будет носить название «конъектур» – то есть реконструкций по всем правилам науки и, смею надеяться, искусства.

Прежде всего – слегка, не перегружая Вашего благосклонного внимания, – прочту Вам часть ученого аппарата – тут немного... как Вам известно:

«Евгений Онегин» – самая большая загадка, связанная с Пушкиным. Вернее, это даже не одна, а целый букет загадок. Тайна Главы Десятой в этом букете – далеко не самая безнадежная. Вот краткая история проблемы:

1. На листке рукописи «Метели» дат. 20 окт. 1830, содержится помета, сделанная рукою Пушкина: 19 окт(ября) сожж(ена) X песнь.

2. В рабочем дневнике Пушкина можно прочесть (после времени и места написания, а также тематики первых двух частей романа «Евгений Онегин», ибо вплоть до момента первого издания отдельной книгой творимый и заверченный роман мыслился как произведение трехчастное):

...Часть третья VII песнь Москва Мих. ПБ. Малинн 1827. 8 (то есть: Седьмая Глава, открывающая собою Третью и последнюю часть романа и имеющая темой поездку героини в Москву, писалась в Михайловском, Петербурге и Малинниках и была завершена в августе 1827 года). Читаем далее:

VIII Странствие Моск. Павл. 1829 Болд.

IX Большой свет Болд.

Примечания

1823 год 9 мая Кишинеv – 1830 25 сент Болдино 26 сент. АП

Ну, ничего, прямо скажем, сногсшибательного в обнародованных сведениях не имеется – вряд ли от кого-нибудь тайна, что, согласно авторскому

замыслу, роман представлял собою произведение девятиглавое, и совершенно естественно то обстоятельство, что Пушкин мыслил свой роман трехчастным: то есть содержащим по три песни, приблизительно равные по величине, в каждой части.

Откуда же взялась Десятая Глава, когда была написана и почему участь была у нее последней части Гоголевской Поэмы?

Гоголя я помянул не случайно – оба классика пребывали в восхищении от плана «Божественной Комедии», оба в какой-то степени решили повторить эту раскладку в своих поэмах. Оба потерпели в этом сокрушительный неуспех.

В случае Гоголя это было вызвано глубоким и неразрешимым душевным кризисом.

Глубокий душевный кризис – притом не замеченный современниками и потомками – переживал и Пушкин. Он пытался опротестовать приговор несправедливой судьбы. Он трепетал и дергался еще в течение двух-трех лет, а потом – затих. Может быть, смирился? Ну, куда там!

Но вот налицо замечательная мистификация: 19 октября 1830 года оказалось сожжено то, что никогда не было написано, чего даже и писать никогда не входило в планы!

1. 1904 год. Среди бумаг, пожертвованных в Академию наук вдовой Л. Н. Майкова, содержится двойной лист с зашифрованным Пушкинским автографом.
2. Тогда же П. О. Морозов, по аналогии некоторых строк одного со строками «Героя», предлагает возможный способ расшифровки (отныне он во всех изданиях романа, в качестве приложения).
3. Тогда же высказано предположение, что обнаруженный отрывок имеет какое-то отношение к роману.
4. Чуть позднее – С. М. Бонди предполагает, что означенный текст писан Онегинской Строфою, а мы имеем лишь первые четверостишия десятка строф, остальное, очевидно, утеряно. На этом расшифровка практически окончена.
5. 19 дек. 1830 года (спустя два месяца) Вяземский¹ записал в дневнике (опубл. 1896): Третьего дня был у нас Пушкин... из X-й *предполага-*

¹ Дом Вяземского кишел шпионами, содержание Дневника, разумеется, сразу делалось известным в полиции; именно Вяземский не рекомендовал Пушкину соваться в цензуру с «Путешествием» и по возможности скорее вынести оное как можно далее за пределы романа, дабы не скомпрометировать целого; Вяземский должен был заявить, а Пушкин сжечь несуществующую главу Онегина; но договаривались невнимательно: в результате глава оказалась заявленной спустя два месяца после сожжения (видимо, следовало поступить как раз наоборот) – А.Б.

емой читал мне строфы о 1812 году... «У вдохновенного Никиты, У осторожного Ильи» (19 окт сожж X песнь!)

6. 1896 год. «Журнал Министерства народного просвещения» публикует только что найденное письмо Александра Тургенева к брату Николаю: «Есть тебе и еще несколько бессмертных строк о тебе – Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он *описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года* (разрядка моя – А. Б.) и упоминает, между прочим, и о тебе: Одну Россию в мире видя...» на письме дата: 11 августа 1832 года – (т. е. спустя почти два года после злополучного аутодафе).

Здесь важно для нас то, что важный для нас отрывок атрибутирован не за мифической Главой Десятой, но за вполне реальной, содержащейся в плане, песнью VIII Странствие Моск. Павл. 1829 Болд.

Дальше попрошу вас обратить ваше внимание на вещи широко известные, но так и не ставшие достоянием пушкиноведения, хотя, на наш взгляд, они могли бы явиться украшением золотого фонда этой почтенной науки.

* * *

То что вы сейчас услышите, вряд ли произведет на вас какое-либо впечатление. Дело в том, что большинство из вас читает литературные газеты и культурные вестники, и следит за развернутой там пушкинианой текущего юбилейного года – там все это уже достаточно широко проходило – мы просто решили собрать все эти одинокие, публиковавшиеся по разным подвалам в разбивку сведения, чтобы придать им более или менее стройный вид – и хоть какую-то логику... Я только позволю себе добавить, что некоторые из сторон нашего сегодняшнего сообщения мы почерпнули из широких публикаций 1992 года в юбилейный год Петра Вяземского и в 1993 – таковой же год Петра Чайковского.

Реплика с места: Ну, это уж полная чепуха: год 92-й был юбилейным для Вяземского – круглая дата – 200 лет жизни на этом свете, но ведь для Чайковского – какой же это юбилей? – столетняя память...

А. Б.: О да, конечно же, прошу меня простить, с юбилеем Чайковского я оговорился... Я просто хочу сказать что – с этих двух Петров, пожалуй, мы и начнем...

В год смерти Вяземского – 1878 – Петр Чайковский, как известно, по совету – не няни, но Петра Вяземского, внезапно, неожиданно для всех, даже для ближайших родственников, в течение месяца с небольшим, взялся за – и написал-таки – известную оперу на пушкинский сюжет. Чайковский почерпнул сюжет из книги, которую незадолго перед тем купил с лотка у

букиниста (Пушкин в 50-е – 60-е годы практически не переиздавался, читали и помнили его мало, у композиторов на слуху были модные тогда стихи Надсона и Ратгауза, впрочем, сам Чайковский отдавал предпочтение Алексею Константиновичу Толстому – за это критика всегда отмечала в Чайковском хороший литературный вкус). Как бы то ни было, Чайковский купил и прочел многострадальный Пушкинский роман. Реакция Композитора на роман была неоднозначной. Стихи ему показались хорошими, он даже прикинул, как они будут сочетаться с его музыкой, и нашел, что музыка, его музыка, их, пожалуй, не испортит. Вызывал сомнение заглавный герой. Композитор посылает томик Пушкина со своими карандашными пометами – поэту, знаменитому тогда переводчику Сонетов Шекспира – Модесту Чайковскому, которому приходится братом и к которому во всех важных случаях жизни обращается за консультациями. В сопроводительном письме он пишет о поступившей от князя Вяземского, как тогда говорили, комиссии, и там же сетует, что Вяземский почему-то ни словом не обмолвился о сумме следуемого гонорара, что Пушкин, конечно же, классик и великий поэт, но роман не очень получился, видимо, потому, что иметь дело с героем, у которого на уме одна подляна, не по силам даже такому талантливому стихотворцу, каким, вне всякого сомнения, был Пушкин и т. д., и т. п. Впрочем, он, Петр, уже дал обещание князю Петру и прочее, и прочее – как, мол, ты смотришь – не поступил ли я с этим слишком – не по обычаю, – опрометчиво, и что ты, вообще-то, думаешь?..

Модест Ильич не стал долго раздумывать над ответом. В своем письме он советовал брату Петру работы не бросать, а напротив – по возможности сугубить, обращая его внимание на обаятельную героиню, что же до героя, герой – понятно какой, раз роман – сатирический...

Здесь мы прервемся с нашей очаровательной темой – возникновения знаменитой оперы и перепиской обоих блистательных братьев – Поэта и Музыканта, дабы вернуться к сути нашего сегодняшнего собеседования. Онегин... Евгений, ну, допустим – Александрович... а может быть, Петрович... то есть, конечно – Петрович, просто – Петрович... Что, собственно, могло так задеть и обескуражить «творца нелегкой музыки», по отзыву о Чайковском поэта-правдоруба Иртеньева, – и вызвать такой поток сарказмов, в иных случаях, более уравновешенного и более взвешивающего свои слова творца, в общем, доступных стихов – брата его Модеста. Мы подходим к самой сути доклада – сейчас мы шаг за шагом проследим жизненный путь героя романа и оперы, читая самый роман и то, что от него осталось в замечательном музыкальном творении, а заодно – вчитываясь по-новому в те вставки в роман (или вернее – выпуски из романа), которыми рачительно снабдил Петра Чайковского Петр Вяземский... – он же слышал роман

полностью еще в чтении самим Пушкиным и, обладая феноменальной, я сказал бы – моцартовской, памятью, вписал их в имевшийся у него экземпляр бессмертной сатиры-романтической поэмы, по поводу героя которой автор некоторое время колеблется: кто он – двуликий кавалер-убийца Сбогар, безумный странник Гарольд или – пародия на того и другого.

Итак, кто же такой Онегин? Что Пушкин внес в него от Сбогара и что от Гарольда? Действительно ли, есть в нем какие-то черты Чадаева?

Мы оставляем в стороне благородные увлечения Онегина театром и балеринами – тут мы вправе ему позавидовать, если не посочувствовать, – коснемся, однако, несколько шаткого материального состояния героя – это, как мы увидим, крайне важно. Важно также, как он относится к благосостоянию своего родителя – это отношение нам объяснит доселе не объясненное в поведенческой линии и конце замечательного «лишнего» человека.

Выросшего в провинциальной глуши композитора и человека Петра Чайковского не могла не возмутить некоторая, довольно поверхностная, циничность «молодого повесы»; что же до его времяпровождения, то Чайковский, будучи долго неженат, и сам, по его признаниям, рассеанным в письмах, не пренебрегал обществом молоденьких девушек, так что вряд ли волокитство Онегина его особенно задевало. Композитору как-то не верилось, что при таком отношении к родственнику, с которым они даже не были знакомы, Онегин мог пожелать куда-то поехать даже под угрозой потерять мифическое наследство – тем более поправлять там чьи бы то ни было подушки!

Глава вторая романа, где, как известно, описывается время Онегина, его встречи с Ленским за биллиардом – Композитора не заинтересовали, Чайковский не любит сельской глуши, не переносит стука биллиардных шаров – не станем тут останавливаться и мы, тем более, что «споры» и «размышления» обоих героев, как нам кажется вслед за Чайковским, носят чисто декоративный характер. Отметим лишь, что Владимир Ленский был ...«богат... хорош собою...». То есть – прежде всего, именно богат, а хорошим собою его делали его молодость, его зажиточность и завистливые глаза наблюдавшего за ним его полунищего друга – Сбогара, то есть, простите – Евгения. К тому же, богатый и хороший собою – «не имев, конечно, Охоты узы брака несть...» – что есть возмутительные поклеп и неправда. Были же они друг другу с Онегиным скучны до омерзения («лед и пламень» – куда уж более!). Острым своим карандашом – след острого и быстрого ума – Композитор немедленно тут же помечает, что, по странным нравам и обычаям, царившим в обществе еще так недавно – в двадцатые годы – вы были

«абсолютно не в праве убить человека, не будучи ему как-то представленным». Поистине – суть представления и представления!

Послушайте, братец, – пишет Петр-музыкант Модесту-стихотворцу, – что вы все-таки думаете о главе Третьей? Она отнюдь – божественна! Там, у князя Петра есть один мотив, я все твержу его, когда я счастлив. *Они дорогой самой краткой /Домой летят во весь опор...* – но дальше все становится тревожно и как-то размыто. Онегин, кажется, впервые откровенно дразнит свою жертву, как бы примеривая наживку полакомей, снасть попрочнее... тревога мною овладевает... конец цитаты.

Глава четвертая в воспоминаниях князя Петра начиналась акафистом в честь батюшки князя Петра – его же, Вяземского. Встав утром, Онегин, страдая головною болью, бесится, что не устервил вчера Ленского: ничто беднягу не радует – ни даже письмо молодой женщины, в котором прочитывается прикровенная просьба делить с писавшей хотя бы иногда уединенные прогулки – и, кто знает – какие еще там сельские досуги. Ведь он же – не зверь, и сердце у него не косматое! Да и досуга самого – хоть отбавляй! Нет, он артачится – еще того и гляди – специально поедет надкуражиться, всем встречным и поперечным Буяновым, Петушковым – кому ни попадя – будет показывать затертое от многих уже пальцев – письмецо – «да что она... да я ей... да я на нее...» Наконец, удумал – решил, что выскочку надо отнравоучить... Отнравоучил – и, натурально, до слез довел.

Пушкину Таню жалко – но с добрым приятелем сладу нет. Ему – вожжа под хвост. Пушкин зазывает Онегина в свой рабочий кабинет под невинным предлогом – сыграть на бильярде, и там, внезапно накинувшись, пытается душисть в углу... трагедией.

*Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав нежданно за полу,
Душу трагедией в углу.
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.*

(Глава Четвёртая, строфа XXXV)

*И шумно шлепаются в воду²,
Чертя по ней кипливый след...
Следит их рифм моих по ходу
Онегин, добрый мой сосед,
С другого берега; вот кепи
Он тронул цвета спелой степи,
И я в ответ ему махнул
Рукой; потом он потонул
В кустах и травах луговины
Такой же гений и чудак,
Как вы да я, пускай слабак
По части рифм – от той причины,
Что в наш пустопорожный век
ЕО – серьезный человек.*

(Вставка А.Б., Глава Четвёртая, строфа XXXVI)

А что ж Онегин? Кстати, братья...

(Глава Четвёртая,
первая строка строф XXXVI. XXXVII)

То есть – укротить – или тем более – совсем изничтожить Онегина никак его высоколобому автору не удавалось. Онегина спасали ноги его и его кобылы, поцелуй белянки и наше северное лето – карикатура южных зим, но главное, все-таки, – дело; о деле, по которому зачем-то посетил он нас в глуши забытого селенья, – он на самом деле ни на секунду не забывал, всячески приближая миг исполнения.

Петр-музыкант Модесту-стихотворцу:

...знаете, братец, князь Петр, по выражению незабвенного Даргомыжского, намеренно раскололся – он не только пообещал мне заплатить, но назвал даже имя заказчика – это совсем еще молодой человек, и он просит, чтобы называли его «Петрович»; князь говорит, что у него есть одна неприятная черта – появляться на люди, когда не ждешь... вернее – две: еще у него ледяные руки. Он тут как-то непрошенно является ко князю – да прямо и к цели визита – где, мол, заказанная мною Отходная (т. е. опера, ваше превосходительство, вы хотите сказать – опера? – уточняет князь). Петрович соглашается, что пожалуй что и опера, и грозит через неделю явиться с гонорарными деньгами – с тем, чтобы князь уже вез его ко мне...

Модест-стихотворец Петру-музыканту:

² В настоящей работе курсивом обозначен текст А. С. Пушкина; текст А. Бердникова дан прямым шрифтом.

...как хочешь, а не нравится мне твой с ледяными руками Петрович! Слоняется по Петербургу некий взбесившийся городской сумасшедший – в цилиндре и гоголевской крылатке, немолодой уже человек – лет так сорока, но без свойственных возрасту морщин, чем кажется моложе годов на 10–15. Да суть не в том, а что выдает себя за внебрачного сына Петра Чадаева – отсюда и «Петрович», этакий пакостник – разделаться бы тебе поскорее с этим делом (имея в виду оперу)...

Но мы, кажется, отвлеклись от главного – от нашего собственного Петровича – или Александровича, а он – явно получшал в поведении – и с Таней у него получается обхождение галантное... Мы в самом пике Главы пятой – на вечеринке в честь Таниного ангела – Татьянин день – 12 января по старому стилю...

В тот самый день все шло по плану. Не по плану Александра Сергеевича, разумеется. По плану, начертанному тяжелой властной рукой в холодных петербургских штофах. В планах этих стояло: сближение до дружеской ноги – спровоцированная на публике ссора – вызов – дуэль – смерть.

Здесь желательно было бы процитировать стихи собственно Ленского, его предсмертное, точнее было бы – предсмертный – ариозо, ведь – как ни удивительно – стихи на случай сохранились!

*Стихи на случай сохранились;
Я их имею; вот они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет нужды; прав судьбы закон.
Паду ли я стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она,
Все благо: бдения и сна
Приходит час определенный;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!*

*Блеснет завтра луч денницы
И заиграет яркий день;
А я – быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень.
И память юного поэта*

*Поглотит медленная Лета,
Забудет мир меня; но ты
Придешь ли дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил,
Он мне единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной!..
Сердечный друг, желанный друг,
Приди, приди: я твой супруг!..»*

(Глава Шестая, строфы XXI–XXII)

Темно и вяло написано! – замечает держатель стихов, или их коллекционер. Но темнота или вялость – Бог с ними. Поражает – что эти стрелы, бдения, сны, благословения дню и приходу тьмы – бесконечно далеки, далеки, как небо, от грязной прозы талантливо спланированной кем-то акции.

Господин Набоков в известном своем комментарии к этим строкам не боится кощунствовать – он прямо говорит, что стихи Ленского – плохие, что он, в общем-то, и не поэт! Э-э, да бросьте же, Владимир Владимирович! Вы же знаете, какое перо их, эти стихи, писало!

Реплика с места: Вы нам не подскажите, кто все-таки автор стихов Владимира Ленского?

А.Б.: Конечно же, я скажу. Их автором является не кто иной, как Владимир Владимирович Ленский, представитель побочной ветви князей Оболенских. А Владимиру Владимировичу Набокову грех было это утаивать от доверчивых читателей, ведь в другом месте он же открыто пишет, что Пнин – это незаконнорожденный Репнин и вообще Бэнд Синистер – полоса там, на правой (от зрителя) стороне герба. Ну, так вот...

Я как-то спросил у князя Петра, – пишет Петр-композитор Модесту-стихотворцу, – в чем собственно было дело Ленского и как, собственно, оно могло, если могло, стать каким-то отзвуком набравшего тогда силу Северного Общества, да и могли ли подобные веяния скомпрометировать в чем-то юношу столь молодого и неопытного, к тому же недавно лишь объявившегося в России в своем родовом поместье... и т. п. Князь Петр на меня посмотрел хитро и торжественно воскликнул: Ну что вы! Как же тут можно не понимать! Ведь истинная причина смерти Владимира еще перед его женитьбой – крылась как раз в его богатстве и в отсутствии очевидного для всех наследника... Наследник, однако, был – и он потом явился... Ну, а Канцелярия, естественно, была уведомлена по-другому... о будто бы «идейных несоответствиях» – да вам-то это непонятно?..

Странный человек этот князь Петр... сам говорит, а сам все как-то старается понизить голос... а то вдруг замолчит, на цыпочках идет к двери – стоит. Слушает... возвращается на цыпочках... странно...

Ну, хорошо – так вот поступили с Владимиром и, в конечном счете, – с его невестой, а что же свояченица, сестра Ольги, что – Татьяна? Она собирается и едет в Москву – на ярмарку невест, – и там неожиданно удирает штуку: выходит замуж за генерала. –

Штука есть штука – это такая шутка, но и вместе с тем штука на славянских языках – есть кунштюк, хитроумная уловка, стратагема... Мы этого не поймем, до тех пор, пока не перечтем главу Осьмую романа, но не теперешнюю Восьмую, натекшую, Бог знает как, из Главы Девятой, а прежнюю – пушкинскую, замысленную входить гранью девятигранника в магический кристалл его романа.

Я обещал Вам десерт – на сладкое спешу Вам сообщить утешительную новость: Глава не сожжена – она раскассирована, нам с Вами удалось ее собрать – в ней оказалось ровненько 50 онегинских строф, напомним только, что минимальное количество таковых строф – 40, максимальное – по «Онегину» – 70. Глава предваряется, как и следовало ожидать, эпиграфом из Грибоедова, в качестве зачина используется записная книжка Онегина, где косвенно упоминается и Пушкин, затем следует *великая ектения* с пользой проведенной молодости и столь же великая *анафема* молодости растраченной, потом Онегин на наших глазах поедет по России с заездом в исправительные учреждения, затем нашим глазам явится Одесса – вторая и подлинная столица Российской империи, ибо задыхающемуся от *раков* *верхом на науке* Петербургу нечего противопоставить *затворницам жирным и живым*, но, как известно, – *слегка обрызгнутым лимоном*, – и наконец: воочию явится нам без маски – во всем первозданном блеске, как бы теперь сказали, *альтернативный* герой романа – умеющий *отличить ямб от хорея* – но не только – сам Александр Сергеевич Пушкин...

...итак...

ГЛАВА ОСЬМАЯ

Кто путешествует, в деревне кто живет ...
Кто служит делу, а не лицам ...

А. С. Грибоедов

1. О муза пламенной сатиры³,
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремющей лиры,
Вручи мне ювеналов бич!
Приятель пусть его подымет
И тем с приятеля пусть снимет
Своею дружеской рукой
Язвительный намек какой
В отсутствии патриотизма
Или основы потрясать
В желании: нам ли плевать
В лицо печальное трюизма,
Твердящее нам, что сапог
Есть выше, чем российский Бог.

2. Сей труд я предприму тем боле,
Что начат он и завершен
Давно и без сторонней воли
Ныне насельником сторон
Иных – Онегиным. Евгений
Пред тем, как съехать с наших сеней,
Мне передал сию тетрадь,
Рекомендуя всюду брать
Ее с собой, но где попало
Не оставлять и, коль черед
Его чуть ране подойдет
И мы не свидимся нimalo,
То кинуть на помойку – иль
На книжный лавок! Вот вам стиль

³ Первые четыре строчки взяты из стихотворения Пушкина, датированного 1823–1825 гг; в строфах 4–13 использованы строки и строфы Главы Десятой «Евгения Онегина».

3. Онегинского завещанья!
 Но любопытен, каюсь, я,
 И чуть не в вечер расставанья
 Я свиток развернул, друзья,
 Уж им полакомился сытно
 И то, что мне в нем любопытно,
 Решил списать уже теперь –
 Из опасения потерь –
 Вот в эту маленькую главку.
 Итак, суди меня Господь,
 Что смысла здравого щепоть
 И эту длинненькую справку
 Решил издать я с кондака.
 Вот выдержки из дневника.

4. ...Властитель слабый и лукавый,
 Плешивый щеголь, враг труда,
 Нечаянно пригретый славой,
 Над нами царствовал тогда.
 Его мы очень смирным знали,
 Орла двуглавого щипали
 Когда не наши повара
 У Бонапартова шатра.
 Гроза двенадцатого года
 Настала – кто тут нам помог?
 Барклай, зима иль русский Бог?
 Остервенение народа?
 Последнее! Народ зане
 Стервозен в нашей стороне.

5. Но бог непрост тот с нами иже,
 И скоро силою вещей
 Мы очутились в Париже,
 А русский царь – главой царей.
 Сей оборот кто б смог предвидеть?
 Кто может нас вообще обидеть
 С широким и простым лицом
 И с удивительным словцом –
 Авось! О Шиболет народный,
 Тебе б я оду посвятил –

Да вот меня предупредил
 Байрон, пиит великородный,
 Лишь в тех строках, чей автор он,
 Морями правит Альбион.

6. А кто российской хлябью правит:
 Его свободный мой язык
 Не может не хулить – а славит!
 Ославит? С властью впритык,
 Что чем жирнее, тем тяжеле,
 Скажи, зачем ты, в самом деле,
 О русский глупый наш народ,
 В потемках роешь словно крот,
 Свою судьбу, сдружась с Авосем?
 О безотказнейший Авось!
 Ему небесную Небось
 Как раз в супруги мы испросим
 И пропоем подблюдно им
 На счастье голосом блажным:

7. Авось, аренды забывая,
 Ханжа запрется в монастырь,
 Авось, по манью Николая,
 Семействам возвратит Сибирь
 Тех, кто там лед и камень плавят.
 Авось, дороги нам исправят.
 Небось, незря к ногтю сведен
 От нас – напомним. Кто он:
 Сей муж судьбы, сей странник бранный,
 Пред кем унизились цари,
 Исчезнувший как тень зари,
 На царство папою венчанный,
 Покая казнию мучим...
 И памятью. Что за ним

8. Тряслися грозно Пиренеи,
 Волкан Неаполя пылал,
 Безрукий князь друзьям Мореи
 Из Кишинева уж мигал.
 Кинжал Лувеля, тень берийска,

Ну и, конечно же, российска
Полканства смута: нам не впрок
Был исторический урок.
«Я всех уйму с моим народом», –
Наш царь в конгрессе говорил –
Но вдруг головку охладил
Монарху Меттерних подходом,
В сторонку отведя от дам:
У вас мол, дома – тоже... там...

9. Потешный полк Петра Титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей –
На этот раз предайся буйству...
Их терпеливому холуйству
Ты, Александровский холоп,
Поныне остужаешь лоб.
Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но не издавна, может быть,
Там искра пламени иного
В сердцах горячих подтекла
И чести в них огонь зажгла.

10. У них свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
Заботились: что за война
У Августейшего с народом?
Как бы не взять и пред походом
Властителя на свой народ
Не заступить ему перед?
Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У осторожного Ильи,
У беспокойного Никиты.
Вот, предположим, собрались –
И что за речи полились!

11. Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин⁴,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

12. Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Тиранов гордо обвиняя,
Там Пестель рати набирал,
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя
К деянью дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил.

13. Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Все это было только скука,
Безделье молодых умов,

⁴ В форме классического полицейского доноса – события главы предшествуют Декабрьскому Мятежу полутора годами (глава написана в Болдине в 1829) – А.Б.

Забавы взрослых шалунов,
Казалось, что вязал случайно
Узлы к узлам безумный ткач –
Вот с шага переходит вскачь,
И постепенно сетью тайной
Россия оплелася вся.
Наш царь дремал... глаза скося...

X⁵

14. Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто во-время созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел,
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N.N. прекрасный человек.

15*. Блажен, кто понял голос строгий
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
Большой дорогой столбовой;
Кто цель имел и к ней стремился,
Кто знал, зачем он в свет явился
И Богу душу передал,
Как откупщик иль генерал.
Мы рождены, – сказал Сенека, –
Для пользы ближних и своей. –
(Нельзя быть проще и ясней), –

⁵ Римской цифрой обозначены строфы, соответствующие заимствованным пушкинским строфам X, XI и XII из Главы Осьмой;

* Строфы из рукописи «Путешествия Онегина»;

** Строфы, которые заявлены Пушкиным как «Отрывки из путешествия Онегина».

Но тяжело, прожив полвека,
В минувшем видеть только след
Утраченных, бесплодных лет...

XI

16. Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой,
Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь, как на обряд,
И вслед за чинною толпою
Итти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей.

XII

17. Предметом став суждений шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
Прослыть притворным чудачком,
Или печальным сумасбродом,
Иль сатаническим уродом,
Иль даже Демоном моим.
Онегин (вновь займуся им),
Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

18*. Наскуча или слыть Мельмотом,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся раз он патриотом
Дождливой, скучною порой –

Россия, господа, мгновенно
Ему понравилась отменно,
И решено: уж он влюблен,
Уж Русью только бредит он,
Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой,
С ее развратной суетой,
Онегин едет; он увидит
Святую Русь: ее поля,
Пустыни, грады и моря.

19*. Он собрался – и слава Богу –
Июня третьего числа
Коляска легкая в дорогу
Его по почте понесла,
Среди равнины полудикой
Он видит Новгород-Великий;
Смирились площади – средь них
Мятежный колокол утих,
Но бродят тени великанов:
Завоеватель скандинав,
Законодатель Ярослав,
С четою грозных Иоаннов,
И вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней.

20*. Тоска, тоска! спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок,
Здесь покупает туфли, там
По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки,
Мелькают версты; ямики
Поют и свищут, и бранятся;
Пыль вьется. Вот Евгений мой
В Москве проснулся на Тверской.

21*. Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает,
Стерляжей потчует ухой;
В палате Английского клоба
(Народных заседаний проба),
Безмолвно в думу погружен,
О кашах пренья слышит он,
Замечен он – об нем толкует
Разноречивая молва,
Им занимается Москва,
Его шпионом именует,
Слагает в честь его стихи
И производит в женихи.

22*. Тоска, тоска! – Он в Нижний хочет,
В отчизну Минина – пред ним
Макарьев суетно хлопочет,**
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вины европейец.
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик – спелых дочерей,
А дочери – прошлогодни моды.
Всяк суетится, лжет за двух,
И всюду меркантильный дух.

23*. Тоска! Евгений ждет погоды,
Уж Волга, рек, озер краса,
Его зовет на пышны воды,
Под полотняны паруса.
Взманить охотника нетрудно:
Наняв купеческое судно,
Поплыл он быстро вниз реки,
Надулась Волга. Бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унывым голосом поют

Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну.

24*. Поют про тех гостей незваных,
Что жгли да резали. Но вот,
Среди степей своих песчаных,
На берегу соленых вод,
Торговый Астрахань открылся,
Онегин только углубился
В воспоминанья прошлых дней,
Как жар полуденных лучей
И комаров нахальных тучи,
Пища, жужжа со всех сторон,
Вго встречают, – и, взбешен,
Каспийских вод берега сыпучи
Он оставляет тот же час,
Тоска!– он едет на Кавказ.

25**. Он видит, Терек своенравный
Крутые роет берега;
Пред ним парит орел державный,
Стоит олень, склонив рога;
Верблюд лежит в тени утеса,
В лугах несется конь черкеса,
И вокруг кочующих шатров
Пасутся овцы калмыков,
Вдали – кавказские громады:
К ним путь открыт. Пробилась брань
За их естественную грань,
Чрез их опасные преграды;
Берега Арагвы и Куры
Узрели русские шатры.

26**. Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук,
Машук, податель струй целебных;

Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалец мыслит жизни нить
В волнах чудесных укрепить,
Кокетка злых годов обиды
На дне оставить, а старик
Помолодеть – хотя на миг.

27**. Питая горьки размышленья,
Среди печальной их семьи,
Онегин взором сожаленья
Глядит на дымные струи
И мыслит, грустью отуманен:
Зачем я пулей в грудь не ранен?
Зачем не хилый я старик,
Как этот бедный откупщик?
Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?
Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма? – ах, создатель!
Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? тоска, тоска!..

28*. Блажен, кто стар! блажен, кто болен!
Над кем лежит судьбы рука!
Но я здоров, я молод, волен,
Чего мне ждать? – тоска! тоска!..
Простите, снежных гор вершины,
И вы, кубанские равнины!
Он едет к берегам иным,
Он прибыл из Тамани в Крым.
Воображенью край священный:**
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат,
Там пел Мицкевич вдохновенный
И, посреди прибрежных скал,
Свою Литву воспоминал.

29**. Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор,
Долин, деревьев, сёл узор
Разостлан был передо мною,
А там, меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

30**. Какие б чувства ни таились
Тогда во мне – теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груди скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

31**. Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный кособор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи –
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака

Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желанья – покой,
Да щей горшок, да сам большой.

32**. Порой дождливою наметни
Я, завернув на скотный двор...
Тьфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!
Таков ли был я, расцветая?
Скажи, Фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я воображал
Средь пышных, опустелых зал...
Спустя три года, вслед за мною,
Скитаясь в той же стороне,
Онегин вспомнил обо мне.

33**. Я жил тогда в Одессе пыльной
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет югом и пестреет
Разнообразием живой,
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

34**. Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Приехав, он прямым поэтом

Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем – и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.
Все хорошо, но дело в том,
Что степь нагая там кругом;
Кой-где недавний труд заставил
Младые ветви в знойный день
Давать насильственную тень.

35**. А где, бишь, мой рассказ несвязный?
В Одессе пыльной, я сказал,
Я б мог сказать: в Одессе грязной –
И тут бы, право, не солгал.
В году недель пять-шесть Одесса,
По воле бурного Зевеса,
Потоплена, запружена,
В густой грязи погружена,
Все дома на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд;
Кареты, люди тонут, вязнут,
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня.

36**. Но уж дробит каменья молот,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город,
Как будто кованой броней-
Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важный;
Чего б вы думали? – воды,
Потребны тяжкие труды...
Что ж? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошлины привезено,
Но солнце южное, но море...
Чего ж вам более, друзья?
Благословенные края!

37**. Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.
Потом за трубкой раскаленной,
Водой соленой оживленный,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino; чашек звон
Там раздается; на балкон
Маркёр выходит полусонный
С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

38**. Глядишь, и площадь запестрела,
Всё оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,
Однако больше по делам.
Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? и где пожары?
И нет ли голода, войны,
Или подобной новизны?

39**. Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов,
Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызгнутых лимоном.

Шум, споры – легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном:
Часы летят, а грозный счет
Меж тем невидимо растет.

40**. Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в Оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей.
Не внемля критике суровой,
Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет – они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
С вином равнять do-re-mi-sol?

41**. А только ль там очарований?
А разыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?
А prima donna? а балет?
А ложа, где, красой блистая,
Негоцианка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лестью пополам...
А муж – в углу за нею дремлет,
Впросонках фора закричит,
Зевнет – и снова захрапит.

42**. Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,

Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольно затвердив,
А мы ревом речитатив.
Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Всё молчит;
Лишь море Черное шумит...

43*. Итак, я жил тогда в Одессе
Средь новоизбранных друзей,
Забыв о сумрачном повесе,
Герое повести моей,
Онегин никогда со мною
Не хвастал дружбой почтовой,
А я, счастливый человек,
Не переписывался ввек
Ни с кем. Каким же изумленьем,
Судите, был я поражен,
Когда ко мне явился он
Неприглашенным привиденьем!
Как громко ахнули друзья,
И как обрадовался я!

44*. Святая дружба! глас натуры!
Взглянув друг на друга потом,
Как Цицероновы Авгуры,
Мы рассмеялись тишком...
Потом спросил я: Ты, Евгений,
К нам... – От Военных Поселений... –
Вдруг, посерьезнев, он сказал.
Он попросил вернуть Журнал.
Я возражений не представил.
Имея при себе альбом,
Ему его я сдал. Сей том
Владелец тотчас переправил
В карман глубокий сюртука.
И по изъятью дневника...

45*. Недолго вместе мы бродили
По берегам Эвксинских вод:
Судьбы нас снова разлучили
И нам назначили поход.
Онегин, очень охлажденный
И тем, что видел, насыщенный,
Пустился к невским берегам,
А я, от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И – слава Богу – от вельмож
Уехал в тень лесов тригорских,
В далекий северный уезд,
И был печален мой приезд.

46*. О, где б судьба ни назначала
Мне безымянный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок;
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила, –
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей –
Нет, нет! нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей, –
Вдали, один, среди людей,
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибережных ив,
Вас, мир и сон тригорских нив.

47*. И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы, –
Приют, сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук
Являлся он в наш сельский круг
И нимфу Сороти прославил,
И огласил поля кругом

Очаровательным стихом,
Но там и я мой след оставил,
Там, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель.

48. Но и в повешенной свирели
Родится песня иногда...
И мне ветра так часто пели
Про прежние мои года
С Онегиным... Где он? Чем занят?
Хандрит, шпионит? Англomанит?
Навскидку где поэтов бьет?
На свой? На полицейский счет?
Сведенья ль счетов заказного,
Наследного ли дела кум –
Он одиноко строжит ум
В бильярдных? Иль, что Казанова,
Сидит, залечивая слом
В Европах – тeneвым послом?

49. Я все люблю его... Он сколок
Тебя, Чадаев... Мысля зло,
Он как анатомопатолог
Вот-вот явит нам, что свело
Всех нас в Эдем времен новейших –
И дел порожних иль мерзейших;
И возвестит нам наконец –
Что сделать, чтоб ожил мертвец?
Или божественную пададь
Предложит вовсе закопать –
Чем возмутит он всех – как знать?
А нам вотще яриться надо ль
По поводу тому, что вид
Всех нас, увы, в тоску клонит?

50. Увы, увы – сиим мечтаньям:
Он не раскроет мертвых уст!
На смену прежним расставаньям
Бывали встречи. Ныне пуст
Мир от Онегина... По слухам,

Он сам испил единым духом
 Кончины горестный фиал:
 Онегин ревность вызвать знал...
 Он пал в доме NN от пули
 Аристократа-богача,
 Родни далекой... рогача,
 Как мне недавно намекнули...
 Супруга Тани своя...
 И тем главу окончил я.

Модест-стихотворец Петру-музыканту.

Давно, братец, не имею никаких от вас вестей – ни хороших, ни, упаси нас Боже, дурных... ну, хоть какие бы нибудь! Как-то там твоя опера? Знаешь, я все больше склоняюсь к мысли, что не за доброе дело мы с вами взялись – слишком многое в современном нашем бытии из завязнувшего в спицах у былого. Как ни кинешь взгляд на прошлое – всюду там кровь и смута. Так хотелось бы стать обывателем милой волшебной сказочки – пить из родников несмутимых, поцелуем красавиц пробуждать – согласись, что занятия эти из самых достойных... но ведь и все не надоест гоняться за зыбкими тенями былого... прошу вас, не будите злые тени, да святое перо ваше не коснется их уст истлевших лобзанием своим... Убейте Петровича... нет, я знаю, вы не способны погубить даже мухи, даже в уме вашем, не то что в жесте... Как-то там наш князь? – отпишите мне скорее – любящий вас брат ваш...

Между тем, Петру-композитору, по его расчетам, нехватало чего-нибудь недели, чтобы все кончить...

Вот Пушкин и его, Чайковского, приглашает, купно с его, Пушкина, музой, в блестящую толпу – на светский, как тогда выражались, раут. И там – столь неожиданно – для Пушкина и его испуганной грозным появлением – подруги... – Чайковский вдруг как закричит:

*Но это кто в толпе избранной
 Стоит безмолвный и туманный?*

(Глава Осьмая, строфа VII)

То есть, может это и не Чайковский выкрикнул... Нет, просто показалось, что Чайковский, а на самом деле – крикнули из толпы, рядом с Чайковским. И все обернулись и посмотрели... на Онегина... И шепот таким ветерком по блистательной толпе:

VII

.....
 Для всех он кажется чужим-
 Мелькают лица перед ним,
 Как ряд докучных привидений.
 Что, сплин иль страждущая спесь
 В его лице? Зачем он здесь?
 Кто он таков? Ужель Евгений?
 Ужели он?... Так, точно он, –
 Давно ли к нам он занесен?

VIII

Всё тот же ль он, иль усмирился?
 Иль корчит так же чудака?
 Скажите, чем он возвратился?
 Что нам представит он пока?
 Чем ныне явится? Мельмотом,
 Космополитом, патриотом,
 Гарольдом, квакером, ханжой,
 Иль маской щегольнет иной,
 Иль просто будет добрый малый,
 Как вы да я, как целый свет?
 По крайней мере мой совет:
 Отстать от моды обветшалою,
 Довольно он морочил свет... –
 Знаком он вам? – И да и нет.

Но тут Пушкин храбро встречается. Он по-приятельски заступает за своего героя, пытается его выгораживать...

IX

Зачем же так неблагоклонно
 Вы отзываетесь о нем?
 За то ль, что мы неугомонно
 Хлопочем, судим обо всем,
 Что пылких душ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляет, иль смешит,
 Что ум, любя простор, теснит,
 Что слишком часто разговоры

*Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры,
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?*

И слышит в ответ... Да, да, это Петр Ильич Чайковский кладет Пушкину на плечо руку и спокойным тоном произносит:

X*

*А вы не видите в том странность, –
Что не богат и не-служащ,
Как в небе некая туманность,
Закутан до бровей в свой плащ,
Блуждает... То к водам поедет,
То Поселения исследит
Вдруг Аракчеевския, то
В Европу, не сменив пальто,
Убудет вовсе не в убыток –
То ровным счетом ничего
Не делает... Ведь за него
Расходов некороткий свиток
Оплачивает кто-то? Кто?.. –
Ну, что вам возразить на то? –*

XI*

*Да что на это возразите?!
Хотите про одну дуэль
Послушать? Вовсе не хотите?
Была там низменная цель
И умысел весьма жестокий...
Случайный секундант, беспрокий,
Спился... Второй, француз, исчез... –
Ну, знаете ли, до небес
Семь верст – все лесом... – Лесом? Так ли?
Но сторонятся же меж тем
Его – особенно те, с кем
Сегодня дети... – На спектакли
Благотворительные он
Бывает все же приглашен... –*

XII*

*Да, но все реже. Он, признаться,
Всем хуже редьки надоед.
Здесь юноши по нем ровняться
Иные стали... – В том пробел:
Как воспитали поколение,
А не Онегина стремленье...
Нам в чем-нибудь хоть навредить
Он не желал бы, может быть...
Да и убийства заказного
Он тяготы бы снести не смог...
Он духом благороден... Слог
Его так чист, что... право слово...
И муки стольких лет подряд
Его – о многом говорят!*

XIII

*Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест),
Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день,
И начал странствия без цели,
Доступный чувству одному;
И путешествия ему,
Как всё на свете, надоели;
Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.*

XIV

*Но вот толпа заколебалась,
По зале шопот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,*

*Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)*

Х*, XI*и XII* Строфы, которые автор (А.Б.)
вводит в новообразованную «Главу Девятую»
вместо заимствованных пушкинских строф
Х, XI и XII из Главы Осьмой.

Петр-музыкант Модесту-стихотворцу.

...так что вот оно какая история... Швейцар меня в дом не пускает и барину доложить обо мне не хочет, а буровит мне, что мол неделю как отсутствуют, а заезжал за ними бледный молодой человек в гоголевской крылатке – в одночасье собрались и куда-то уехали... Ну да – Бог даст – не за границу же... как-нибудь уж вернутся...

Насчет вашего, братец, вопроса к опере – сообщаю: опера сия совсем готова, Онегина из нее пришлось выпустить – правда, не совсем, – оставили его ровно настолько, чтобы хоть как-то фабула держалась – все-таки раза два или три он на сцену выходит – и так, чтобы жизнь ни героям, ни зрителю не казалась сладкой. Хотел я поименовать писчий труд мой «Татьяной Лариной», но поленился что-либо менять – пусть уж остается в заглавии имя оригинальное... да и потом – ну, что – разве же это опера?... не опера – а так: лирические сцены – провинция... столица... сады да залы... ну, так пишите... братец ваш – Петруша.

* * *

...тут решаю прерваться – ибо 45 отпущенных мне минут как раз на этом иссякают. Пора и честь знать, да и неплохо бы начать извиняться, за глупую шутку с двумя-тремя Петрами... поднимаю глаза в зал... Бог ты мой! А там – народу-то шаром покати... Сидит один мой приятель, он же руководитель всех пишущих сонеты, да в глубине у окон профессорского вида пушкиновед вполголоса уговаривает молодую ученую даму из новеньких...

И тут, заметив мое замешательство и приняв его за окончание доклада, Председательствующий объявляет: *Перерыв!*

Нина Гейдэ
Дания, Копенгаген

*Поэт, переводчик,
литературный критик.*

В ФУТЛЯРЕ ВСЕЛЕННОЙ

Экзистенциальные коллизии в современной датской поэзии

«Приподнимем занавес за краешек – такая старая, тяжёлая кулиса...» Сделать это нам необходимо, потому что, не представив себе хотя бы в общих чертах, какое «время было раньше», не поймём мы и сути сегодняшних явлений. Попробуем перенестись лет на 500 назад и проследить, как всё начиналось. А потом по лёгкому виртуальному мостику вернёмся обратно с ответами на многие неизбежные вопросы. По-другому никак. Срывая у цветка лишь головку, лишаешь его цельности и гармонии.

Датский литературный язык – довольно позднее явление в культуре этого скандинавского государства. Долгое время официальным письменным языком Дании была латынь. Параллельно существовали народные песни, легенды и сказания. Наконец, в 1495 году из скорлупы латинодатской традиции вылупился долгожданный птенец – первая книга на датском языке под названием «500 эпических и лирических песен». Авторство этих текстов так и осталось неизвестным.

Историки полагают, что именно эта книга ускорила развитие датского национального самосознания. В обществе стал повышаться престиж науки, культуры, религиозных дисциплин, что увенчалось основанием в

1537 году датского университета. Тогда же был осуществлён первый перевод Библии на датский язык. Датчане обрели своё Слово.

Разумеется, на протяжении веков датская литература испытывала европейское влияние, но отражала его по-скандинавски своеобразно, привнося в каждое новое литературное течение частичку собственного мировосприятия. Склонное к мистицизму и меланхолии датское сознание, живее всего откликнулось на литературную готику и декаданс.

Основателем этих литературных направлений в датской поэзии стал Томас Кинго (Thomas Kingo, 1634–1703). От готики и декаданса активно пытались отойти в XX веке, звали на подмогу социальный реализм и натурфилософию, но безуспешно. В новой экзотической одежде – в кружевах барокко и оборках символизма – датская литература возвращалась к сюрреализму, фантазмагории, вскапыванию почвы реальности лопатой абсурда, к отражению экзистенциальной амбивалентности бытия.

И сегодня – уже шагнув в новый техногенный XXI век – мы мало что поймём в современной датской поэзии, если не оглянемся назад – туда, где великий Николай Грундтвиг (Nikolai Grundtvig, 1783–1872) утверждает, что основа любого творческого процесса – интуитивизм и раскрытие тайн подсознания; где на нас печально смотрит Ханс Кристиан Андерсен (Hans Christian Andersen, 1805–1875), жестокий сказочник-романтик с душой обиженного ребёнка, рвущегося в потусторонний мир; где из прозрачной темницы пожизненного одиночества улыбается загадочный Сёрен Кьеркегор (Søren Kierkegaard, 1813–1855), воспевавший индивидуализм и экзистенциализм.

Двадцатый век с его противоречиями и поисками новых идеалов в обществе и культуре подарил Дании плеяду ярких самобытных поэтов. Пусть прозвучат хотя бы некоторые из имён:

Вильям Хайнесен (*William Heinesen*), Пит Хайн (*Piet Hein*), Тове Дитлевсен (*Tove Ditlevsen*), Питер Стейн Ларсен (*Peter Stein Larsen*), Клаус Рифбьерг (*Klaus Rifbjerg*), Пер Хойхольт (*Per Højholt*), Бени Андерсен (*Benny Andersen*), Йоханнес Мадсен (*Joannes Madsen*), Ингер Кристенсен (*Inger Christensen*), Микаэль Струнге (*Michael Strunge*).

О каждом из этих поэтов уже написано немало. Все они – дети своего века и представители своего национального мироощущения, причём часто одно неизбежно вступало в противоречие с другим, пополняя тем самым копилку датского экзистенциального дуализма. Безусловная вера в прогресс и индустриальное развитие общества, в социал-демократические идеалы, общественную стабильность и упорядоченность – вступала в резкое противоречие с исконной датской тягой к пессимизму и индивидуализму, мрачному – готическому – восприятию бытия, с уходом в тёмные

и часто патологические области подсознания. Датская поэзия двадцатого века прихотливо отразила эти противоречия и парадоксы, которые к началу века двадцать первого стали окрашиваться новыми тонами постмодернизма.

Вот отсюда и начнём постепенное погружение в экзистенциальные коллизии современной датской поэзии. Не могу претендовать на полный и исчерпывающий обзор этой темы. В мой «невод» литературоведа и переводчика попали далеко не все современные датские поэты. Сыграл роль и чисто субъективный подход к выбору текстов: я переводила, прежде всего, не самых известных и распиаренных, но тех, чьё творчество лично мне представляется интересным и, если так можно выразиться – знаковым в контексте современного датского и общескандинавского экзистенциального сознания и психолингвистики. В моём «списке избранных» оказались не только поэты с большим творческим багажом, уже переводимые ранее на русский язык, но и авторы только начинающие свой путь в современной датской литературе, ещё не известные российскому читателю. В этом отношении мне сопутствовало радостное чувство первооткрывателя.

Необходимо упомянуть о важной особенности современной датской поэзии – отказе от традиции классического рифмованного стихосложения, которая существовала несколько столетий («500 эпических и лирических песен» 1495 года были написаны в рифму!), но практически угасла на рубеже XXI века.

Непревзойдённым мастером лёгкого, акварельного, рифмованного стиха была Тове Дитлевсен (Tove Ditlevsen, 1917–1975), основоположница датской женской исповедальной лирики, отразившей попытку почти интимного разговора с читателем, не выходящего, впрочем, за рамки художественного реализма. Тове Дитлевсен отошла от мрачного готического мистицизма, сделав предметом поэзии противоречивый, но реальный мир человеческих отношений с его исконными ценностями. Не думаю, что подобное явление в датской культуре способно повториться. Тове Дитлевсен – нежный лотос, неожиданно выросший в мрачной чаще датского леса и там не прижившийся (писательница покончила жизнь самоубийством – Тове Дитлевсен была не только поэтессой...)

Ей на смену пришла совсем другая представительница датской женской поэзии – уверенно шагнувшая из века двадцатого в двадцать первый, ставшая классиком датского авангардизма и постмодернизма Ингер Кристенсен (Inger Christensen, 1935–2009). От черенка, ею посаженного, – многие отростки современной датской поэзии.

Именно Кристенсен решительно отказалась от рифмы. Она заявила, что необходимость писать в рифму ограничивает творческое самовыражение поэта, заставляя его говорить «не совсем то, что хотелось сказать». Излюбленные жанры Ингер Кристенсен – белый стих и верлибр. Она также создавала собственные экспериментальные словоформы, призванные расширить творческое пространство между прозой и стихотворением, разрушавшие при этом привычные семантические взаимосвязи.

Так или иначе, традиция нерифмованного стихосложения пришлась датским поэтам по душе – в рифму писать практически перестали. Поэты, которых я переводила, работая над этой статьёй, тоже пишут исключительно верлибром. Лишь одно стихотворение Сёрена Ульрика Томсена «Осенние цветы» мне самой захотелось перевести в рифму.

Статья разбита на несколько тематических глав, каждую из которых предваряет эпиграф-хайку датской поэтессы Пии Тафдруп, (Pia Tafdrup, род. 1952). Я не стала разбирать подробно творчество каждого из представленных поэтов. Мне показалось интересным показать соперекичку разных поэтических голосов, отражающую общую картину экзистенциальных коллизий и парадоксов в датской поэзии начала XXI века.

1. СЛЕПОЕ ОКО МИРА

Снежная карусель
над окровавленной землей.
Слепое око мира.
Страх изгоняет любовь...

Пиа Тафдруп

* * *

В просторном доме моего одиночества,
который я строил годами
со своими давно забытыми возлюбленными,
я качаюсь в осенней паутине,
как в гамаке, и ищу точку опоры.
Я одновременно – паук и муха
в бесконечных трансформациях бытия,
в бесчисленных вариациях моего «я»,
которое везде и нигде.
Я – соблазняемый соблазняющий.
Или наоборот? Не важно,

коль скоро действие происходит только у меня в голове,
помещённой в дом, как в футляр,
который лежит в сундуке Вселенной.
И что мне с того, что Вселенная бесконечна?
Я – узник в футляре дома,
в наглухо закрытом сундуке бытия.
Я скоро испорчусь, сгнию, истлею –
так и не поняв, кто я –
так и не разобравшись в искушениях и соблазнах,
в святости и грехах.
И Бог сокрушённо щёлкнет замком,
чтобы вытряхнуть мои останки в небытие –
в ещё одно измерение одиночества.
(Thomas Boberg – Томас Боберг, род. 1960)

В то время, как в датском обществе совершенствуется система налогообложения, и всем присваиваются персональные номера для надзора за каждым человеком – «винтиком» в государственном механизме – поэт заявляет: мир контролю не поддаётся, никакой объективной истины не существует и никаких точек опоры нет. Всевидящее око мира слепо. Всё вокруг зыбко и преходяще. Нельзя до конца познать себя, потому что «моё Я» существует в бесконечных вариациях. По этой же причине нельзя определить свою роль в бытии, ибо мы все одновременно и «соблазняющие, и соблазняемые». Невозможны длительные отношения с другими людьми, и уж тем более иллюзорна любовь. И никакой дом нельзя построить, кроме прочного и нерушимого дома своего одиночества. Нас всех помимо нашей воли запихнули в «футляр бытия», который кто-то запер в сундуке Вселенной. Впрочем, и затворничество «в футляре» лишь на миг – вот-вот уже придёт пора переместиться из одного состояния одиночества в другое – уже в небытии. Но сначала придётся пройти туннелем старости, длинным или коротким – не так уж и важно, если миг и Вечность понятия относительные.

В юности каждое утро будила меня
летняя улица-жизнь –
в солнечных рыжих веснушках, с глазами, как синь
неба, готового в высях любви утопить.
В зимнюю темень теперь открываю глаза.
Ноги спускаю с кровати – в них тяжесть свинца.
С улицы звуки едва проникают сюда.

Холодно. Надо бы ставни плотнее прикрыть.
В невод компьютерный дым сигаретный проник.
Кофе готов – я качаюсь в сетях новостей.

(Søren Ulrik Thomsen – Сёрен Ульрик Томсен, род. 1956)

Два-три мастерских штриха – и перед нами обыденное и одновременно трагическое столкновение двух образов бытия: умчавшейся юности и приближающейся старости. И сделать ничего нельзя – разве что сесть с кофе и сигаретой перед «слепым оком» компьютера – игрушкой современного мира – и покачаться в виртуальных сетях новостей. Опять это состояние покачивания – у Томаса Боберга в гамаке, у Сёрена Томсена – в виртуальных сетях. Но и в том, и в другом случае – в доме одиночества «заколочены ставни»: звуки жизни сюда не проникают, да и не нужны они, раз всё в мире так бrenно и относительно. Иллюзии юности, любви, солнечного света развеялись. Осталось убаюкивать страх, душевную боль и физические недуги. Уходить в сон. Уходить в стихотворение.

Всем, достигшим пятидесятилетнего возраста –
и тебе, мой друг, и тебе –
придётся когда-нибудь проснуться в ночном поезде,
стоящем неподвижно на незнакомой станции,
пока память выхватывает из тьмы образ человека,
бесследно прошедшего через твою жизнь.
А после увидеть себя в тени яблоневого дерева
в соломенной шляпе – с книгой в руках,
и вдруг заметить, что лежишь пьяный
на всклокоченной простыне,
в комнате, где за плинтусом скребётся крыса.
И тогда поезд тронется с места, но остановится стих,
пока стихотворец не поддался искушению
украсить его сентиментальным цинизмом.
(Søren Ulrik Thomsen – Сёрен Ульрик Томсен)

Область сна и область поэзии. Обе напрямую связаны с подсознанием. Обе безграничны. И, значит, дают возможность хотя бы на время выбрать-ся «из футляра» физической реальности на просторы фантазии – впрочем, весьма мрачной.

Мне снилось, что я стоял на заброшенной вилле –
там, где обычно рождаются мои кошмары –
но поодаль от зловещей винтовой лестницы,
потайных дверей в ад и крошечных подвалов.
Всё в этот раз выглядело каким-то воздушным и светлым –
привидения явно не решились бы тут переночевать!
Моё наполовину состарившееся тело – с душой на буксире –
походило на нелепую анатомическую конструкцию –
неуместную в этом стильном пространстве,
где лёгкий джаз, как бриз,
колебал невесомые гардины...

(Søren Ulrik Thomsen – Сёрен Ульрик Томсен)

Интересно отметить, что не душа автора зовёт за собой тело, а тело тащит на буксире беспомощную душу. Не предаваясь поверхностным обобщениям, всё же замечу, что вопрос о первичности и вторичности материального и духовного в Дании и вообще в Скандинавии, как правило, решается в пользу первого. Не к душе, а к телу – самое пристальное внимание. О телесном увядании скорбит поэт:

Извините за поздний звонок.
Очевидно, прошло то время,
когда я чувствовал себя чем-то особенным,
точнее мог быть кем угодно
в мировом транзитном зале бесконечных превращений.
И печаль отелей была частью
магического очарования бытия.
Когда мгновение назад
я сидел и смотрел на свои
уже немолодые руки,
я был охвачен яростью,
что наверно больше никогда
не услышу твой голос,
если лягу спать
в комнате 1007,
где постельное бельё –
слишком стерильно.

(Søren Ulrik Thomsen – Сёрен Ульрик Томсен)

Цепочка мистических превращений завершилась в замкнутом пространстве загадочной комнаты 1007. Мы не знаем – это номер палаты в больнице или некое условное число, вынырнувшее из подсознания. Ясно, что это некий тупик, конечная станция бытия, где предстоит осознать, что ты уже не «что-то особенное», и немолодые руки – тому свидетельство. По сути это образ того же «футляра», из которого с возрастом всё труднее и труднее выбираться, чтобы отдаться новым превращениям своего «я». Да и стоит ли?

Я вынырнул из сна на мгновение,
как рыба из ночного озера, и не сразу вспомнил,
что каштаны на той стороне улицы уже опали,
а мои детские книги, пожелтевшие, как осенние листья,
свалены в старую коробку и выставлены во дворе на продажу –
10 крон за штуку.
Я не помнил всего мгновение, что тебя больше нет.
Я вдохнул в лёгкие тридцать лет нашего прошлого
и выдохнул ужас будущей смерти,
прежде чем ночь затолкала меня обратно в сон.
(Søren Ulrik Thomsen – Сёрен Ульрик Томсен)

Иллюзорность всего происходящего, выпадение в экзистенциальное «ничто» по Кьеркегору – обесмысливают человеческое существование, толкают в бездну депрессии и саморазрушения. Выход только один – придумать себе множество ненужных занятий, неважных и абсурдных дел. Лишь бы залатать чёрную бездну пустоты.

Пожиратели лошадей

Мы – племя пожирателей лошадей.
Лошади на планете скоро вымрут, и все это знают,
но никто и пальцем не пошевелит,
чтобы что-то исправить.
Ведь если мы не будем пожирать лошадей –
на что ещё употребить лишнее время жизни?
Можно также собирать лошадиный навоз,
расфасовывать его в красивые коробочки
и дарить знакомым.
Или относить на пункты добровольной сдачи навоза.
Или удобрять им свои сады

в свободное от пожирания лошадей время.
И тогда всё свободное время будет занято –
и не останется ни секунды, чтобы думать о смерти.
(Thomas Boberg – Томас Боберг)

Однако, как ни пытайся выдерживать спокойный тон в упорядоченной обыденности бессмысленного – рано или поздно происходит срыв. Взрыв протеста против окружающего абсурда. Обострённое – доходящее до истерики – чувство отрицания окружающего мира, резкое отчуждение от всего, происходящего вокруг.

Истерика

Сегодня с деревьев падают каштаны
и попадают мне прямо в лоб.
Я вибрирую от алой боли,
а прохожие подходят ко мне
и заглядывают мне в сумку.
Сегодня я не могу дождаться
зелёного света на перекрёстке
и иду на красный.
Сегодня мои мысли падают,
как камни, с горы
и попадают в багряную реку ненависти.
Сегодня все хотят говорить со мной
на непонятном языке
и лезут в пурпурную сумку за визиткой.
Сегодня я закрываю лицо руками,
и щёки мои горят, как огонь.
Сегодня я – кумачовый лоскут в руках смерти.
(Naja Marie Aidt – Найя Марие Айдт, род. 1963)

Интересный пример поэтический синестезии (множественной перцепции): поэтесса видит свою истерику в разных оттенках красного. Именно этот цвет ассоциируется у неё с болью, ненавистью, смертью. В минуты отчаяния она идёт «на красный», чтобы бросить вызов в лицо опасности, спровоцировать непоправимое.

2. ТЕАТР СМЕРТИ

Дата жизни и дата смерти.
Между ними лишь тени
от стаи диких гусей...

Пиа Тафдруп

Предощущение и даже предвкушение смерти, примеривание смерти на себя, её обытовление и даже наслаждение ужасом смерти – одна из основных тем в современной датской поэзии. Возможно, смерть представляется поэтам более многовариантной и интересной, чем скучная жизнь. Выпав из «футляра» скоротечной земной судьбы в небытие, можно стать одновременно зрителем и актёром в таинственном театре смерти, где режиссёр – Вечность.

Театр жизни. Ролей бесконечных смена.
Сотни масок – иди, примеряй любые.
Не понравится, что ж – поменяй амплуа и сцену.
Режиссёры не те? Так найдутся всегда другие.
Театр смерти. Ролей у неё не меньше.
Репетиций не будет.

(Marianne Larsen – Марианна Ларсен, род. 1951)

Приглашение

Не стоит бояться смерти. Она для этого слишком многообразна – как и твоя суть. Смерть – лишь возможность продолжить самопознание. Ты ничего не знаешь о ней наверняка, кроме одного: с первого мига рождения она присылает тебе приглашение на научный симпозиум, где место и время не указаны. Ты сидишь в своём доме-аквариуме, где на окнах нет занавесок, смотришь фильм на плоском экране, а приглашение лежит на камине – подмигивает прохожим на улице. Ты едешь в полупустом осеннем автобусе, а приглашение кленовым листом прилипает к стеклу. Ты идёшь по заснеженной улице в новогоднюю ночь, а приглашение снежинкой ложится тебе на плечо.

Ты делаешь вид, что забыл о смерти –
обзаводишься детьми и работой,
добротной одеждой и модными долгами –
в наше время это называется банковский кредит.
Ты садишься в самолёт и летишь с семьёй на Канарские острова,
а приглашение облаком льнёт к иллюминатору.
Весенней ночью ты неожиданно просыпаешься в липком поту,
вскакиваешь, идёшь на кухню выпить воды и говоришь себе:
Ерунда! Ещё не скоро!
А приглашение одинокой звездой
манит тебя в чёрную неизвестность –
и ты вдруг протягиваешь руку к этому небесному светлячку,
улыбаешься, как Джордано Бруно, и говоришь:
Хорошо! Сейчас!

(Muniam Alfaker – Муниам Алфайкер, род. 1953)

Стоит сделать небольшое отступление и вспомнить, что опозитизирование смерти в датской литературе берёт исток ещё от Андерсена. Брат-близнец Оле Лукойе из всемирно известной сказки не кто иной, как Смерть. Он является по ночам к детям на коне и сажает их к себе в седло: хороших – спереди, плохих – сзади. Возможно, всадник Смерть везёт детей и взрослых в прекрасный мир, более созвучный душе, чем жизнь.

Наконец, я вернулась к себе самой.
Очень долг и труден был путь.
Я прошла мимо трёх похорон,
поле битвы любви миновала,
замка два на песке
и загадочный карточный домик.
Мимо стайки детей пробежали – их смех
обдавал меня брызгами лета.
Преграждали мне путь буреломы и рвы
и прохожий с улыбкой картонной.
Я его отстранила, и там впереди
Рыцарь-смерть. На плече его Вечность –
белый голубь...

(Janina Katz – Янина Кац, род. 1939)

Жизнь «картонна», смерть безгранична. Если умирает близкий человек – принято его хоронить и приходить к нему на могилу. Так надо. Все это делают. Но вовсе не на кладбище обитает душа умершего.

Каждый год в день твоего рождения
я сажусь в поезд и еду в Орхус –
на твою могилу,
на то единственное на планете место,
где тебя нет.
Я иду через весь город, покупаю цветы и думаю о пустяках,
пока не упрусь в кладбищенскую стену.
Каждый раз дождь идёт за мной по пятам.
Всё это не имеет ни малейшего смысла,
но почему-то бесконечно значительно.
(*Søren Ulrik Thomsen* – Сёрен Ульрик Томсен)

Наконец, вечная тема слияния любви и смерти тоже своеобразно преломилась в датском поэтическом сознании. Цветёт любовь – и мужчина преподносит любимой женщине цветы. Если же отношения исчерпали себя – на могилу любви нужно положить розу смерти. И пусть навсегда останется загадкой, кто и почему ломает «хребет времени», отпущенному на любовь. Ясно одно: влюблённые с первого мига обречены на скитания в диалектических дебрях бытия: «между костром и пеплом», «между словом и делом».

Роза смерти пахнет завядшей Вечностью
в ещё не посаженных садах.
Змей-искуситель подглядывает из-за яблони,
не способной цвести.
Хребет времени сломан...
Я хожу взад-вперёд по мосту
между словом и делом,
между костром и пеплом,
между мной и тобой.
У любви холодеют конечности.
Мы положим ей в гроб розу смерти.
(*Janus Kodal* – Янус Кодал, род. 1968)

3. СЧАСТЬЕ В ПЯТНАХ

Мой порядок – воплощение хаоса.
В твоём хаосе – полный порядок...
Пиа Тафдруп

Пытаясь безуспешно найти в современной датской поэзии традиционную любовную лирику, я в очередной раз убедилась: эта вечная тема, центральная в мировой поэзии, на датской почве обмелела. Или, сказать точнее, утратила самостоятельное звучание, трансформировавшись в одну из ипостасей глобального бытиеотрицания. Времена Тове Дитлевсен – тончайшего любовного лирика – прошли. Если Дитлевсен в поэзии и в жизни стремилась к воссоединению женского и мужского миров, воспринимая разлуку с любимым как искажение мировой гармонии, то современные датские поэты скорее воспевают гармонию дисгармонии в любви и неизбежность вечного разминовения женщины и мужчины в бытии.

Улица ноября

Улица ноября – в ранней седине первых заморозков,
в обрывках запоздалых писем,
не нашедших адресатов,
в хлопьях воскресного поп-корна,
в огромной синей шляпе неба,
куда облако вставлено, как перо.
Здесь всё время встречаются
женщина и мужчина,
которые делают вид, что не знают друг друга,
хотя летом не могли друг без друга жить.
(*Naja Marie Aidt* – Найя Мария Айдт)

Мир мужской и женский априори не совместимы. Так же как невозможны в земной жизни и длительные чувства. Есть правда мига страсти, но нет правды вечной любви. Как и вообще в мире нет ничего постоянного – всё слишком относительно, текуче, подвержено угасанию, увяданию и тлению. И поэзия может лишь отразить эту данность в готически мрачных образах бренности и скоротечности земного бытия, рассказать парадоксами барокко и изломами поэтического декаданса о сути любовной дисгармонии.

Нас закутал декабрь в свою плотную шубу снега,
 Наши лица – в пятнах опавших листьев,
 Они были когда-то юны.
 Нас хоронит декабрь, но никто не пришёл проститься.
 И имён уже наших нет – они тихо от нас отлетели.
 Их отдали другим, положили в ладони лета.
 Счастье – в пятнах...

(*Kirsten Hammann* – Кирстен Хамманн, род. 1965)

Датская поэзия часто находит отражение трагической диалектики любви в метаморфозах природы. Этим приёмом, разумеется, пользовались литераторы всех времён. И всё же именно датские поэты с особенной зоркостью находят в мастерской у неба, деревьев, ручья, трав, осени и зимы образы, символизирующие увядание любви, бренность любовных переживаний и человеческого бытия вообще.

Серебряные осколки слов о любви
 лежат в прозрачном осеннем ручье – глубоко на дне.
 Мы видим их, но не можем достать.
 Мы стоим по разные стороны от ручья,
 ветер развеивает наши волосы
 и развеивает наше счастье.
 Мы – нежные дети, покрывшиеся корой лет,
 Деревья протягивают друг другу ветви,
 но не могут соприкоснуться.
 Мы устремляем друг к другу души,
 но они не могут перелететь через ручей.
 Осенний лес полон ужаса увяданья...

(*Naja Marie Aidt* – Найя Марие Айدت)

Любовная оптика современной датской поэзии – это, прежде всего, импрессионизм, сюрреализм, мистицизм, доходящий порой до абсурда. Желание запутать все любовные противоречия ещё сильнее, уйти с прямой дороги отношений в тупик, скрыться в «футляре» своего эгоизма.

Соло с шампанским

Пятница – я исполняю одинокое соло через соломинку
 в бокале с шампанским.

Не хочу звонить, тебе, красавчик, сегодня вечером –
 мы оба нуждаемся в капельке одиночества, не правда ли?
 Вслушайся в этот мотив – он похож на твоё приближение ко мне,
 на твои грациозные и отсутствующие шаги;
 он похож на движения наших губ, сходящихся и расходящихся
 в вечном танце страсти и отстранения.

Как трудно написать слово «счастье»!

Пузырьки в бокале с шампанским лепечут о расставании.

Я осушаю бокал – и засыпаю.

Я слышу во сне твой голос:

«Не выпускай на свободу джиннов!»

Мне хочется перелить шампанское обратно в бутылку,

но оно выпито, и тёмное стекло,

как мёртвая оболочка не случившегося праздника,

стоит под столом.

Я просыпаюсь от кошмара:

кто-то пытается выколоть мне глаза,

а ты шепчешь мне в ухо бессмысленную молитву.

(*Mette Moestrup* – Метте Моеструп, род. 1969)

Всё свалено в одну кучу: шампанское, джинны, кошмары во сне, бессмысленная молитва. А вот слово «счастье» пишется с трудом. Несмотря на все статистические опросы, согласно которым датчане – самые счастливые люди на земле. Достаточно углубиться в современную датскую литературу, чтобы увидеть: датское «счастье – в пятнах». В каких именно? Да в самых разных. Прежде всего – в «пятнах» органической неспособности строить человеческие отношения, выбираться из «кромешных подвалов» бытия и смотреть на небо. В неспособности ничем жертвовать ради любви. В прагматизме и «футлярном» благоразумии.

Осенние цветы

По-прежнему ещё красива ты,
 и всё-таки не так, как в тот далёкий
 дождливый день, когда походкой лёгкой,
 прижав к груди осенние цветы,

ты мимо проходила, как беда,
как перечень губительных соблазнов.
И я благоразумием запасаю,
и за тобой не бросился тогда.

И вот теперь при свете фонарей
на перекрёстке мы с тобой столкнулись:
ты проходила мимо, чуть сутулясь,
и перешёл я улицу скорей.

По-прежнему ещё красива ты,
но с зоркостью прощальной увидал я,
что красота твоя – блик увяданья,
который раньше был фрагментом красоты.
(Søren Ulrik Thomsen – Сёрен Ульрик Томсен)

Погружаясь в датскую поэзию и обобщая собственный двадцатилетний опыт жизни в Датском Королевстве, я прихожу к выводу: датчане не солнечная нация – скорее лунная. Вот и любовь у них такая же – ночная, сдержанная, холодноватая. Видимо, северный суровый климат не способствует солнечному накалу любви. Спутники любовных переживаний в Дании – разве что карманный фонарик, освещающий запретные области подсознания, или приглушенный и скоротечный свет одуванчиков.

Между всеми моими стихами
о смерти и горьких воспоминаниях
найдётся место для одуванчиков,
чей цвет и свет я опять позабыл
за долгую зиму...
Они зажгутся, как фонари в парке Тиволи.
И хотя мы опять упадём с тобой в одной кровати
в разные сны –
это будет не страшный аттракцион –
я проснусь в самой тёмной и глубокой заводи ночи
с твоей лёгкой рукой на моём плече....
(Søren Ulrik Thomsen – Сёрен Ульрик Томсен)

4. НА ДЕРЕВЯННОЙ ЛОШАДКЕ

Проткнулось колесо
у кареты сна,
нагруженной птичьей трелью жизни.
Пробуждение в ливень...

Пиа Тафдруп

Сегодня странно думать о том, что всего лишь несколько столетий назад Дания была центром великой Империи, главным пассионарным узлом цивилизации викингов. В начале девятнадцатого века Дания окончательно утратила своё колониальное могущество и превратилась в небольшое сельскохозяйственное государство, замкнувшееся в миниатюрном национальном «футляре», где постепенно происходило «психологическое закисание и брожение»: жители королевства становились всё более инертны и эгоцентричны, замыкались на своих комплексах и амбициях маленькой страны. Некогда мужественные и воинственные, викинги обросли солидным «жировым слоем быта», пересели на «деревянных лошадок», расположились «по гамакам» и виртуальным сетям и раскатируются туда-сюда на одном месте, усиленно создавая иллюзию движения.

Жизнь – затянувшаяся поездка на деревянной лошадке
в пространное никуда.
Каждое утро я надеваю новое платье «так надо» –
сначала зимнее, застёгнутое на все пуговицы,
потом летнее, с коротким рукавом –
и накладываю новый грим
на мою вечную маску печали.
В неживом лимонном конторском свете
моё лицо кажется кукольным.
Единственная радость –
купить в день зарплаты новые итальянские туфли
и поглазеть на мебель в IKEA.
Меня охватывает ужас,
когда я ощущаю, что сердце начинает биться в такт
с ещё не запущенными часами на башне недостроенного небоскрёба,
который уже второй год воткнут в сердце моего города,
как нож убийцы.
Здесь я когда-то гуляла по старинным улочкам и ела мороженое,
а деревянная лошадка стояла в детской.

И я ещё не знала тогда, что взрослая жизнь –
это когда в тебя играют, как в куклу.

(*Naja Marie Aidt* – Найя Марие Айдт)

Ещё одна сквозная тема в современной датской поэзии – ностальгия по детству, или, точнее сказать, по тому безвозвратно ушедшему времени, когда всё было «по-настоящему». Когда радость была искренней и осталась в синестетической памяти вкусом мороженого, который ещё хранят старинные улочки родного города, израненного современным строительством. И современной жизнью под грифом и гримом «так надо», где единственная радость – купить в день зарплаты новые туфли. И опять напрашивается неизбежный вопрос: написал бы такое стихотворение самый счастливый человек на планете?

Заявление

Я делаю заявление: я хочу быть собой.
Я хочу оставаться в границах своей оболочки –
не отрезайте от меня куски,
не выщипывайте из меня перья,
не переиначивайте мои мысли,
не укорачивайте мои шаги –
и всё это с сегодняшнего дня!

Я начинаю медитацию:
я тот, кто я есть.
Мне не нужны инструкции.
Я хочу чувствовать то, что я чувствую –
не накалывайте на шампур моё сердце,
не вынимайте из меня душу,
не подрезайте мне крылья –
и всё это с сегодняшнего дня!

(*Pablo Lambias* – Пабло Ламбиас, род. 1964)

Это уже не просто ностальгическое раскачивание на «деревянной лошадке» с «вечной маской печали» на лице. Это крик, ультимативное заявление обществу: ваши правила и законы калечат меня. Я требую – оставьте за мной право быть собой, быть таким, какой я есть. Субъективное восприятие реальности? Возможно, но сквозь оголённые нервы поэзии явно проступают жёсткие черты современного датского

общества. Оставив замашки викинга-завоевателя, Дания обратила пристальный и пристрастный взор на своих жителей и контролирует каждый их шаг. Дания – самое отрегулированное в Европе государство, благо, что население страны всего пять с половиной миллионов, и каждый житель – у системы под микроскопом. И в фокусе опять-таки – внешнее, материальное. А в то, что за его фасадом, государство не вникает.

Мы пробиваемся сквозь решётки окружающего равнодушия,
как бледные блики солнца, сквозь листья парковых деревьев.
Нас ловит за шкурку город –
растаскивают в разные стороны улицы и поезда,
отправляя по разным маршрутам безумий.
На каждом углу, на всех перекрёстках
и промежуточных станциях
валяются окурки прошлого,
которые нам лень поднимать –
мы давно забыли вкус выкуренных сигарет,
а о чистоте города позаботятся муниципальные власти.
Да и как разобрать – где чей окурочек?
И лучше не помнить, что время нашей жизни
измеряется количеством уже никому не нужного мусора.
Мы должны спешить дальше – маршруты выбирают нас.
Мы забываем пробивать билет. И коршуны-контролёры
пробивают стальными клювами наши нервы,
которые давно истёрты, как свитера на плечах.
Нам необходимо выбывать на время
из круговорота навязанного благополучия –
лучше всего попроситься в больницу:
там тишина и не разрешают курить.
Или можно попасть в тюрьму – отдышаться, побыть собой,
ощутить свободу утренних мыслей.
Но в тюрьме мало места для всех
и не хочется совершать преступления.
И поэтому нас снова поглощают улицы и поезда,
а коммунальный садовник исправно обходит парк.
(*Claus Høxbrol* – Клаус Хёксбрёл, род. 1980)

Вот так и едет «деревянная лошадка» «по разным маршрутам безумий»: внешне всё чинно и благолепно, а нервы «истёрты, как свитера на плечах», и в душе снежным комом нарастает отчаяние. Даже тянет сдаться

в комфортабельную тюрьму, чтобы хотя бы на время обрести свободу. Парадоксы датского сознания? Или черты общего духовного кризиса современного европейского человека, не способного больше гармонично существовать в мире, где всё поставлено с ног на голову, где при всём материальном благополучии исконные человеческие ценности распадаются на глазах? И есть ли хотя бы крохотный шанс что-то изменить – собрать из разрозненных фрагментов цельное гармоничное бытие?

5. РАССТЁГНУТЫЕ СМЫСЛЫ

Слова в форме замёрзших капель –
айсберг застывшей боли.
Грунтовая вода забвенья...

Pia Tafdrup

* * *

Давайте хоть что-то склеим –
например, разбитую вазу.
Или сошьём новый костюм
для языка – старый давно износился:
слова отрываются, как пуговицы,
и не на что застёгивать смыслы.
Буквы выпадают из слов,
как гнилые зубы изо рта –
и нечем пережёвывать бытие.
Наш мир выпадает из Вечности.
Давайте хоть что-нибудь совместим:
мужчину с женщиной,
ребёнка – с матерью,
сердце – с любовью,
себя – с жизнью.

*(Lars Emil Woetmann –
Ларс Эмиль Воетман, род. 1980)*

Бытие разошлось по центральному шву, ибо даже родственные связи распались. Все разбрелись по своим домам одиночества, «где ежедневность раскормлена и тучна». И даже язык – общий для всех, призванный объединять – утрачивает смысл. Превращается в некую полую конструк-

цию, в набор пустых фраз. Это уже окончательный распад бытия, полное выпадение человека из реальности.

Пока я сижу здесь у выхода на посадку номер С27
и смотрю на взлетающие самолёты,
окутанные романтическим туманом,
я понимаю, что меня здесь нет.
Я остался там, где ежедневность раскормлена и тучна,
и мне странно, что мы должны умереть.
А мысль о воскресении не более непостижима,
чем то, что мы на самом деле существуем.
Я пребываю там, где воздух видоизменяется каждую секунду,
пока очередная революция вызревает в квартире
с наглухо закрытыми ставнями,
Петролеумные сны колышут бесцветные жалюзи.
Я там, где язык, закончив работу в конторе,
продолжает своё безымянное существование,
похожее на жесты сумасшедшего в автобусе в час пик.
(Søren Ulrik Thomsen – Сёрен Ульрик Томсен)

Часто в датской поэзии сам язык становится лирическим героем. Как знаменитый гоголевский Нос, язык начинает вести себя своевольно и выбрасывает самые неожиданные фортели: после работы в конторе не отправляется домой, а бродит один по городу и ведёт таинственную ночную жизнь.

И такой же таинственной жизнью живёт поэзия – не всегда понятная, не всегда совершенная, иногда «похожая на жесты сумасшедшего в автобусе в час пик», но искренняя и независимая. Только поэзия – якорь в океане вселенского хаоса. Только она может вернуть языку утраченные смыслы.

Шатающийся кухонный стол, за которым я пишу,
мог бы быть сработан лучше,
как и мои стихи,
и всё прочее в этом разлаженном мире,
который существует лишь потому,
что женщина залатана мужчиной,
разум – верой,
фривольные мысли – конторской работой,
одиночество – поэзией.
И, возможно, сегодняшний день,

который уже почти спланировал вниз,
но успел доставить мне твоё промокшее письмо,
не был совершенней других.
Но он был здесь и ушёл,
значит – он самый лучший.
(Søren Ulrik Thomsen – Сёрен Ульрик Томсен)

6. ПОЭЗИЯ В ФУТЛЯРЕ

Курсив зимы –
в кладбищенской траве
белеют лепестки
цветущей вишни...

Пиа Тафдруп

Кропотливая литературоведческая и переводческая работа позволила мне не только приподнять за краешек «тяжёлую кулису времени» и проследить связь между датским литературным прошлым и настоящим. Я также смогла заглянуть за кулисы современного датского общества и увидеть, что же на самом деле происходит в умах и сердцах жителей Датского Королевства. Ведь ничто так не отражает сознание и психологию нации, как поэзия.

Контрастом к внешней стороне общества материального благоденствия высветилась душа одинокого, не очень счастливого человека, мучительно ищущего своё «я» в духовно разлаженном и часто недружелюбном мире. Датская поэзия отражает стремление ответить на вечные философские вопросы человеческого существования, но, на мой взгляд, часто остаётся в узких границах индивидуализма.

Я уже упоминала о влияниях готики, декаданса, символизма, барокко на датское сознание. Эти литературные стили дают большой простор для метафизических и метафорических озарений. И в то же время толкают в тёмные области подсознания, где вычурная бессмысленность обречена сама на себя.

Датская поэзия сегодня скорее «футлярная» – не космическая. А в футляре, как известно, темно и трудно дышать. Даже самые лучшие датские поэты – такие, как Сёрен Ульрик Томсен, Найя Марие Айдт, Томас Броберг, Пиа Тафдруп и другие – как будто ходят по замкнутому кругу уже «вытоптаных» тем и создают замысловатые вариации в сущности одного и того же.

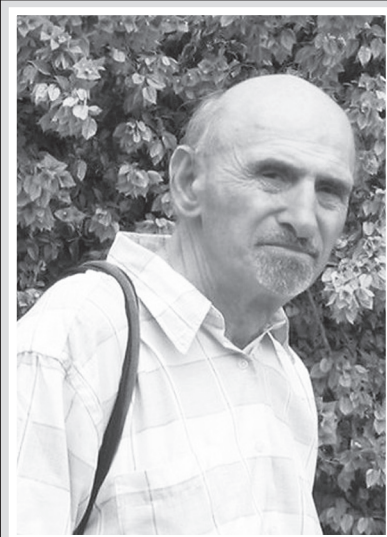
Отступление от рифмы, тенденция сваливать в одну кучу разные жанры и стили и, наконец, крайняя неизбирательность в выборе поэтических тем, свидетельствуют, на мой взгляд, о нежелании утруждать себя серьёзным литературным трудом. И что ещё печальнее – о тенденции превращения литературы в «мусорную корзину» подсознания. Некоторые стихотворения – даже у признанных в Дании авторов – напоминают стенографию потока болезненного сознания, стихию бреда, не поддающегося расшифровке. Такой дискурс не вдохновляет на перевод, но упомянуть о нём необходимо.

На мой взгляд, современная датская поэзия сделала шаг назад в мастерстве: мало ярких экзистенциальных прорывов, забуксовал поиск новых литературных форм.

Может быть, я выскажу довольно смелую мысль, но, на мой взгляд, многие тексты, преподносимые сегодня в Дании, как поэзия, и даже печатающиеся в солидных сборниках, таковой вовсе не являются. Это скорее – своеобразная форма терапии кризисных психологических состояний, крик «SOS» в обществе, терпящем духовную катастрофу.

Жемчужин – или «лепестков цветущей вишни» на снегу – в датской поэзии сегодня мало. Но они есть. И их радостно обнаруживать. Доставать «из футляра» и отдавать во владение родному языку, переводить через незримую культурную границу: из Дании – в Россию. Отпускать во Вселенную.

А окончательные выводы пусть сделает сам читатель...

Владимир Френкель

Израиль

Автор статей в европейских русских изданиях, а также в ленинградских самиздатских журналах. В 1985–1986 гг. – политзаключенный. С 1987 г. живет в Израиле. Редактор в иерусалимском издательстве «Филобиблон». Член СП Израиля и литературного общества «Столица» (Иерусалим). Автор семи сборников стихов. Лауреат премии им. Ури-Цви Гринберга (Иерусалим, 2002, 2004), премии Пушкинского Музея (США, 2003) и премии СП Израиля (2008).

ВЛАДИК ВЛАДИМИРСКИЙ, или РАССКАЗ О БЕДНОМ РЫЦАРЕ

Никак не могу вспомнить, кто познакомил меня с Владимирским и кто привел в его квартиру. Впрочем, тогда, в 60-х – 70-х годах в Риге, в нашем кругу, то есть среди не слишком заботящихся о церемониях богемных жителей, все как-то сами собой знакомились друг с другом, особенно когда находились общие интересы. В данном случае это была авторская песня.

Но надо бы сказать о самой песне, и для этого отойти назад во времени, от начала 70-х годов, когда я познакомился с Владимирским, в середину 60-х. Тогда я и услышал впервые авторскую песню, конечно, в магнитофонных записях, не всегда четких, иногда даже трудно было разобрать слова. Но мы разбирали, ведь в авторской песне слова – это главное, разбирали, иногда подобно передачам зарубежного радио сквозь глушилки. Мы – это наша тогдашняя компания 60-х годов: Павел Тюрин, Павел Тихомиров, Маша Айнбиндер, Валентин Семенов, Эдвин Минке, Люба Друктайне, Вера Логинова (Минке)...

Первые авторы, которых я услышал, были Галич, Высоцкий, Клячкин, Визбор. А вот песни Окуджавы я увидел даже раньше, именно увидел – как стихи, они и были прежде всего стихами. И познакомил меня с ними Израэль Малер, мой друг, замечательный поэт, тоже из нашей компании. Он всегда знал все литературные новости. Собственно же песни Окуджавы в записях я услышал потом.

Об этом времени и об авторской песне я написал в своем очерке «Право на одиночество в пустом кафе», опубликованном в журнале «Даугава», 2004, № 6.

Приведу оттуда отрывок.

...Но пока что там, в 60-х, никто из нас обо всем этом не думал. Ни в наших кафе, ни в мастерских художников Павла Тюрин или Маши Айнбиндер (сейчас она [...] живет в Иерусалиме), где можно было что-то почистить (во всех смыслах: и свое, и самиздат), где даже читали доклады, где я впервые услышал бардов, в магнитофонной, конечно, записи...

Хоть немного надо сказать об эпохе авторской песни: она тоже была особенностью времени. Сейчас и сама песня, и ее прежние любители стали предметом злого ерничанья так называемых авангардистов, хотя ничего подобного даже такому культурному явлению эти господа создать сами не могут; остается только ерничать. В своем невежестве они даже считают авторскую песню признаком «совковости». А между тем она противостояла именно советскому духу, и вовсе не потому, что была «песней протеста» или антисоветской: таковой она не была. Было другое: очень своя, интимная, человеческая нота, сама по себе разрушительная для кощеева царства, в котором мы все жили.

Мне тогда очень нравились песни Галича – его смелость, его скорбный и язвительный тон... Потом я их начисто разлюбил, увидев в них интеллигентскую позу и отсутствие подлинных, собственных художественных решений. А вот Окуджава, Высоцкий, Клячкин остались со мной навсегда.

С Владимирским же я познакомился позже. Вот еще отрывок из очерка:

Потом, через несколько лет, я часами пропадал у фаната авторской песни Владика Владимирского (увы, ныне покойного), в его живописной комнате в общей рижской, бывшей барской квартире, заставленной звукоаппаратурой и заваленной в основном магнитофонными кассетами, не считая пустых винных и водочных бутылок.

Да, так было. Уже упоминал, что не помню, кто меня познакомил с Владимирским, и не помню, когда и с кем я попал в его квартиру. Но что именно у Владимирского большая фонотека, может быть, крупнейшая в Риге, магнитофонных записей авторской песни, это мне сразу сказали. Но происходило это позже, в начале 70-х. А жил Владимирский тогда в квартире на улице Бривибас (очень не хочется называть ее тогдашним фальшивым названием – Ленина), где-то близ улицы Гертрудес. Позже Владимирский переехал на улицу Виландес (Янки Купалы в то время), и квартира там была такая же: бывшая барская, в то время коммуналка.

И на Бривибас, и на Виландес к Владику приходил народ – послушать записи, пообщаться, почувствовать себя в иной атмосфере, чем обрядный

«совок». А записей у Владимирского было много, едва ли не все авторы тогдашней авторской песни были представлены. Чуть не полкомнаты и на Бривибас, и на Виландес были заполнены магнитофонными кассетами. Там я слышал и Кима, и Городницкого, и Кукина, и еще многих. Конечно, и выпивали – кто сухое, кто водку, но не напивались никогда.

На Бривибас я познакомился с Галей Ранцевой (ее муж, Георгий Ранцев, был другом Владимирского). Галя записывала свои песни на магнитофон Владика, правда, пела она на чужие стихи, своих не писала. Позже она стала петь в церковном хоре.

А потом, уже в квартиру на Виландес, я приходил вместе с Женей Ошурковой – бардом, поэтом, с ней я познакомился в Студии молодых литераторов при Союзе Писателей Латвии, где я тогда состоял. Ее песни сразу мне понравились чрезвычайно: и стихи, и сам ее голос. Кажется, тогда Женя уже состояла в клубе авторской песни «Вигвам». Сейчас она – известный автор и исполнитель авторской песни, не только в Риге, ее приглашают и в Москву, и в Петербург.

Но пора сказать о самом Владимирском. Был он среднего роста, немного полноватый, с круглым добродушным лицом. Часто ходил в форме вневедомственной охраны, где работал. Понятно, работа для него была только источником существования, не слишком щедрым источником (ну, какие там были зарплаты!), но ему, казалось, много и не надо было. Душа его жила одним увлечением – авторской песней, он был настоящим ее фанатом, собирателем, знал о ней, казалось, все. Что-то рыцарственное было в этом, да, именно пушкинский «рыцарь бедный» невольно вспоминается. Такие люди тогда, в 60-х, 70-х, были – презиравшие деньги, удобства, жившие одним увлечением и делившие этим увлечением с другими. Хорошо это или плохо? Тогда, в то время, с молодым максимализмом я ответил бы – да. А теперь – не знаю, вопрос не такой простой. Жизнь научила нас всех все же не презирать материальное.

Но вот странность: не менее десяти лет (с начала 70-х до начала 80-х) общался я с Владимирским, неоднократно у него бывал, а теперь понимаю, что знаю о нем самом очень мало. Даже возраст его мне неизвестен, хотя, наверно, он был старше меня. Похоже, что Владик был человеком общительным, его или о нем знали очень многие в Риге, но при этом оставался закрытым. Такое вот сочетание, удивительное для меня: я человек не слишком общительный и довольно закрытый. Но бывает, как видим, и такой вариант, как с Владимирским.

В конце 80-х, до моего отъезда в Израиль в 1987 году, я с Владимирским не встречался. Но потом узнал о его печальных последних годах и его кончине. В бурное время – конец 80-х, начало 90-х – Владимирский, очевидно,

остался без работы и почти без средств к существованию. Наверно, какая-то пенсия у него была, но можно ли было на нее прожить, даже с минимальными запросами! А главное – само время безостановочно менялось, и у этого времени оказались совсем другие герои и другие рыцари.

Нет, я не болею ностальгией по советскому времени, о коем вспоминаю в основном с отвращением. И действительность новых времен, мой город – Рига, – преобразившийся за эти годы, мне нравятся куда больше, чем в советское время. Об этом я тоже написал в вышеупомянутом очерке. Но и то правда, что любые «крутые перемены» (Высоцкий), даже к лучшему, все-таки болезненны, и многие люди могут в этот поворот не вписаться. Да вписался бы я сам, останься в Риге, хоть и, конечно, был бы рад падению ненавистной мне советской власти и восстановлению независимости Латвии? Был бы рад, но из радости шубы не сошьешь. Не знаю, и теперь это невозможно узнать.

Владик Владимирский, по-видимому, остался тогда не только вне социума, но и вне общественной волны. Нет, интерес у общества к авторской песне не угас, возможно, даже наоборот, но вот потребность в таких ее фанатах, как Владимирский, несомненно уменьшилась. Появилось много новых возможностей слушать ее, переписывать, узнавать. И вообще много иных возможностей в жизни, о которых раньше и мечтать было нельзя. Да, это была свобода, которую мы все ждали и которая пришла. Но мы не думали тогда, в юности, что внезапная свобода подобна внезапному же подъему из глубины вод на поверхность и чревата кессонной болезнью, и можно задохнуться.

И еще мы не думали о том, что позднее сформулирует Сергей Довлатов: свобода – как солнце, что освещает путь и хищнику, и жертве, под ним вырастают и гладиолусы, и марихуана.

Да, такова была новая реальность, и не всем она легко далась. Владик Владимирский умер почти в одиночестве, и кажется, что рижане о нем забыли.

Но кроме свободы, есть еще и память, и она абсолютно необходима, если мы не хотим превратиться в манкуртов, щелкающих электронными устройствами. В частности, память о таком «рыцаре бедном», каким был Владик Владимирский. Без таких рыцарей человечество само обеднело бы непоправимо.

Сентябрь 2016

Иерусалим

* * *

Как скучно быть самим собой –
Старо и однобоко
Слагает стих поэт любой,
Не только Виктор Боков.

Оригинальности хочу,
Стать лучше, глубже, выше!
Отдам свое перо ткачу –
Пусть за меня попишет...

А сам устроюсь ситец ткать
Гороховой расцветки,
Дабы ресурсы изыскать
Для новой пятилетки...

Не плачьте, девки, бобик сдох,
Но счастливы вояки,
Поскольку смотрится горох –
Как форма цвета хаки.

Презрев кремплени и шевиот,
Читательская масса
Единым ситцем проживет,
Отвыкнет кушать мясо.

А обо мне гулять пойдет
В народе слух хороший,
Что не квасной я патриот,
А ситцевый в горошек...

* * *

Меня героинь романа,
Любовь мы ищем без обмана...
Ах, счастье так непостоянно,
Зачем нам рок подобный дан?
О мона Лиза, донна Анна,

Перепетуя, Марь Иванна,
В сетях словесного тумана
Опять не с вами дон Жуан.

О, сколько женщин неизменно
Прощают глупость и измену
И, ради страсти, вдохновенно
Кумиров заново творят.
О, Маргарита, Марьиванна,
Перепетуя, Марианна,
Опять же с вами, как ни странно,
Ваш Мефистофель – Хасбулат.

* * *

Не шумит, камыш, не качается...
«Гор златых» отходит пора –
Нынче дороги братьям-пьяницам
«Подмосковные вечера».

С этой песнею – свадьбы, проводы...
С нею – выпивки три ведра –
Пей по поводу и без повода
В подмосковные вечера...

И покажется преотличною
Наша жизнь – собачья мура –
Под Столичную, под Пшеничную –
В подмосковные вечера

Полутрупы наши пропитые,
Похмелившись пораньше с утра,
Будят древние и избитые
«Подмосковные вечера»...

Под музыку Вивальди

Под музыку Вивальди, призывы Гарибальди,
Под ужасы Ренальда, под пепел сигарет –
Печалиться давайте – немножко повешайте,
Но больше сокрушайтесь о том, что счастья нет...

Вы слышите, как пылко (а не по-окуджавски,
Скорее по-попсовски, как в телемудкино)
Заплакали, заныли, завыли, словно шавки,
Гитары, балалайки, и флейты-домино.

И сразу стало ясно, что Галич пел напрасно,
Что в моде – только звуки, рулады на трубе.
А думать так опасно, и вовсе не прекрасно.
И Бог за то воздаст нам несчастья кое-где...

Но душка Величанский прикроет это дело,
Возлюбит, что есть силы, друг друга весь народ.
И станут волки сыты, и овцы будут целы,
Когда по-величански Никитин запоет...

Под музыку Вивальди, призывы Гарибальди,
Под ужасы Ренальда, отчасти – в унисон,
Давайте не зевайте, дерзайте и финальте,
И хором запевайте шлягёр a la shansone...

Из цикла «На...»

* * *

Нам ни к чему, ни праздник, ни банкет.
По кругу из гранёного стакана
Помянем же Хвостова наших лет,
Безвестного бродягу – графомана.

Он сочинял без всякого рожна
Стихи о том, что дважды два – четыре,
Что нужен мир и не нужна война,
Поскольку всё прекрасно в этом мире.

Сначала он в турклубе выступал,
Потом – на юбилее в Совпартшколе,
Но в классики бедняга не попал
И начал поддавать. «Чего же боле?..»

Он в уши собутыльников хрипел,
Что губят замечательных поэтов,
Он плакал, хохотал и даже пел
На лавочках, что возле туалетов.

Не выслужив, ни пенсии, ни льгот,
И с музами не одолев разлуки,
Он умер, но перо его живёт,
И тянутся к нему другие руки.

Евгения Ошуркова

Латвия

Член СП Латвии. Неоднократный лауреат различных фестивалей авторской песни. Стихи и переводы публиковались в сборниках, журналах и альманахах Латвии, России и Америки. Записала четыре авторских диска. В 2012 г. издала первую книгу стихов «Вне сезона», в 2014-м – вторую – «Своя игра». Занимается журналистикой. Член СП Латвии и творческого объединения *bardi.lv*

Владиму Владимирскому

* * *

С этой улицей мне по пути,
Задержусь-ка на ней хоть чуть-чуть я.
К слову «Виландес» рифм не найти,
В русском нету такого созвучья.

И в английском не всё «вери гуд»,
А с немецким – подавно тоска мне...
...Вот он – дом, чей подъезд стерегут
Пышнотелые нимфы из камня.

Там когда-то в советском раю,
Нет – в аду коммунальном, крошечном
Изживал маргинальность свою
Мой дружок по кругам КазСПешным.

Вот к нему после трудного дня
Мы тянулись дорогой привычной.
Он сухое берёг для меня,
А для прочих хватало «Столичной».

Делай дело – и станешь богат.
Но у русских бывает иначе:
Есть, к примеру, и ум, и талант,
Но большие проблемы с удачей.

Мой дружок диссидентством грешил,
Не избегнув за это опалы.
Впрочем, он не на Виландес жил,
А на улице Янки Купалы.

Время силится нас изменить,
Изменив топонимику места.
Нас сшивала чудесная нить,
Только нынче немного чудес-то --

Нынче дом этот тёмен и пуст,
Я пройду, его не узнавая...

...Ветер ломит жасминовый куст
На конечной 7-го трамвая.

2015

Вадим Новожилов

Латвия

*Историк. Поэт. Бард.
Член Союза писателей России*

Другу

Как будто мир для одного,
Как будто не было рассвета.
Дождями захлебнулось лето,
И тишина... и никого.

Лишь осень, воя и скуля,
Из всех вместилищ влагу выжав,
Тяжёлой чавкающей жижей
Месила скисшие поля.

Всё гниль да плесень, хоть кричи,
А в хлопьях плесени и гнили
По небесам носились в мыле
Светила тощие лучи.

На время года грех пенять
И на судьбу чего коситься,
И сердце вроде не из ситца,
А только боли не унять.

А только я ещё не знал,
Кого «косая» заказала,

Но в рёбра, в грудь скреблась, вползала
Болезненная желтизна.

Мой друг той осенью взгрустнул.
Без падежей, без многоточий, –
Умру, – сказал... и напроорочил,
И взял да умер, не уснул.

И тишина... и никого.
И ни души на белом свете.
И дела не было планете
До смерти друга моего.

Отбарабанили, юля,
Дожди, по крышам да карнизам.
Снегами траурные ризы
Прикрыла сонная земля.

Влекла заботливая плоть
К развязке человецье племя,
А я унять пытался время, –
Остановись... попробуй хоть.

Остановись, ну что с того,
Что только прах в твоём пределе,
Мы человека проглядели.
Не досчитались одного.

Я глотку рвал до немоты.
Орал в глаза и уши людям.
Мне удивлялись, – все там будем,
Сегодня – он, а завтра – ты.

Я воск палил за упокой.
Я замотался по обрядам.
Ведь если друг, то значит – рядом,
Ведь я без друга – никакой.

И в сердце нож. И в горле ком.
И всё не так, не в лад, не в ногу,

Не по уму, не «слава богу»,
И набекрень, и кувырком.

Но тщетен труд целить недуг,
Выть с исступлением изгоя.
Нет, не один ушёл, а двое.
Да двое, потому что – Друг.

Поэтам

Мы Вами маялись, пока
Вы уходили друг за другом
За горизонт, за облака,
За беспредельные срока,
Кто усмехнувшись, кто с испугом.

Вы покидали города,
В которых Вы за нас рыдали,
За нас сгорали от стыда...
Вы вечно лезли не туда,
Точней – туда, где Вас не ждали.

Вы уходили. Мы вослед
Ворчали – зло и по-старушки –
Но через много, много лет,
От «райских кущ» до наших бед,
Вы нам протягивали души.

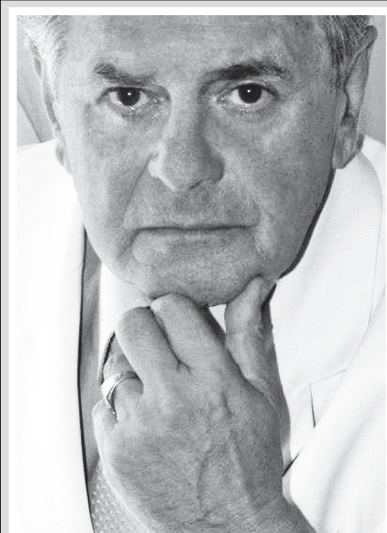
И мы тогда внимали Вам,
Но и в минуты просветленья
По нашим крохотным умам,
Изношенным, испытанным в хлам,
Бродили тучные сомненья.

Привычны гнать и спины гнуть
Мы только в траура сокрестье,
Спровадив Вас в последний путь,
Вогнав во гроб, стучали в грудь:
«Убит поэт, невольник чести!».

И до поры осиротев,
Попрятав батоги и плети,
Мы сокрушённо в суете,
Вздыхали: «Вот ведь, были «ТЕ»...
Не то, что нынешние «ЭТИ».

И так, под погребальный звон,
Мы спотыкаемся о плахи
И к убиенным на поклон
Торопимся, и испокон
Возносим гениев во прахе.

**Анатолий Гершкович
(1938–2016)**

Израиль, Назарет Илит

Образование энергетическое и экономическое получил в Баку, аспирантуру закончил в Москве. Кандидат экономических наук. В Союзе опубликовано 49 научных работ, в т. ч. 11 книг по вопросам экономики. В 1994 г. переехал в Израиль. Писал стихи, песни, прозу. Публиковался в многочисленных журналах и альманахах в Израиле, России, Латвии и др. странах.

Из цикла «Раковый корпус»

Благословение носителю негативной энергии

Благословен, кто с миром в ссоре
И у кого в потухшем взоре
Навстречу благодатям дня
Нет позитивного огня.

Благословен уж тем, что дышит
И, прошлого вбирая свет,
Дыханьем суть свою колышет,
И... проклинает всё в ответ.

Благословен! Увы, не чует
Ответ на хлесткий негатив.
Боль по душе его кочует,
Грязь всей планеты охватив.

Первое облечение

В минуту боли и печали
Я верю вещим голосам.
Молчи, холодный мир реалий!
Я обращаюсь к небесам.

Потоком солнечного света
Зеленой юною травой
Они лишь мне пошлют ответы
Теплом и неба синевой.

Весенней соловьиной песней
Они мою утешат грусть...
Я верю! В этот мир чудесный
Я обязательно вернусь.

Ну, а пока снимаю брюки,
носки снимаю и трусы,
беру халат больничный в руки
и, срам прикрыв, бреду босым...

После операции

По утрам поют колокола
Над моей палатой в больнице.
Полуобездвижены тела,
А свобода воли только снится...

Муэдзины по утрам поют
Правоверных на молитву призывая
А в палате «отходящие» блюют
Ожидая приближенья рая

Обещает мне религия, что вот
Каждый день все легче боли гири,
Постепенно рана заживет.
Ты еще подышишь в этом мире.

Все пройдет и этот миг уйдет,
Упадет как ветхие одежды.
Скорбь мою в терпенье перетрет,
Прорастая всходами надежды.

Возвращение из ракового корпуса

Я возвращаюсь к тому, что я – жив,
Сквозь тьму и сумерки прожитой боли,
Сквозь вас, мой палач черноглазый, сквозь поле,
Не знавшее проса, пшеницы и ржи.
Но я возвращаюсь. Пусть кто-то не рад,
Всё сразу заметно по лицам неновым,
Да, вам бы, конечно, хотелось другого...
Но я возвращаюсь. Как раз листопад
Касается стекол. Я снова хочу
Усесться, как некогда, в старое кресло,
Какое великое счастье – воскреснуть
Назло не забывшему вас палачу.
Назло перепортившей прошлое лжи...
О, я понимаю от смерти спасенных!
Сквозь сотню смертей, для меня припасенных,
Я возвращаюсь к тому, что я – жив!

Шопен

(Ноктюрн ми-бемоль мажор)

Тихим сном печали
не забыться мне...
Фонари кричали:
– Утони в весне

И спасенье ночью,
знали, не придет...
Пламенные очи
разбивали лед.

Плыли змеи – руки,
рассекая март.
Демоны разлуки
разрешали старт.

Исчезала нежность,
уходя с тобой...
Ангельская внешность –
дьявольская боль.

А над вешним раем
в белом свете пен
Словно умирая,
затихал Шопен.

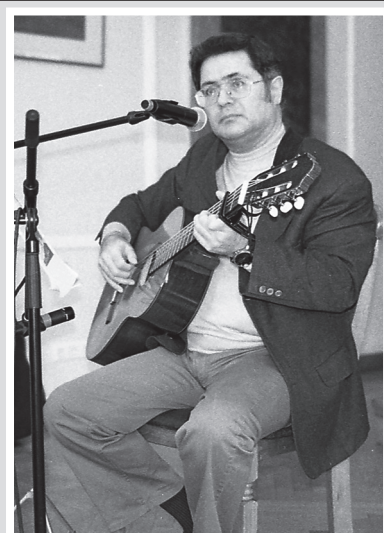
Памяти Евгения Клячкина

– Помнишь этот город?
– Помню, Женя, помню свято.
Твой прекрасный Питер тайной белой ночью,
Долгая прогулка и твои «пенаты» ...
Я там был, как в сказке, видел всё воочию.

Камни сохраняют там следы и ныне,
Повторят они твое родное имя
В Назарете, в Иерусалиме
Бог с тобою, Женя, Он нас не покинет.

Нет здесь стен. Стена одна лишь – Плача.
Наигравшись в юности с судьбою,
Мы к ней приложили руки – это значит
Я – с тобою, мы – с тобою, Бог – с тобою!

Брови седы. Лица все в морщинах – годы!
Это с нами будет непрестанно.
Может быть всё это – прихоти природы?!
Так лежал бы человек... но...
Я, пожалуй, встану!

Георгий Георгиевский

Эстония, Йыхви

Журналист, спортсмен, тренер. Многократный чемпион и рекордсмен Эстонии по силовому троеборью, мастер спорта. Поэт, бард. Публиковался в нескольких литературных журналах и сборниках. Член Объединения русских писателей Эстонии и СП России.

БАРД-БАЛЛАДЫ

Рим

Заколосить любой ценой жнивье,
могилы воскресить – под этим горблюсь.
Такой вот головной эдипов комплекс
уворовал грядущее Моё.

И до седых волос душа болит,
себя в огне угасшем полагая.
Я в бездну подсознания шагаю,
как Геркулес за Цербером в Аид.

Веков грядущих зависть приманя,
рождайся, слог умершего романа!
Сияющий бессмертьем *Rex Romana*,
прими в свои объятия Меня!

Орлиных крыл невиданный размах!
Повергни в персть все алтари и троны,
восстань же до Юпитера короны,
Мой Вечный город на семи холмах!

Хоть с ног и валит Хроноса прибой,
не вспугнуты ничьим вороньим граем,
давай, Эней, вдвоём переиграем
грядущий Твой и Мой минувший бой!

Увидим в бездне непроглядной тьмы
извечный Свет и жар в застылой тверди.
Пройдём смертельный путь резвее смерти.
Где все роняют – там поднимем Мы!..

...Отчаясь в жизни, беглецы гребли
и разрывали мускулы и нервы –
везли в тоске палладиум Минервы
в другую жизнь Энея корабли.

Ещё живит их эллинский исток,
в глазах ещё вовсю пылает Троя,
но в сердце, плоть его корнями роя,
другой судьбы проклюнулся росток.

Ещё разбитый мир не сброшен с плеч,
Дидона не продана удаче,
и в жилах кровь Венерину впридачу
Анхизов сын не сдал за Марсов меч.

И сердце, помня век свой золотой,
не оттолкнуло лиру Аполлона,
чтоб только Марс Градивус и Беллона
его питали кровию живой!

И не зарезан жертвой брата Рем.
А брат, заложник собственной свободы,
не растоптал всю землю в пыль и воды
ещё не выпил вёслами трирем!

И часа ждёт победный звёздный бал.
Свод неба не поддержан римским кровом.
Ещё напьются жаркой римской крови
неистовые Бренн и Ганнибал!

И, позабыв, как полагалось встарь,
у черни из несытой смрадной пасти
не вырвал Цезарь цезарево счастье
лечь жертвой на Империи алтарь...

...Покуда спят безволие и блуд,
когда, отважно рады постараться,
любимцы муз Вергилий и Гораций
споют объедки Августовых блюд...

...Ещё позор гнильё словесных груд.
В чести не демагог, а оператор...
И женолюб солдатский император
ещё Империи не гладил грудь!

И от стыда как будто не багрян,
легионер не сделал вспять ни шагу.
И солдатней трусливой шахиншаху
не выдан доблестный Валериан.

И ждёт, приличьям затворив уста,
в безвременье безжалостном не сбиться,
равноапостольный сыноубийца –
начать эпоху с нового листа.

И Богом рыбарей не взнuzдан Рим.
Ещё смеяться над богами рано.
И солнцеликий Митра Юлиана
ещё хранит сиянием своим!

Не проявились и в кошмарных снах
на старый Рим безудержные беды.
И галилèянам алтарь Победы,
отчаявшись, не проиграл Симмах.

И, не противен сам себе таков,
Рим помнит о пенатах и о ларах.
И не смеётся дикий гот Аларих
пустым угрозам римских стариков...

...Усталый Рим, предчувствуя конец,
не вскрыл себе хладеющие вены...
И древняя этрусская Равенна
не тянет императорский венец.

Ещё и тьма, и дряхлость – нипочём!
Не напугать самоубийством этим,
когда «последний римлянин» Аэций
заколот императорским мечом!..

...И всем ветрам подставивши чело,
и глядя в омут Хроноса бездонный,
плывёт Эней в объятия Дидоны,
не зная про Дидону ничего...

...Не слушая себе заупокой,
Я протопчу Бессмертия каналы
и накропаю римские анналы
по-новому недрогнувшей рукой!

Нам доля быть в сём мире, а не слыть,
раз веры и отчаянья хватило!
Мы на восход бессмертного Светила
плывём, плывём... Чего же нам не плыть?

2000

Египет

На разговоры сил не тратит,
от жертвы Жизни не устав,
седое Время воды катит
младенцу-Вечности в уста.

Мир в рябях эр всё заступает
на скорби и утраты пост,
себе без страха наступает
на бешенством отбитый хвост!

Я ложь хлебал и жизнь промешкал,
 Меня загрыз двуногий зверь.
 И Мне смеется в тьме крошечной
 на свет не запертая дверь!

Стать панацее адским зельем,
 взалкает скромности позёр,
 от света явь залезет в землю,
 а тайны рвутся на позор!

Фиал надежды ночью выпит.
 Как жить – не ведаю сейчас.
 Но утренней зарёй Египет
 восстал в Мой богоданный час!

Я цепенею год от года,
 во лжи без устали клубясь.
 Но размыкают руки Гора
 причинно-следственную связь.

И Сета лик от боли скорчен.
 Душа, чужую волю скинь! –
 Ведь суд Озириса закончен
 над помутнением людским.

Мне боги знак благой подали:
 спастись, доверясь чудесам.
 Но от жрецов и там подале –
 жрецом и жертвою Я сам!

Попав во Времени извивы,
 Я, без конвоя и без виз,
 в Стовратные златые Фивы
 иду сквозь сказочный Мемфис.

И жало тленья целит мимо!
 И, треньем Жизни не стерты,
 являются в морщинах мира
 его ребячества черты.

И вновь утраченное близко,
 надёжнее, чем до утрат!
 Опять немые обелиски
 о тайнах Неба говорят...

На Божья царствия пороге
 стоит Природа без калек,
 меньшие братья – зверобог,
 сын Геба – богочеловек!

Двух полюсов соизволеньем
 Мне воды Нила – Жизни твердь,
 и смерть – опять выздоровленьем,
 раз выход к Жизни через смерть!

Судьбой запуган от рожденья,
 здесь смею уповать на то,
 что свергну холод заблужденья
 Я – ратник Солнца Эхнатон!

Промёрзшей тяжестью Пространства,
 сей хворью Времени, томим,
 на суд нелживый беспристрастно
 стал пред Озирисом самим!

Хоть страх и ложь Мне душу месят,
 ни променять, ни в долг отдать,
 Тот и Анупис точно взвешат
 Мои дела, чтоб оправдать!

2002

Тумбалалайка

Посвящение Наталии Гайслер

«И увидел Иаков во сне: вот, лестница
стоит на земле, а верх её касается
неба; и вот Ангелы Божии
восходят и нисходят по ней».

Бытие 28, 12

«Рахиль рыдает о детях своих
и не хочет утешиться...»

Пророк Иеремия

*По свидетельству очевидцев, в Освенциме
начальство заставляло оркестр из заключённых
проводить уходящих на смерть весёлой
песенкой «Тумбалалайка».*

Наша была вам чудней, чем небыль.
Наша боль не тупее лезвий.
Нам Иакова лестница в небо –
из углей, чтоб резвее лезли!

На аппельплаце возня у ворот –
к смерти готовый построен народ.
Бойкий мотив под безудержный плач
пьяный от горя выводит скрипач, –
дивно прекрасна, от вечных погонь
Лия, невеста, уходит в огонь!

Тум бала, тум бала, тум балалайка,
тум бала, тум бала, тум балала.
Тумбалалайка, пой, балалайка:
«Мы на дрова, ну а песня жива!»

Путь короче по бездорожью!
Нет надёжней пилюль из ядов!
И штурмуем мы Царство Божье
из Треблинок и Бабьих Яров!

«Лия! Не бойся, а веруй и знай:
скоро утешит Тебя Адонай!
Вырвавшись прочь из шеоловых мук,
примешь бессмертие из Его рук.
Я же здесь нелюдей угомоню,
чуть задержусь – и Тебя догоню!»

Тум бала, тум бала, тум балалайка,
тум бала, тум бала, тум балала.
Тумбалалайка, пой, балалайка:
«Мы на дрова, ну а песня жива!»

Смысел мук воспримем трезво,
не противясь роскошной доле:
в нас сгорают с весёлым треском
все грехи всех в земной юдоли!

Вечен изгнания список примет,
Нынче всё то же, как тысячи лет:
по свету, слёзы глотая и пыль,
вечно о детях рыдает Рахиль,
плачет и плачет, седая от бед,
и не утешится, ибо их нет.

Тум бала, тум бала, тум балалайка,
тум бала, тум бала, тум балала.
Тумбалалайка, пой, балалайка:
«Мы на дрова, ну а песня жива!»

На золу, чтобы мёртвым ахнуть,
ну-ка, солнышко, ярче брызни!
Приложились мы к патриархам,
всласть насыщены этой жизнью!

Люди всё те же, куда их ни день:
печи в Освенциме жгут круглый день.
Да и в Треблинке дел неупорот:
Корчака сжечь вместе с Домом сирот!
Боли безгрешных алкает кумир!
Пепел сожжённых согрел целый мир.

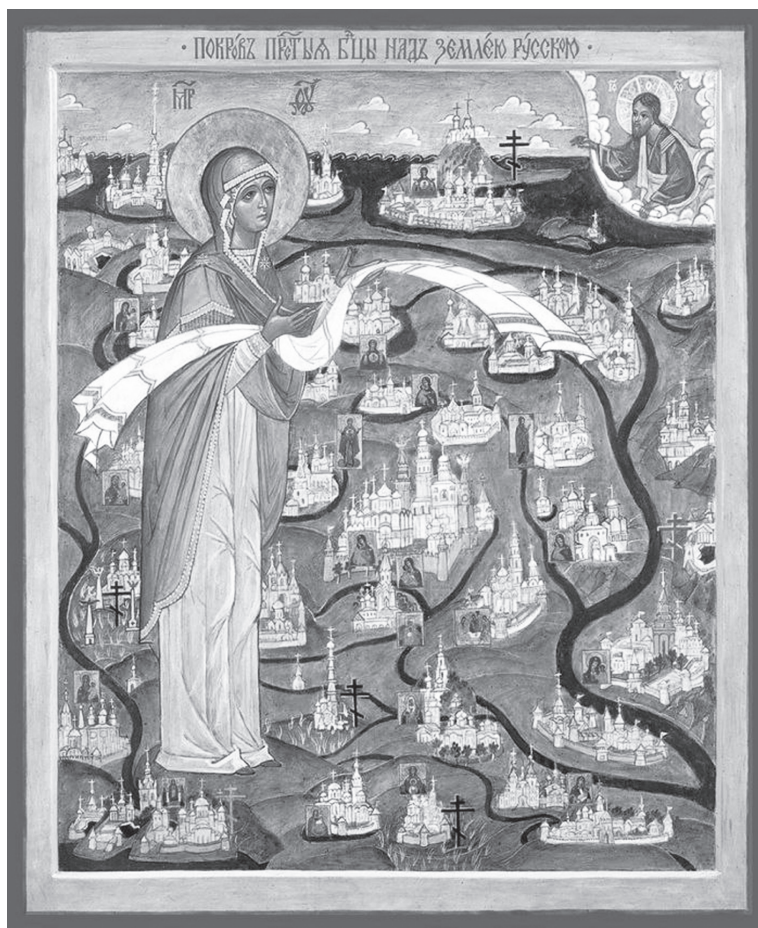

Тум бала, тум бала, тум балалайка,
тум бала, тум бала, тум балала.
Тумбалалайка, пой, балалайка:
«Мы на дрова, ну а песня жива!»

От шатания нар под ними
рухнуть в пекло нацистским креслам!
Помним это, как Божье Имя,
этой памятью и воскреснем!

2003

ПОКРОВА

Журналъ № 2

ЧЕТВЕРТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ ПОКРОВА

ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ГОРОДА КАУНАС
16 октября 2016 г.

Куратор фестиваля – *отец Николай*, настоятель каунасской
Благовещенской церкви

Руководитель фестиваля – *Эляна Суодене*, доктор гуманитарных наук

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ:

1. Рябенко Л. П., председатель Русского собрания Литвы;
2. Вильчинскене Т. Н., руководитель каунасского Центра русской культуры «Учение – Свет»;
3. Месенгисер Л. П., руководитель литовского отделения Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП);
4. Поздня Э., зам. председателя правления по связям с общественностью РО МАПП в Литве;

5. Ахтаева Е., руководитель литературного объединения «Логос»;
6. Иванов В., председатель Союза русских литераторов и художников «Рарог»;
7. Кольцов-Навроцкий В., краевед, эссеист, ответственный за связи с духовенством;
8. Дебесюнене Л., ответственная за связи с поэтами зарубежья;
9. Соболева М., представитель каунасской гимназии им. А. Пушкина, ответственная за связи с молодёжью;
10. Свинцова В., ответственная за медиаконтакты.

Организаторы: Центр культуры им. Л. Карсавина, клуб «Надежда» при Русском собрании Литвы.

Проект осуществляется при поддержке Департамента национальных меньшинств Литвы.

В проведении Фестиваля принимают участие поэты, художники, деятели искусств, художественные коллективы из Литвы, Латвии, России, Беларуси, США и других стран.

Центр культуры им. Л. П. Карсавина
при Каунасской Благовещенской Церкви
Литературная студия «Поэтоград»

*В оформлении этого номера журнала
использованы графические работы
художника Владимира Кольцова-Навроцкого*

IV Международный фестиваль духовной поэзии «ПОКРОВА»

16 и 17 октября 2016 года в культурной жизни Литвы произошли знаменательные события – IV Международный фестиваль духовной поэзии «Покрова» и Международный форум «Поэты Европы и США о роли духовности в творчестве».

Воскресным октябрьским днём в Воскресенскую церковь г. Каунаса стекались поэты из разных городов Литвы и гости из других стран – Венгрии, России, США, знаменитые и только-только начинающие выносить своё слово на суд взыскательных слушателей.

Автор идеи создания и проведения подобного фестиваля – Эяна Суодене уже в четвёртый раз в Воскресенской церкви с благословения куратора фестиваля настоятеля Благовещенской церкви города Каунаса отца Николая Мурашова под высоким храмовым куполом объявила о начале Международного фестиваля «Покрова».

Первому было предоставлено слово высокому гостю из Риги – депутату Сейма Латвии поэту Александру Якимову, выступившему с приветственной речью и передавшим напутственное слово фестивалю «Покрова» архиепископа Сыктывкарского и Коми-Зырянского Питири-

ма «Устроителям и участникам Фестиваля духовной поэзии «Покрова» в г. Каунасе Литовской республики». Приветствие столь высокого духовного лица свидетельствует о том, что Международный фестиваль духовной поэзии «Покрова», единственный фестиваль подобного формата в Прибалтике, приобретает известность далеко за пределами Литвы, свидетельствуя и о внимании правительства республики к духовному здоровью нации: фестиваль проводится при частичной поддержке Департамента национальных меньшинств Литвы при правительстве Литовской республики.

Организованный Центром культуры им. Льва Карсавина при Каунасской Благовещенской церкви и Каунасским клубом русских Литвы «Надежда» (Lietuvos rusų klubas «Nadėžda»), вдохновленный трансцендентными стихами А. Якимова, фестиваль был продолжен выступлениями плеяды вильнюсских поэтов. Были представлены стихи членов литературного объединения «Логос» (руководитель Ева Ахтаева), Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП) в его литовской ипостаси (руководитель Лев Месенгисер, поэтов представляла Эльвира Поздня, получившая недавно почетное звание «Серебряное перо Руси»), а также художников слова из других литературных студий и организаций – «Стихарь», «Плеяда», «Рарог».

Руководитель объединения художников и поэтов «Рарог» В. Иванов предоставил слово вильнюсскому художнику Н. Стёпкину – его картины были размещены на мольбертах, и светлый лик Богородицы освещал внимающих слову художника поэтов.

Далее поэтическую эстафету переняли высокие гости. Главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», обладатель множества почётных званий и наград, доктор философских наук Лидия Довыденко, недавно получившая звание «Золотое перо Руси» за высокое художественное мастерство и профессионализм книги «Женщины Пруссии», выступила с приветственным словом, особо отметив роль благодатной духовности в сохранении ответственности художника перед Богом и людьми, значении его воздействия на массы в современной обмирщённой секулярной культуре. Высокая гостья из России, журналист, публицист, чутко впитывающая тенденции развития русскоязычной литературы балтийских государств и аккумулирующая идеи о дальнейших путях развития духовной поэзии, была вдохновлена и впечатляюща. Большое впечатление на присутствующих произвел поэтический дуэт известного венгерского поэта, обладателя множества престижных литературных премий Арона Гаала и литовской журналистки и переводчицы Лаймуте Дебесюнене. Литовская речь была заявлена и в выступлениях поэтов из Казлу-Руды и Пабраде. Стихи на русском и

английском языках прочитала гостя из США Элен Кофман, ладно вплетая свой голос в поэтический ансамбль участников фестиваля.

Необходимо отметить роль музыкального сопровождения в создании неповторимой ауры фестиваля – ансамбль «Надежда» и его солисты, ансамбль клуба «Мозаика» из Мариямполье, ансамбль «Русская песня» Центра русской культуры «Учение – Свет», блистательный Арвидас Паулаускас, передавший приветствие фестивалю от Палемонского костёла города Каунаса, трогательный голос преподавателя гимназии имени А. С. Пушкина Марины Соболевой под звуки гитары...

В понедельник фестиваль был продолжен в Вильнюсе на форуме «Поэты Европы и США о роли духовности в творчестве», где читали стихи попарно Эяна Суодене и Элен Кофман, Арон Гаал и Лаймуте Дебесюнене, впечатляюще выступили со своими стихами Елена Шеремет и Георгий Почуев, пленили слушателей вдохновенным словом Лидия Довыденко и Владимир Вахрамеев, поднимала вопрос о принципиальном различии понятий «духовная поэзия» и «религиозная поэзия», иллюстрируя свои доводы стихами, Эльвира Поздняя.

Поэты из разных стран на IV Международном фестивале духовной поэзии «Покрова» в Каунасе и Международном форуме «Поэты Европы и США о роли духовности в творчестве» в Вильнюсе объединились в единой стихотворной молитве о том, чтобы грех человеческий не сокрушил Красоту Богозданную, чтобы Творец преклонил Милость Свою к человечеству – Творению Божию.

Присутствие на фестивале и форуме и выступление общественных деятелей – председателя общества немецкой культуры Каунаса Марите Маслаускайте и председателя русского собрания Литвы Л. П. Рябенко, председателя Центра русской культуры «Учение – Свет», а также то, что Международный фестиваль духовной поэзии «Покрова» и Международный форум «Поэты Европы и США о роли духовности в творчестве» были отмечены благодарственной грамотой Департамента национальных меньшинств при правительстве Литовской республики, подписанной директором Департамента национальных меньшинств Литовской республики Видой Монтвидайте и врученной старшим сотрудником Департамента Аушрой Шокайтене руководителю фестиваля, свидетельствуют о том, насколько актуальна для духовного здоровья общества его духовная составляющая, гармонизирующая мир и сдерживающая процессы социальной энтропии.

Эяна Суодене, доктор гуманитарных наук

Ева Ахтаева

Литва

Поэт, публицист. Автор более двух десятков лирических песен и романсов. Издала два поэтических сборника. Публиковалась в периодической печати и литературных изданиях Литвы, Латвии, Эстонии, России, Болгарии. Пять лет возглавляла ЛИТО «Логос». Секретарь правления РО МАПП в Литве.

Белая элегия

*Елке Няголовой
на книгу «Ангел в пещере»*

Стая светлых печалей твоих –
Заблудившимся ангелом, снегом –
Налетела с высот неземных
Отголоском сердечного эха.

И с тех пор в моём замке ночном
Твои сны поселились доверчиво.
В них ты строишь себе белый дом,
Веришь в счастье. Но счастье – изменчиво...

Верой служит лишь белая грусть.
Воеводы не видно. Нет папы...
Но друзья украшают твой путь.
Хочешь, песню споём, чтоб не плакать?

У белёных тобою стволов
Под цветущими кронами вишен
Мы присядем за белым столом,
Наш распев и над Волгою слышен.

Русских песен пронзительна даль,
В них и боль, и души исцеленье.
Русской мамы узорная шаль
Белокрылым объятьем согреет...

...Ничего я не знала тогда.
Я твоих не читала «скрижалей».
Просто села вязать в холода
Для тебя – полотно белой шали...

Шаль

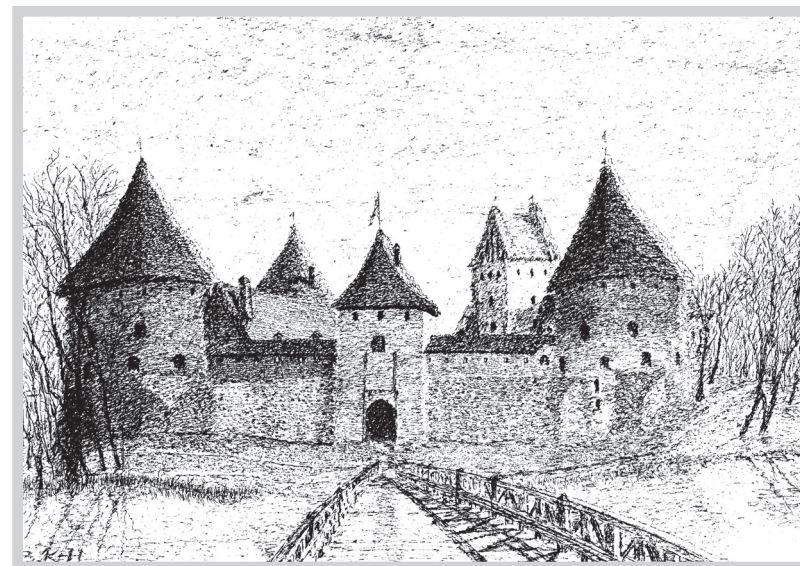
Петелька к петельке. Спицей о спицу.
Буду прилежной – получится шаль.
Зиму не бойся. Пусть стужа – волчицей.
Мне для тебя этой шали не жаль!

Ни для тебя, ни для третьей подруги.
Любо молиться мне, петь и вязать.
Просто смешны станут злобные вьюги
Тем, кого сердцем смогу согревать.

Сяду на радуге. Облако – пряжей.
Сколько же нитей здесь можно натясть!
Чтобы планету озябшую нашу
Шалью укутать, как добрую мать.

Можно укрыться от колких метелей,
От ледяного дождя, наконец...

Но как защититься в звенящем апреле
От лютого холода черствых сердец?

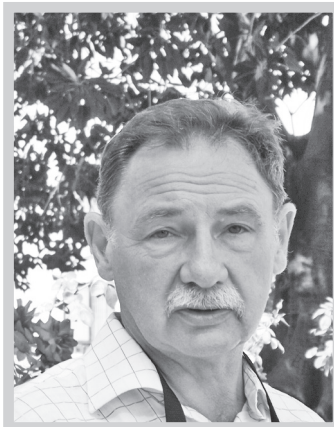
* * *

Я много поняла к зениту лет,
Земные ценности вернув на место.
Рукою Божьей я – теперь поэт?
Да нет, мне просто в прозе стало тесно.

Уж не сверкаю искрами очей,
Не жертвую высоким ради тела.
Ужель святой души я казначей?
Да нет, мне просто пошлость надоела.

Учусь мирскую славу, деньги, власть
Отныне принимать как испытанье.
И сердцем кротким чтить, как благодать
Боль, нищету и друга подаянье...

Лишь Ты один поверишь и поймешь,
Простишь мои бывшие заблужденья.
Увидев слезы, кто-то скажет – дождь,
Но Ты узнаешь слезы очищенья...

Арон Гаал (Aron Gaal)

Венгрия, Будапешт

Член СП Венгрии «ЕМЛ», СП XXI века (Россия). Президент Европейского культурно-литературного фонда «EOS-2007», директор фестивалей «Море и Слово» и «Встречи на берегах Дуная». Художественный директор издательства AMON (Будапешт). Автор 18-ти книг стихов и сказок. Лауреат международных литературных премий.

Странник

Я всегда бродил среди вас,
Но немного решил отдохнуть.
Я хочу ноги вам оmyвать,
И иначе на мир взглянуть.

Крошки хлеба хочу я есть,
Дайте мне вина хоть глоток.
Я отправлюсь в свой путь в рассвет
До того, как петух пропоёт.

Равнодушно смотрите вы
На судьбу человека всегда.
Ненавижу холод души –
И давно стал чужим я для вас.

Я по свету буду бродить
До того, как закончиться путь.
И не нужно мне слов пустых,
Ведь не в них заключается суть.

Вечно буду молиться за вас.

Перевела Лайма Дебесюнене

Под полотно Коста Розы

Белеет лицо в оправе из чёрной вуали,
Как в тёмной ночи свет первой звезды.
В серебрянной раме цвета октябрьской мари
Эрдёди Мария** свои продолжает пути.

Покинув старинное кладбище,
Что наполнено запахом тлена,
Из жизни другой, из прошлого времени
Возвращается неизменно.

Подобно пожелтевшим страницам
Мы читаем слова надгробия.
Эрдёди Мария в сне – чёрной тиши –
Вечности подобия.

Перевела Марианна Бор-Паздникова

* Коста Розы, венгерская художница, живописец, которая нарисовала прабабушку.

** Прабабушка.

Тень кошки

Может, тень кошки – это ты...
Над головой сумрачная, беззвёздная ночь,
Но когда является на минуту Луна,
В глубине сада выплывает твой стройный силуэт.

Может, это – твой сон, в котором я – только участник,
Но, может, именно я приснился тебе...
И в твоём сне отражается сад и Луна,
И то стройное тело, что так мягко босиком

Шагает по траве, что так вытягивается вверх, до неба...
Или только во мне отражается все это, и,
Когда появляется Луна из туч на минуту,
То вижу вдруг между деревьями Тебя – тень кошки...

Авторский перевод Арона Гаала

Лайма Дебесюнене

Литва

Поэтесса, переводчик, журналист, прозаик, стилист-корректор. Печаталась в ряде литовских и зарубежных периодических изданий. Стихи переводились на русский, венгерский, английский языки. Член МАПП и оргкомитета фестиваля поэзии «Покрова» (2015, 2016 гг.).

О, белоствольные берёзы...

О, белоствольные берёзы, мои сёстры,
О чём вы шепчетесь при солнечных лучах,
О чём же плачете, когда к земле вас клонят ветры,
Когда с листочков ваших падает роса?

О, белоствольные берёзы, мои сёстры,
В моих глазах сияет ваша белизна.
Вершинами упорно к небу рвётесь,
И ночью тёмной освещает вас луна...

О, белостольные берёзы, мои сёстры,
Сегодня с бурей проиграна борьба,
Упавшая на землю ваша белизна сияет,
В зелёных ваших кудрях – шёпот ветерка...

О, белостольные берёзы, мои сёстры,
Ещё о многом мне хотелось говорить...
С краёв далёких возвратившись, птице
Свое гнездо уж больше не найти...

Белый танец

Карнавал... Полный зал... В масках все...
Только что белый танец объявлен...
Разыскать принца здесь нужно мне –
Ошибиться судьба не позволит...

Подхожу и молчу... В горле ком...
Будто бы говорить разучилась...
Улыбнулся он мне, а потом
Мне улыбка, как солнце, светилась...

«Это ты...» – мне хотелось сказать...
Но слеза по щеке покатилась...
– Успокойся... – он тихо шептал...
Ту слезинку платком удаляя...

Белый танец нас к звёздам несёт –
В вихре вальса мы стали кружиться...

Судьба

Ко мне однажды ночью в сон пришла Судьба
И чёрными глазами строго посмотрела.
Она сказала, я свой путь избрать должна
И по нему шагать всё время очень смело.

В ту ночь мама в муках родила меня.
С тех пор я много в жизни всякого видала.
Бывала рядом прихотливая Судьба,
Свободно принимать решения не давала.

Учила выход находить из тупика
И в жуткой грусти не терять святой надежды,
И не расстраиваться из-за пустяка,
Понять: не повторится то, что было прежде.

Я – в жизненном пути невольница Судьбы:
Лишь падаю, ползу и поднимаюсь в горы...
И что за каждым поворотом может быть?
Ведь никогда не выиграть с Судьбою споры...

Ольга Деньковская

Литва

Родилась в Германии, в Бранденбурге, в филиале концлагеря Захсенгаузен, в семье репатриированных. Учредитель, основатель и первый председатель литературного объединения «Логос», в настоящее время – его почётный председатель. Составитель 3-х томного сборника объединения «Ветви на ветру». Поэт, прозаик – пишет исторические очерки времён Второй мировой войны. Член МАПП.

* * *

Приветствую тебя отныне,
Литовский Иерусалим,
Твой странник, страждущий в пустыне,
Тоской и верностью томим.

Куда судьба меня манила,
В Нагорный парк – рукой подать.
Какая сила отменила
В верхах задуманную казнь?

К безумству зла нисходит жалость.
А долго ли мой крест нести?
А стража где? Что! Разбежалась?
Разверзлись камни на пути?

Гуманитарную заботу
Везут со всех концов гонцы
Чрез «Эфраимские ворота»
Во «Хасмонеиские дворцы».
Ликуй и радуйся, столица!
Храни тебя мой Херувим.
И снова Бога видит в лицах
Мой новый Иерусалим.

Дебир. Незримое. Святое.
Запретное – не преступи!
Свершилось Чудо Вековое –
Литовский Иерусалим.

Письмо другу

Разверзлась тьма и светится светлица
Для мужества, для чести, для любви.
Спасибо, друг, что дал воды напиться
И страждущую душу утолить.

Пусть ЭТА ПЫЛЬ до времени клубится
И солнца промень в неугоду нам.
Придёт пора – и рожь заколосится,
И мы придём к желанным берегам.

И, зная, как не любишь ты бессилье,
И, набирая в темпах высоту,
Я, как и прежде, обретаю крылья,
Подхватывая звёзды на лету.

Счастливые случайности качелей
Во всех отсветах красок и теней
За нас распишет Фрагонар* пастелью,
Свой вымысел дополнив о тебе.

Спасибо друг, что дал воды напиться
И страждущую душу утолить,
Даст Бог – я оживу и напишу страницу
О МУЖЕСТВЕ, О ЧЕСТИ, О ЛЮБВИ.

1991 г.

* Французский художник XVIII века, написавший картину «Счастливые случайности качания на качелях». Здесь, как бы раздвигая временные рамки, применена аллегория.

* * *

А. С. Пушкину
из воспоминаний о Царском Селе

О, Пушкин!

Ты среди дубрав и злата,
О ком молва идёт из рода в род,
Вновь посетив прекрасные пенаты,
Узрел тогда, предвидя наперёд
Под кровом тишины,
 в час поздний, полуночный,
Где тихий блеск луны твой взор ласкает,
Чуть слышен ветерок
 и дремлют дол и рощи,
Где в восхищенье дух летает,
Узрел невидимую связь старинных лет,
Как рос со вздохом в горечи вещает:
«Исчезло всё, великой нет!...»

Теперь и я тону в воспоминаньях
Былых времён, потерь, героев славных,
Что славу россиянам увенчали,
И страны дальние победой восхищали.
Их подвиг ратный видел мир,
Сподвижники героев в песнях воспевали
«Струнами благозвучных лир».

И Ты – герой. Тебе поём мы славу,
Что сам себе Ты памятник создал.
Поэт великий и свидетель славный,
Ты тем любезен нам по праву –
Твой гневом пылким страстно дух пылал
И лирой звонкой и прекрасной
Ты дух России возрождал.

Валентина Екатериничева (Фатеева)

Литва

Печаталась в столичных газетах и альманахах. Переводчик стихов литовского поэта Казиса Бинкиса. Член Союза сельских писателей Литвы (г. Йонава) и Литературного клуба им. Г. Р. Державина (г. Каунас). Руководитель Поэтического содружества «МиР».

Встреча

Моя любовь похожа на рассвет,
преображение на исходе сил...
Конец пути, в туннеле яркий свет
надежду на мгновение вселил.
Лучистый сноп раскрасил синеву
под утро, разгораясь в тишине...
Любовь Творца я вижу наяву,
она перерождается во мне
в любовь, без времени и без конца,
и где присутствует начало – Бог!
Молюсь я за Творца и за Отца,
но кто бы свыше и Творцу помог
планету в руки добрые отдать,
где разум над безумьем верх берет,
где вера сеет Божью благодать
и всходы для потомков сбережет,
где время – Бог, а разум – высший свет.
Бессмертье есть – в заботах о душе,
где силам низшим скажешь: «Нет и нет!»
Споткнешься для добра на вираже.

Свеча

Свеча горит, свеча крещения,
Поет за окнами метель.
С небес летит благовещенье,
Земли белым-бела постель...
Наденьте белые одежды,
Чтоб были помыслы чисты.
Пусть будут светлыми надежды,
А жизнь – как белые листы.
Доверься сердцем провиденью,
Судьбы закружит карусель.
Кто верит – Бог пошлет прозрение.
Без веры только канитель...
Трудись с надеждой на спасенье
И душу в чистоте храни,
Спасенье – в светлом воскресенье.
Пусть будут праведными дни!
Молись. Проси. Будь благодарен
За то, что избран – ты живой!
Не разрушай, смирись, мирянин,
И украшай свой путь земной!

Помолись

Помолись обо мне, помолись,
Свеча жизни пока не угасла...
Попроси, пожелай: «Продержись!»
Не бывает молитва напрасной.
Помолись о здоровье родных,
О себе, о страдающем мире.
Помолись о надеждах больных,
Что на мушке у смерти в квартире.
Кто в больничных палатах лежит,
Сердце сжалось в комок от несчастий.
Кто судьбою земли дорожит,
К мировой доброте он причастен.
Помолись... Попроси... Пospеши...
Семенами добра мир взорвется,
Благодатью в просторах души
И в раскаянье разум проснется!

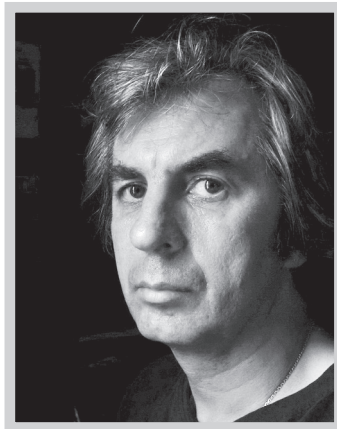

Валерий Зубаков

Литва

Известный вильнюсский фотохудожник. В качестве соавтора сценария и художника участвовал в создании документальных фильмов «Бессонница» (2002) и «Мученики» (2003).

Обладатель первого приза II Международного фестиваля православного кино в Сербии «Сильные духом». Написал книгу о святых Виленских мучениках Антониц, Иоанне и Евстафии и подготовил к изданию книгу стихотворений.

Странник

Покинув мир небытия,
Я – странник, ищущий неволи,
Ращу, как сад, целебный яд
Свободы и душевной боли.

Уйдя из бренной тесноты,
Сплотившей наше поколение,
Я ожидаю дни творенья
Своей ненайденной мечты.

Благословение преград
Вобрал мой слог, и между ними
Рифмую шорохи ночные,
Строкой оттачивая взгляд.

И к снам привыкшие глаза
Рисуют явь, как отраженье
Палитры внутреннего зренья
В биенье цвета в голосах.

Дорога вырастит слова
Из пряных запахов полыни,
Ведя туда, где в вечной сини
Царят деяния родства.

* * *

Когда в ночи смолкают речи,
Цвета уходят в глубину,
И сны садятся мне на плечи,
И кто-то трогает струну,

Я, как и ты – ловец созвучий,
Забытых смыслов ученик,
Служитель вымыслов живучих,
Займодавец и должник,

И в вечность душу погружая,
Соль отирая без конца,
Власть слова случаю вверяю,
Сквозь ткань событий наблюдая
Себя от первого лица.

Осеннее

Дождливой осенью живу блаженной ленью,
Жду лишь гостей, вестей и вдохновенья,
Но дни идут, идут дожди – ни строчки...
На коже рук моих даль времени видна,
и лишь одно дни делает короче,
но только добираюсь я до дна
мечтанья моего, как покрывало дня
смыкается над временем. Лишь ночью
как будто ниспадает пелена –
я ощущаю слов полутона,
но не спешу записывать,
неловкое движение –
и рвется их причудливая вязь,
и исчезает смысл и направление,
и ощущений суетная власть
стирает всё... Но внутреннее зрение
по капле собирает впечатления,
и растворяет в них приметы дня,
и вот уже фрагмент стихотворенья...
Их столько накопилось у меня...

* * *

Все, чего так хотелось, сбылось.
но не так, как хотелось.
По-другому жилось...
Запоздалая смелость
заменила надежду судьбой.
Шел я к цели дорогой прямой,
оглянулся – не видно начала.
И прямая дорога петляла,
и желанье прошло стороной,
не узнало...
Время так изменило пути,
ни конца не найти, ни начала,
ни себя на пути не найти...

* * *

Былое, как песня, где каждая нота
трепещет и ждет своего пробужденья.
Дотронешься – и оживают мгновенья,
сплетаются в невод, потянешь за сточку,
и вытащишь память всего поколенья,
как цепь золотую.
Но та лишь мелькнет и исчезнет в пучине...
А невод приносит лишь банки и сучья...
И, сколько не бейся, не вычерпать реку...
А мимо плывут города и пейзажи,
мелькают события, купаются дети...
И я из ладоней лицо освежу
и вновь погружу в свое время
ожившую душу свою.

* * *

Мне кажется, что каждый человек – святой,
Нечаянно раздавленный толпой.

Галина Иванова

Литва

Окончила Вильнюсский инженерно-строительный институт. Стихи начала писать в зрелом возрасте. Любовь к стихотворчеству передалась от отца, большого любителя поэзии. Автор книги стихов «Метаморфозы жизни». Член Российского СП, литературной студии «Родник», клуба «Светоч» и гильдии литераторов «Вингис».

Время собирать камни

Как страшно жить без завтрашнего дня,
Когда пуста душа, кровь в венах застывает.
И жизненных нет сил, чтоб возродить себя –
Ни Феникс птица я, и пепел не рождает.

Но птица Вещая, с тончайшею душой,
Мне начертала жизнь мою печальной.
Поверила я ей, хоть был обман большой –
Летела птицей жизнь, потом лишь взмах прощальный...

Пришло то время – камни собирать,
Что походя по жизни разбросали.
Их тяжкий груз заставит нас страдать,
Хотя вину страданием искупим едва ли.

Так жизнь устроена, и так уж суждено –
Мы легкомысленно грешим, лет череду сжигая,
Но в Книге Судеб все предрешиено –
Платить нам по счетам, на ранги невзирая.

Древо жизни

Как хрупок человек, как уязвим и тонок.
Лучиною в ночь сгорает без следа,
Как-будто от судьбы отколотый осколок,
Когда приходит в жизнь неожиданная беда.

Лишь мудрость дух отвагою питает,
Лучинку хрупкую преобразуя в ствол,
И – дерево живёт, до неба вырастает –
Спасет оно от бед, отринет сонмы зол...

А жизни океан штормит, не утихая.
И оградит от бед лишь мудрости редут,
И крона жизни древа, та – святая –
Поможет выбраться,
и в ней найти приют.

Ощущение счастья

Чудесным даром я наделена –
Счастливой быть и радоваться Миру.
И по утрам, лишь отойдя от сна,
Приветствовать в душе Божественную лиру.

На струнах проиграть мотива ликование
И замереть, благодаря судьбу.
Послать Всевышнему неслышное признание
О том, что жизнь ценю и мир боготворю.

Но каждый миг жизнь каплями уходит...
Сосуд, дарованный судьбой, все ж истощим.
И пониманья мысль в нас горестная бродит,
Что срок, отмеренный судьбой, невосполним.

А лира призвана наполнить душу светом
И облегчить груз знания притом,
И душу осветить Божественным заветом –
Поэт – ты мудрость воспевай, коль лирой награжден.

Регина Канаева

Литва

Литератор, руководитель салона «Мелодия жизни». Публиковалась в республиканских и международных литературных альманахах

Гром в сентябре

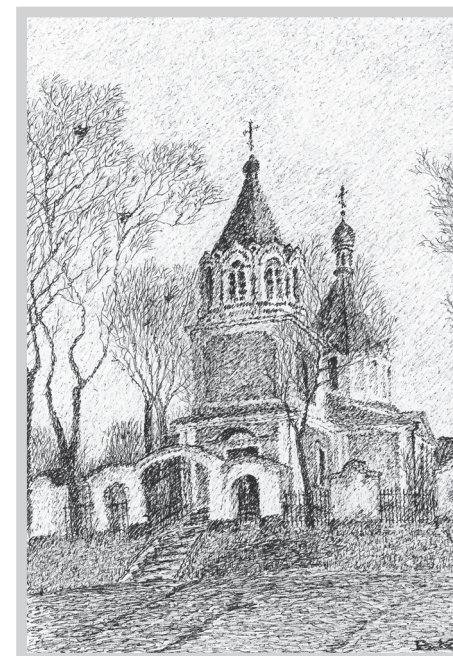
*Помню как няня мне говорила, когда гремел гром:
Боженька на колеснице по небу пронесся.
И когда в День Собора Пресвятой Богородицы
прогремел гром, вспомнились слова няни...*

Гром в сентябре, как колесница,
Промчится по небу стремглав.
И облака пушистой птицей
Плывут и проявляют нрав.

А небо серо-голубое,
Нависло с грустью над землей,
Оно бескрайнее, большое,
Накрыто влажной простыней.

Лишь солнца редкий, яркий лучик,
Заглянет в чьи-то зеркала
И покрасуется средь тучек.
Но нет уже того тепла.

Гром в сентябре, как колесница,
Промчится по небу стремглав.
И запоздалая зарница,
Сверкнет нам в небе для забав.

Я еще не жила в тишине!

Как-то грусть проскользнула святая;
– Я еще не жила в тишине.
А душе моей хочется рая,
Жизни легкой – ропщу о судьбе.

Время мчится быстрее, чем птица.
То взлетаю, чтоб счастье вкусить,
То к земле припадаю, к кринице,
Чтоб водицы живой мне испить.

Вот теперь мне пожить, вот сейчас бы,
Полной грудью лишь счастья вдохнуть.
Только путь мой – всё ямы, ухабы,
И не жизнь – только серая муть.

Я надежду запрячу тихонько,
Не пришел, не настал, зная, часок.
Вот мечту подращу – как ребенка,
И испью, словно счастья глоток!

Элен Кофман (Алена Шпитальник)

США

Детство и юность прошли в Баку. В конце 1991 г. эмигрировала в США. Окончила Университет Штата Джорджия в Атланте. Получила степень бакалавра по специальности компьютерные науки и математика, затем степень магистра по специальности компьютерные информационные системы. Работает программистом. Стихи пишет с 10 лет, публикуется на сайте www.stihi.ru с 2014 года.

Когда-то Господь говорил с праотцами

Когда-то Господь говорил с праотцами,
Являясь им в разных облициях.
И слушали люди, и верили сами
В чудесное Бога величие.

Порой сомневались, порою роптали,
Но всё же Ему не перечили,
Пред Богом стояли и сердцем внимали,
Когда говорил свои речи Он.

Но время проходит, и в звездные дали
Наукой дороги проложены.
Но жаль, очень жаль, что в пути растеряли
Способность внимать слову Божьему.

А Он говорит... Говорит, как и прежде...
То громом с небес, а то шепотом,
То криком души, то мерцаньем надежды,
То видом убогого с посохом.

Да, Он говорит... Но мы часто не слышим.
Монетный звон громче, чем колокол.
А нам благодать всё даруется свыше,
Как солнечный луч из-за облака.

И льётся любовь к нам с небес всеблагая,
Лишь сердце подставить открытое –
И будет оно наполняться до края
Любовью, добром и молитвами.

Краски жизни

Говорят, наша жизнь, как зебра:
То в ней белая полоса,
То спускаемся в тёмные недра,
И чернеют вдруг небеса.

Но сравнить можно жизнь и с радугой –
Необычны оттенки и краски.
Жизнь бывает одета по-разному,
Не в одни черно-белые маски.

Есть цвета, нам понятные с детства:
Жёлтый – солнце, зелёный – трава.
Лес зимой в белый снег приоделся,
И прекрасна небес синева.

Взяв палитру и кисточки в руки,
Я попробую жизнь разукрасить.
Подберу цвет любви, цвет разлуки,
Не хочу ничего приукрасить.

Будет дружба – покрепче скалы,
И такой же – большой и могучей,
А надежда – сиянье Звезды,
В запредельные дали зовущей...

А любовь – как родник не испытый,
Будет чистой, прозрачной и вечной.
Детский смех – всех цветов из палитры –
Звонкий, радостный и бесконечный.

Юность будет сияньем наполнена,
Чтобы стало светлее и краше,

Старость я не одену в чёрное,—
Седину серебром ей закрашу.

Ревность, так же, как лава вулкана,
Будет цветом пожара кипеть.
Зависть, жадность и скупость, по праву,
Я окрашу в монетную медь.

Для предательства, подлости, зла,
Эгоизма, и лести плебея,
Для вражды, для войны, для вранья
Чёрной краски я не пожалею.

Матерей всю заботу и нежность
В золотые оттенки укрою.
А сыновью беспечность и дерзость
Серым-мраморным цветом покрою.

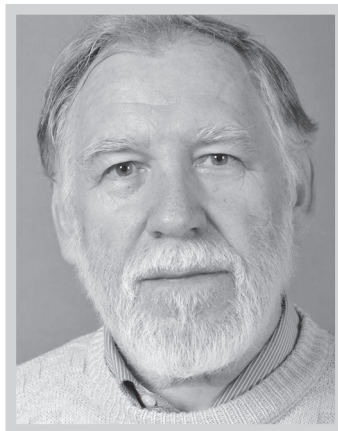
Белый цвет лебедей летящих,
Я смешаю с алой зарёю,
Разноцветное солнце счастья
Пусть встаёт высоко над Землёю!

Иван Кунцевич

Латвия, Рига

*Член СП Северо-Западного региона России,
Российского СП, МАПП, Русской писательской
организации Латвии – «Русло», Латвийско-
Российской Ассоциации сотрудничества.
В журнале ЛРАС «Корни» ведёт рубрику
«Читательский перекрёсток».
Автор девяти сборников стихов.*

Дорога к Богу

Сколько может быть на свете
Дорогих тебе вещей?
Сразу разве кто ответит,
Что желаннее душе:

Утром – солнечное небо?
Ночью – звёздная метель?
Или та земля, где не был?
Палех в росписи и Гжель?

Или, может, ближе сердцу
Берег, яхта, шум волны?
Здесь мы все единоверцы,
Выбрать многое вольны.

Дорогих вещей так много,
Но дороже мне всего,
К Богу вечная дорога
От порога моего.

В центре города – пустырь

В центре города – пустырь.
Память растревожена.
Тротуары, монастырь,
Площадь огорожена.

Прохожу туда-сюда,
Обхожу сторонкою...
Неужели без следа
Пропою песнь звонкую?

Неужели не войду
В звонницу старинную?
Я у Бога на виду
Блажь тяну былинную.

А по городу, как срам,
Голоса расхожие...
Одинокий вижу храм,
И спешат прохожие.

А колокол вновь, как живой!

А колокол вновь, как живой!
Я глажу мощь чугунную,
Язык с тяжёлой бичевой
Лизнул дорожку лунную:

И просветлённый, гулкий гром
Пошёл гулять по городу:
– Бим-бом, бим-бом! Ди-ли-бим-бом!
Слеза упала в бороду.

В ушах гудит. В ушах звенит...
– Вот это ж надо! Силища!..
По городу зажглись огни –
И ожило святилище.

Мудрость и печаль

«Во многой мудрости много печали;
и кто умножает познания,
умножает скорбь».

*Из книги Екклесиаста
или Проповедника. Гл. 1. п. 18*

Обычно, с мудростью – печали
Приходят к нам. И это так!
Жилось мне радостно вначале, –
Сегодня – больше боль и мрак.

В душе моей всему открытой,
Бушуют сущего ветра.
Я в жизни, горечью омытой,
Встречаю тяготы с утра.

И поднимаюсь до вершины
Житейских будней всякий раз.
Но словно жалкий свет лучины,
Мне солнца видится алмаз.

И море прошлой нашей жизни
Передо мной – не гладь да тишь,
А буря в горькой укоризне,
С которой страстно говоришь.

И света в ней не ожидая,
Лишь умножая боль свою –
Я верю: – Истина святая
Реальна будет и в Раю.

Виктория Куракевич

Литва

Родилась в России, в старинном городе Пскове. Живёт в старинном городе Тракай. Окончила физико-математический факультет Вильнюсского государственного университета. Автор двух поэтических сборников «Из глубины веков» (2010) и «Два края» (2012). Сборник «Два края» переведён на литовский язык (2013). Член Союза сельских писателей Литвы, член МАПП.

Старинные иконы

Иконы древние черны, неясны,
Записаны за многие века
Изображения слоями краски,
Святые лики видятся слегка.

Старинные иконы почитали:
И чем черней икона, тем древней,
Ее любовно маслом протирали,
Теплился огонечек перед ней.

Раскрыть, что там, за чернотой, можно,
Есть признак древности икон – ковчег,
Тогда слои снимают осторожно
И проясняется иконы век.

Но реставраторы всегда с опаской
Снимают наслоения эпох,
Бывает иногда под слоем краски
Проглянет чудо. И восторга вздох

Определит наличие шедевра.
Так, скальпелем проникнув в глубину,
Нередко раскрывают пропись первой,
Таких икон раскрыли не одну.

С Рублева «Троицы» неповторимой*
Убрали восемь красочных слоев,
Так, росписями этими хранимый,
До нас дойти смог авторский мазок.

Икона вызывает восхищение:
Ожили краски. Засветился фон,
А смысл Божественного откровенья
В беседе ангелов запечатлен.

* Икона «Троица» Андрея Рублева находится в церкви святителя Николая при Третьяковской галерее в Москве. В Троице-Сергиевой Лавре хранится копия этой иконы.

Древнерусские иконы

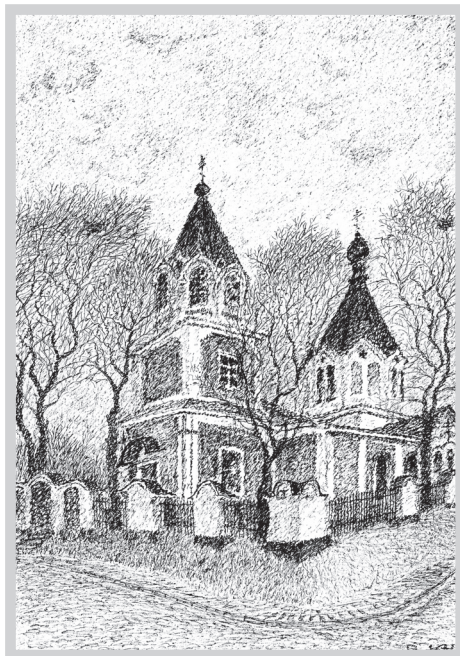
Когда произошло Руси крещение,
Из Византии к нам пришли иконы.
Чтоб образ повторять без искажений,
Их мастера составили каноны.

На Русь попало тех икон немало:
Там были Богородица и Спас,
Но все же их везде доставало,
Ведь на Руси ввели иконостас.

Пришедшие учить из Византии,
Свое письмо преподнесли сполна,
Но здесь сухой канон не повторили,
Русь-матушка – другая сторона.

Смягчили живописцы их канон –
Так донести они старались людям
Небесный свет и красоту икон
Как ощущение радости средь буден.

Столь русский стиль, особенный канон
Сумел создать художник, преподобный,
Андрей Рублев – творец таких икон,
И сохранен он в памяти народной

Во славу Сергия явилась в свет
Рублева «Троица» – святая тайна.
Из Ветхого завета взят сюжет,
Но новый образ выбран не случайно.

В трех ангелах, сидящих за столом,
Заложен смысл священного Завета
Об искупленье Господом Христом
Грехов людей и всех пороков света.

Украсил старый Троицкий собор
Тот образ храмовый высокочтимый,
Рублева имя до недавних пор
Известно было, но не столь хранимо.

Его открыл для всех двадцатый век,
Им в красках богословие воспето.
К святым причислен этот человек
За «Троицу» Божественного света.

Надежда Кябликене

Литва

Окончила физико-математический факультет Новосибирского педагогического института. Преподаёт в Вильнюсской русской гимназии «Ювента». Публикуется в периодической печати России и Литвы, в республиканских литературных альманахах и поэтических сборниках. Член ЛИТО «Логос». Неоднократный дипломант Республиканских конкурсов поэзии. Член МАПП.

Прихожанка

Дочери посвящается

Суббота предпасхальная, обычай предков свят.
Во храмах христианских свершается обряд.
Хозяйка молодая традиции блюдёт,
Волнуется – впервые к причастию идёт.

Устала, но довольна, нарядный дом блестит,
И аромат ванили по воздуху разлит.
Готовые коврижки все выстроились в ряд,
Хвастливо демонстрируя затейливый наряд.

Собой весьма довольный на блюде дорогом
Кулич расположился – блистает серебром.
Магическою горкой в «плетёночке» лежат
Яички расписные – сюжетами манят.

Причудливым узорам конца и края нет.
Ласкают взгляд картины, глаз ублажает цвет.
Последние нюансы, салфеток нежный шёлк.
В эстетике деталей хозяйка знает толк.

Торжественно и чинно, как требует канон:
Платочек, свеч мерцанье, и образ, и поклон...
Ей хочется Создателю о многом рассказать.
Есть таинство молитвы... Не будем ей мешать!

Исполнено всё строго – освящены дары...
Духовно с нею связаны далёкие миры.
Покойно вдруг вздохнула – на сердце так светло...
Как чудо – просветление желанное сошло.

Восторгом переполнилась, разнежилась душа.
Любуюсь прихожанкою – свежа и хороша!..
В руках её корзиночка. Церковные огни...
Молюсь я, как умею: «Господь! Её храни!»

Женское счастье

Женское счастье – туманная дымка,
Миг, волшебство, королевство зеркал.
Всё эфемерно, воздушно и зыбко:
Чувственность, нега, душевный накал.

Призрачно всё в нём, нечётко, непрочное,
Проблески света сменяются мглой.
Чувств и надежд половодье проточной
Мутной бездушной смывает волной.

Молим о счастье, любви без страданий,
Гавани тихой в заливе любви.
Сердца посланники в бухте желаний
Бдительно службу несут корабли.

Женское счастье – вдруг жаром повеет,
Айсберги в сердце растопит в момент,
Талыми струями нежно согреет
В сердце вживлённый весны элемент.

Но среди лета нагрянут морозы,
Счастье озябнет, всё стихнет вокруг.
В сердце застывшем увянут мимозы,
Болью привычной затянется круг.

Женское счастье – глаза, как алмазы –
К чувству заветному хрупкая дверь.
Спутники счастья – надежды и грёзы.
Женское счастье – предвестник потерь.

Сергей Лавров

Литва

*Член МАПП и Союза журналистов Литвы,
редактор литобъединения ЛОГОС (Вильнюс).*

*Выпустил 4 стихотворных сборника,
публикуется в периодической печати
Литвы, Латвии и России, в международ-
ных литературно-публицистических
сборниках и альманахах.*

Колокола Свято-Духова монастыря

Колокола Свято-Духова,
Звонче вас, громче нет!
Бьёте над Вильнюсом
Вот уж четыреста лет.

Не серебро, не золото –
Просто глагола медь.
Но ещё долго и молодо
Вам выше всех гудеть.

Яростна ваша жалоба,
Радость, хвала, хула.
Колокола Свято-Духова,
Страсти колокола!

Дыбой, кнутом и пряником
Веру прогнали прочь...
Но вот глухими ямбами
Заговорила ночь.

Может, своё что-то ведая,
А может, и о другом,
Но целых четыре столетия
Не молкнет спасительный гром!

* * *

Над квадратом сельского погоста
В беспредельной и холодной мгле
Каждый вечер вспыхивают звёзды,
Словно души живших на Земле.

Нет иль есть он, мир потусторонний,
Под землёю или в синей мгле?..
Главное: не стать бы посторонним
Мне на этой праведной Земле!

Эльвира Поздняя

Литва

Публикуется в изданиях Литвы, Беларуси, России, Латвии, Эстонии, Германии. Обладатель Диплома «Золотое перо» Европейской академии искусств и литературы (2015 г.). Обладатель премии и звания «Серебряное перо Руси» (2016 г.).

Остров Канта

Звучал орган в старинном храме...
И... показалось, мир исчез...
Спадала Музыка с небес,
Верша неведомое с нами.

Как диким лебедем в изгнание,
Роняя боль, она плыла,
Соединяя два крыла,
Ранимые воспоминаньем.

Аккорды Вагнера и Баха
Волнением терзали грудь,
Боясь нечаянно спугнуть
Слезу таинственного страха.

Сфорцандо* сковывал дыханье...
Минору** вторила тоска...
В смятенье трепетно рука
К твоей тянулась в знак признанья...

Спадала Музыка с небес...
И... показалось, мир исчез...

* Сфорцандо – (итал.) в музыке внезапный резкий акцент.

** Минор – (латин.) в музыке мягкое, элегическое звучание.

С тобою горюю

Качает октябрь обречённую крону,
Срывая листву для потехи своей,
И ветер щемящей тоской вторит звону
Седых колоколен воскресших церквей.

Россия моя, от разрухи и грязи
Ты в кои века умываешь лицо,
Но стоя монголов, из грязи да в князи,
Готова рвать в клочья твоё пальцецо.

И катит слезу Сталинградская Волга,
И внук на гроши ордена разменял,
И спился мужик, что когда-то так долго
Для быстрой езды лошадей запрягал.

С тобою горюю, тобою болею,
Твои, моя Родина, песни пою,
И нежно сиротской любовью жалею,
И тихо молю: «Удержись на краю...».

Земля моя

Две тыщи лет прошло от Рождества Христова...
Земля моя, Земля!.. Тебе дарую слово,
Что не могу сдержать, глотая вдох Вселенной,
Пусть даже промелькнёт оно лучом мгновенным.

Раскинув в летний зной в ночи шатёр огромный,
Ты даришь тихий сон в созвездьях неги томной,
А тёплыми рассветами разбудишь нежной лаской
И позовёшь в речную гладь волшебной сказкой.

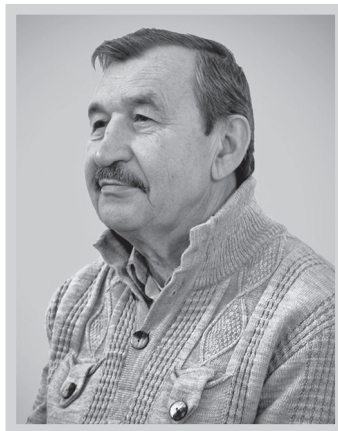
Земля моя, Земля! Красавица Вселенной!
Умоюсь я росой и преклоню колена.
Благодарю, о Господи, за прелести рассвета!
Да здравствует моя Планета эта!

Георгий Почуев

Литва

Автор двух сборников стихов. Публиковался в ряде периодических литературных изданий. Член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии, литературный эксперт первой категории. Руководитель поэтической студии «Плеяда».

Начало новой эры

Пустыня, дочь зимы,
Белеет за забором.
За нею – сосен тьмы
Припудренного бора.

Глазурью все поля
Покрыты белоснежной.
Позёмкою пыля,
Гуляет ветер мятежный.

Сегодня Рождества
Семейная вечеря...

Библейского волхва
В благую весть поверив,

К вертепу с очагом
В пещере Вифлеемской
Пастух за пастухом
К священному семейству

Явились и глядят
На Мать и на младенца,
И не отводят взгляд,
Приняв обоих сердцем.

А по пустыне вдаль
Понёс порошу ветер...
А с ней – и весть. Скрижаль
Всему сказала свету:

Когда взошла звезда
В начале эры новой,
Не вдруг, но навсегда
Был Светлый Мир основан.

Покровский сад

Гармонии прилежный ученик,
Баланса жаждою снедаем,
В сокровищницы духа я проник
И разгадал Пегаса тайну.

Но на исходе дня свой судьбы,
Ценя немало истин прочих,
Я, с немощью уставший от борьбы,
На верности сосредоточен.

Что́ без неё упавшие в цене,
Уставшие от напряжений
Остатки сил, принадлежащих мне?
Они достойны сожаленья.

Девиз на злобу дня – «не навреди
Грядущему», сиречь – потомкам.
Не зная, сколько ждёт нас впереди,
За молодых молюсь негромко.

На Покрова горит осенний сад.
В нём всякий что-нибудь обрящет.
Сорвать плоды таланта каждый рад
В саду словес животворящих.

И, побывав на форуме надежд,
Покровским садом осенённый,
Я, Приснодеву попросив «Утешь...»,
Вернусь в пенаты окрылённым.

14.10. 16 г.

Валентина Скарджюене

Литва

Лауреат Республиканского конкурса современной русской поэзии «Люблю Отчизну я...» (2005).

Состояла членом Литературного объединения «РуСло». Публиковалась в периодических изданиях Литвы. В мире детской поэзии – Валентина Илианд. Автор книжки стихов для детей «Подарок радости и смеха, или По следам детского лепета» (2011).

* * *

Моя душа поет Христа
В Неделю Ваий.
Еще не знавшего креста,
Его печалей.

Но то, что свыше суждено
Идти на муки,
Сознание ведало давно...
О, эти руки,

Так распростерты в Любви –
Вне всяких логик.
Неотвратимость смерти. И
Смиренья подвиг:

Перечеркнуть всю ширь греха
Своею высью,
Чтоб Крест Спасенья на века
Парил над жизнью,

Чтоб путь – как с чистого листа –
Был почитаем.
Но до сих пор в себе Христа
Все распинаем.

Прости нас, Господи ...

К небу

Зашторено небо вуалью
Седых кружевных облаков,
Какие там прячутся дали,
Сокрыв непроглядность веков?

Какие нам предначертанья
Пунктиром спешит набросать
Судьба? И какие посланья
Способны мы все же принять?

Заблудшие серые овцы
Плутаем меж злом и добром.
Нещадное жгучее солнце
Да вспыхнет на лоне твоём!

С тревогою смотришь ты,
Вечность,
На нашу земную возню,
На жесткую бесчеловечность,
На злобную эту грызню.

И нет нам в грехе оправданья,
И стыдно взывать к небесам.
Не ведаем, вера иль знанья
Способны творить чудеса.

И все же взываю: «О, небо!
Святая и мудрая глубь,
Прошу не насущного хлеба,
Ты душу мою приголубь.

Мою оголенную душу
Прикрыть нечем кроме креста.
Развернись, о небо, и слушай –
Яви нам живого Христа».

* * *

Во исполнение Божьей воли,
Одoleвая с ношей боли
Свою версту,
В дороге стих творя убогий,
Я отереть власами ноги
Спешу Христу.

Нина Хижий

Литва

*Художник-оформитель, литератор.
Печаталась в периодических
изданиях Литвы и альманахах.*

Фонарщик

Виски седы, уже не мальчик
И занят этим много лет...
Романтик, уличный фонарщик,
Чуток философ и поэт.

Он, затянувшись папиросой,
Взглянул невольно на часы,
На сумрак вечера белесый,
И сизый дым пустил в усы.

Хоть нелегка его работа...
Полезна, что ни говори,
Погас закат, и должен кто-то
Зажечь ночные фонари.

Судачат пусть, что старомоден
В ночи, покуда солнца нет,
Он видит, как на небосводе
Танцуют звезды менуэт.

Стакан судьбы

Стакан судьбы наполовину пуст...
Испить до дна еще наступит время.
Ну, а пока что жизни терпкий вкус,
Всевышний доктор прописал по схеме.

А я... неизлечимый оптимист,
С назначенной судьбой вступаю в споры
И все найти пытаюсь компромисс,
Чтоб между нами не случилось ссоры.

Как заключить немислимый союз
И не внести ненужного раскола
Меж теми, чей стакан почти что пуст,
И теми, чей наполовину полон?

В риторике достигнув мастерства,
Не нарушая высшего закона
Боюсь, что не решить, как дважды два,
Вопрос вселенского диапазона...

Кокетка-осень

Заплетая рыжие косы
Смотрит в лужи кокетка-осень,
В серебро превращает росы,
Застилает тучами просинь.

Покрывалом листьев опалых
Золотистых, пурпурно-красных,
Разноцветьем модных журналов
Бабье лето тихонько гаснет.

Ускользящие мгновенья,
Пышность и красота пейзажей,
Восхитительны откровенья
Богом созданных вернисажей!

Елена Шеремет

Литва

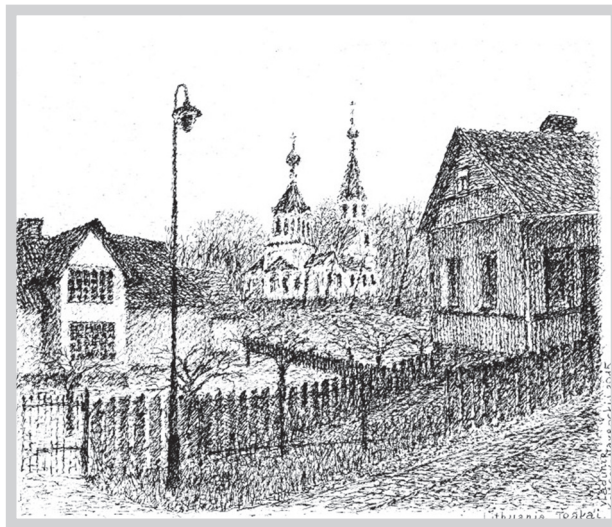
Член Союза писателей России. Председатель Ассоциации русских писателей Литвы. Автор двух поэтических сборников. Публиковалась в международных поэтических сборниках Литвы, Латвии и России. Член МАПП.

Свой путь пройти

Свой Путь пройти достойно, невзирая
На искушения земного ада, рая (?),
Не просто – это знает каждый.
Однако кто-то громкой славы жаждет,
А кто-то, ловко обойдя законы,
Бессовестно стоит у слёз иконы...
Удел бомжа – приобретение века,
Что вовсе обесценил человека...

В пути не избежать шагов неверных,
Избави, Бог, нас от поступков скверных,
А чтобы грудью полною дышать,
Нас научи, как нрав свой усмирять...
В небытие, увы, уходят люди...
Повторное пришествие? Рассудят
Века... Успеть бы жизнь свою прожить...
В Любви, Надежде, Вере – не во лжи.

В прощёное воскресенье

Не знаю, за что, но найдётся всегда:
Кому-то в ответ не сказал своё «да»,
И боль чью-то ты не почувствовал или
Советы даёшь, а тебя не просили.
Обиды, злословие, зависть, унынье...
И невниманье – опущены «крылья»,
Душа чья-то ноет и просит: «Спасите!» –
Вот почему говорю вам: «Простите».

Столпы бытия

Услышать. Принять.
Понять и простить –
Столпы бытия,
И крепкая нить,
Надежда, и кров,
И Вера, и тыл...
И Светлый Покров –
Обретение сил.

Валентина Шереметьева

Литва

*Автор трех поэтических сборников:
«Спираль судьбы» (2000), «Лестница лет»
(2009) и «Магия неба» (2014), изданных в
Вильнюсе. Член МАПП.*

* * *

Пепел сгоревших иллюзий,
Ветер, унёсший мечты,
Вечный гордиев узел –
Скука и страх пустоты.
Как избежать одиночества?
Как сохранить любовь?
Злое её Высочество
Целится в глаз, не в бровь.
Хочет владеть и править,
Хочет на цепь посадить.
Как ни старайся с ней ладить,
Всё-то ей не угодить.
Лучше, раскинув руки,
В небе легко парить,
В космосе нет разлуки,
Рифмы легко ловить.
Общаться со скоростью мысли,
Любые миры посещать,
Легко без печали и зависти
Мириться, любить и прощать.

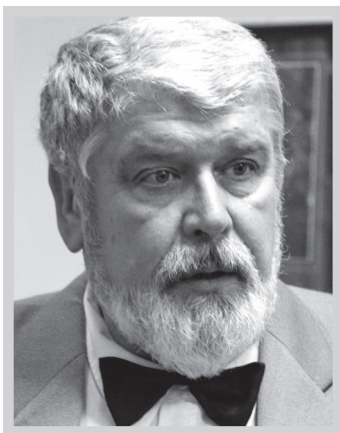
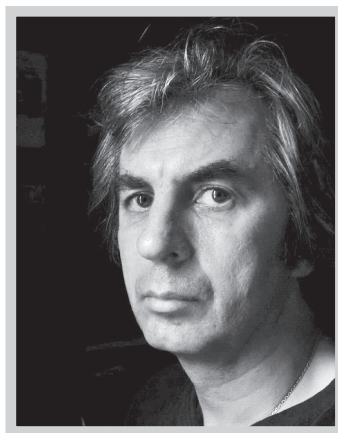

* * *

Поступки, что простить нельзя,
Что вечной раной кровоточат,
Как о распятии Христа,
Напоминают днём и ночью.
О том, что грешен мир земной,
Он соткан из противоречий.
Закон не истребим и вечен.
Ему подвластен род людской.
Как совместить любовь и ложь,
И угадать: где было, где небыль...
Возможно, ты меня поймёшь,
Но у любви так хрупок стебель.
Она нежна, она тонка,
Она совсем не материальна.
Она лишь дух. И так реально
Убить её, опутав узами греха.

* * *

Любимой быть, обласканной чинами
Мне не дано богами свыше.
Мой дух поэзии витает выше
Земных пределов. Таков перст судьбы.
И мне не надо никакой борьбы
За первые места, награды и признание.
В безмерности небес ловлю очарованье.
У них прошу прощенья и тепла.
Земная суета мне не мила.
Я устаю от светских словопрений,
И демонстрируя смирение,
От них стараюсь ускользнуть.
Таков мой нрав, а от того и путь
Не розами усыпан, а шипами.
А в остальном всегда я рада с вами
Делиться вдохновеньем и стихами.

**Валерий
Виленский****Валерий
Зубаков**

БОГ И ЧЕЛОВЕК

Член правления Союза русских литераторов и художников «РАРОГ», известный вильнюсский фотохудожник, литератор, инженер-физик и дипломированный религиовед Валерий Зубаков прислал мне тассовский материал «Черные дыры, искусственный интеллект и бозон Хиггса: научные сомнения Стивена Хокинга» (<http://tass.ru/nauka/3918958>). Я ему ответил, и завязалась мировоззренческая дискуссия, которую, с разрешения оппонента, я опубликовал у себя на страничке сайта проза.ру Валерий Иванов-Виленский 22 под названием «БОГ И СПЕКУЛЯЦИИ ВОКРУГ «ЧЁРНЫХ ДЫР», продублировав её на своей страничке фэйсбука Валерий Виленский, а также – Философия вечного и преходящего. Судя по количеству читателей, посетивших эти публикации, тема вызвала большой интерес, поэтому предлагаем познакомиться с текстом дискуссии «БОГ И ЧЕЛОВЕК и здесь, на страницах журнала «Покрова».

Валерий Иванов,

Председатель Союза русских литераторов
и художников «РАРОГ»

Валерий Виленский. Здравствуй Валера! Спасибо за присланную статью. Я её видел, но как-то не спешил читать очередной опус с псевдонаучными спекуляциями этого человека и иже... Я тоже могу рассказать сказочку на тему космогонии – ещё сочнее и забавнее! Беда всех этих ребят в том, что они оперируют понятиями, которые ещё не имеют своего точного, математического определения, а значит – и такого же материального оформления. Так нельзя рассуждать – это противоречит элементарной

логике. Только язык математики (не той, спекулятивной – «квантовой», а настоящей – классической, где $2 + 2$ всегда четыре) может придти на помощь решать проблемы космогонии.

Валерий Зубаков. Беда в том, что математический аппарат, мягко говоря, не всегда применим для описания физических процессов. Не то аппарат виноват, не то процессы не слушаются этого аппарата, а происходят так, как происходят... Не то мы просто неспособны к описанию вещей, превышающих разрешающую способность нашего познания. Мы с тобой об этом уже говорили. Поэтому всё как бы гадательно – может так, а может этак.

Валерий Виленский. В природе нет хаоса – ты знаешь этот мой основополагающий мировоззренческий тезис. Во всяком случае, мы как весьма системные образования (по законам природы сформированные на математической материальной основе), никак не можем соотноситься с хаосом и т. п. А спекуляциями и литературными изысками физикам не с руки заниматься.

Я тебе говорил, что приняв за основу второй закон термодинамики, западные физики пришли к теории «сингулярности» – «первовзрыва» расширяющейся Вселенной?! В основе их рассуждений лежит тезис о том, что в «закрытой системе» уровень энтропии постоянно возрастает, а отсюда всё остальное – и взрыв, и схлопывание и т. д. и т. п. Только вот, где они нашли такую совершенно «закрытую систему» с которой они как-то соотносились и проверили свой тезис?

Валерий Зубаков. Ну, это система не такая уж и закрытая, если предполагает связь с параллельной системой с неописанными свойствами. А на предмет способности современной математики что-то внятно описать я испытываю ооччень большие сомнения. Я имею в виду не расчеты орбит, а макросистемы. Ну, хотя бы, предсказания погоды...

Кто-то очень мудрый сказал, что самое короткое описание мира в настоящий момент времени – это сам мир.

Валерий Виленский. Правильно, математический расчет погоды связан с многими факторами очень многих взаимосвязанных систем, взаимодействие которых с точки зрения энергетики нелинейных взаимодействий таких систем необходимо учитывать в каждый текущий момент времени. А таких параметров для просчёта результатов очень часто не хватает, поскольку процессы весьма скоротечны и многоплановы по структурным данным. И всё же вероятностные исчисления дают сегодня вполне удовлетворительный результат по погодным тенденциям на вполне конкретные сроки.

Валерий Зубаков. ...ну да, почитай сводки происшествий с морозами, ветрами, штормами, цунами, землетрясениями – и сразу понятно качество вероятностного прогнозирования.

Валерий Виленский. Но именно вероятностное прогнозирование предупреждало своими сводками о возможных неблагоприятных явлениях... А человек сам делал вывод, как ему поступать... Впрочем, мы уже соскочили с темы.

Валерий Зубаков. Просто есть большое желание заменить Бога математикой, или описать (поймать) Бога при помощи формул и других заклинаний, матфизики, и прочих наук, но всякий раз почему-то разводим руками. Мир (Бог) не слушается.

Валерий Виленский. А вот это уже серьёзная тема, только вот слово «поймать» здесь «не канает». Я бы применил слова открыть, понять, обрести Бога – чтобы разумно, как изначально сказано в Писании с ним общаться, или, во всяком случае, понимать его Вселенский промысел, чтобы быть достойными содеятелями его мощи, упорядочущей и гармонизирующей материю в её бесконечных формах. Думаю, это достойная позиция человеческого разуму под Богом во Вселенской космогонии.

Вера, не требующая понимания, но только чуда, не совсем то, на что способен человеческий разум, который объективно есть по природе. Да, она необходима, не все способны понимать суть, но уповать только на веру – слишком примитивно для человека. Выходя из детства, где только вера в близких людей, в самостоятельную жизнь в природу и социум, человек не может довольствоваться только верой, ему необходимо и понимание происходящего.

Валерий Зубаков. Всё вроде так, но на деле – иначе. Есть желание знанием сначала смазать веру, а потом заменить, или просто отодвинуть в угол. Ну, мол, да, конечно, вера – это здорово! Но, вот мы хотим точно знать, что будет, сколько чего и куда потребуется, куда стоит идти, куда – нет, что стоит делать, а что – нет, и постепенно вера превращается в памятник вере, а Бог – в памятник Богу, пророк – в математика-прогнозиста, или физика, добывающего энергию, священник – в социального работника. Все это известно из античности. А потом понадобится Голем – раб, исполняющий прихоти, а потом и Бог, исполняющий желания, ну вот такая ЭВМ, исполняющая желания. И опять Вавилонская башня, всемирная империя, всемирное правительство на радость и вырождение. И опять Экклезиаст горько заметит – «Что было, то и будет, Суeta суeta, ловля ветра...»

Валерий Виленский. Красиво написал – понравилось и понимаю твою озабоченность. Но ведь мозги у людей, стремящихся быть не только предметом, но и – деятелями, не выключишь! Человек разумный есть по воле Бога! А если у него есть разум – он обязан им пользоваться, но пользоваться гуманно, т. е. человеколюбиво нравственно. В твоём рассуждении

отсутствует это измерение человеческой сущности определённой Богом. Почему? Поэтому весь твой следующий пессимизм – понятен. Я не отрицаю веру в Бога – отца нашего, возлюбившего нас – человеков. Наша обязанность именно в том, чтобы через веру, знания и разум исполнять Божий промысел среди людей, в природе на Земле и во вселенной. А этого, не постигнув математики, не удастся сделать, ибо мир математичен, и Истина нам открывается через математику – язык Божий. Лишь не понимающий это, может позволить написать себе что всё: «Суета сует, ловля ветра...» – всё ни к чему, всё абсурд. Но это не так! Разум есть – значит, и Бог есть, значит, и смысл есть! Вселенский смысл!

Нам людям надо уметь читать и понимать Его.

Валерий Зубаков. Кто сказал, что математика – язык Божий? Лосев? Астрологи? Гностики? Сам БОГ? Что-то я не встречал ни в Писании, ни у классиков теологии подобных утверждений. Может быть, сами математики в приливе крайнего энтузиазма?

Гностики – да, что-то пробовали исчислить. Астрологи – чаще подгоняли под ответ. Как-то пророки и святые обходились без этих формул. Был один пророк – Даниил, который в Вавилоне предсказал Валтасару гибель, и рождение живого Бога, и писал про некие периоды, но он один в ряду великих пророков, общавшихся непосредственно с Творцом. Он им открылся лично, а математика превращает Богообщение в механизм. Кто угодно взял формулу, подставил данные: вот на тебе – прогноз. И Бог послушно его исполняет. Что-то тут не то. Математика – новая религия? Значит Бог – это машина! Это уже было, описано, прожито и благих плодов не принесло.

Валерий Виленский. Валера, в своём ответе ты передёргиваешь суть того, что я тебе написал: «Кто угодно взял формулу, подставил данные и вот на тебе – прогноз. И Бог послушно его исполняет»? Здесь всё ложное утверждение, – ты прав. Но ты не прав в том, что утверждаешь «Бог – это машина!». Заметь, я нигде не пишу, и никогда не рассуждаю о сущности Бога! Сие есть тайна великая – Бог не постижим человеческим разумом в своей Вселенской сущности. Да, Он больше чем математика – суть язык Божий, повествующий нам об организации материи, но вселенное не есть только материя – есть метафизика разума в ней, умно организующая вся сущее, во всю нескончаемую во временах пространственную умную оформленность бытия.

По мне: ум, метафизика и физика – суть вселенского бытия в непостижимом вечном Боге (вечном, потому и не постижимом нами – смертными людьми). Религия (религии) была, есть и будет, с Богом или без него (буддизм, конфуцианство и т. п.). Не может человек жить в социуме без

нравственных измерений своего бытия, которое обеспечивают человеку именно религиозные воззрения, нормы, догмы и табу. Без этого не работает ум человеческий.

Что есть ум? Это большой вопрос и большое таинство. В своём философском манифесте «Принцип ума» (<http://photoshare.ru/office/album.php?id=199306>) я дал определенное понятие этому природно-социальному феномену, проведя чёткую грань между умом, как таковым, и человеческим умом – что не есть одно и то же, понимая Божественный ум – как непостижимый в своей вечности нашему человеческому разумению – уму. А метафизика математики – прекрасно, не только описывает свойства материи, но их и предопределяет.

А вот выдержка из моей статьи «Перед Богом нет ни эллина, ни иудея», которая позволит тебе понять мою точку зрения на данную тему:

«Русский, православный человек ходит в церковь на «службу», и как «раб Божий» никак не претендует на Его мощь, – лишь только на ласку и прощение, через покаяние перед Ним и праведные труды во исполнение заповедей Господних. В том великая разница между нравственной позицией католика и православного, некогда разъединившей христиан в ответе на «вопрос о филиокве»: православные считают, что Святой Дух исходит лишь от Бога – отца, католики – и от Сына.

Именно это позволяет полякам порой чувствовать себя «богоизбранными» в узком аспекте реального бытия, не считаясь с реалиями многоуровневого умного Божественного промысла, всеобъемлющего своими незыблемыми природными математическими законами. Именно эта самонадеянность и эгоцентричность приводит их, да и всех других западных христиан, начиная с «безгрешного» Папы римского и заканчивая протестантами различных мастей и уровней, к тем результатам, которые, как им кажется, можно достичь лишь в условиях полной свободы воли, в том числе свободной и от неукоснительного исполнения законов природы. Понятно – это глубокое заблуждение с их стороны, которое, увы, им не удалось понять в течение тысячелетий, и это было чревато большими трагедиями людей. Через смирение и гуманное нравственное совершенство, любовь и красоту развиваются культуры, задающие смысл и направление цивилизованному научно-техническому развитию человечества».

Валерий Зубаков. Что значит с Богом или без Него? Это что за такая религия без Бога? Или Он сотворил мир, или как? Опять сам сотворился? Или опять математики намудрили? Религия по определению – СВЯЗЬ С БОГОМ! Или опять – ВЕЛИКОЕ НИЧТО?

А свойства материи, увы, предопределяет не математика, математика лишь предполагает, что материя может быть и вот такой, вот такое неиз-

вестное, но возможно существующее, вещество с вот таким номером и возможными свойствами. И его открывают не потому, что его взяла и описала математика, а потому, что оно есть в природе. И математика – язык, позволяющий уловить нашим слабым разумом некоторые законы Творения, схематизированный и, как всякий язык, лишь в малой степени отражающий Сущее. Ум человеческий лишь отражает Сущее, а не предопределяет Его. И язык Бога – это не наши схемы, а нечто многократно превышающее даже наши самые смелые, сложные и продвинутые ПРЕДСТАВЛЕНИЯ о Нем. Иначе бы мы давно стали вытирать о Него ноги, сделали бы Его слугой своих прихотей.

Валерий Виленский. «Язык Бога – это не наши схемы, а нечто многократно превышающее даже наши самые смелые, сложные и продвинутые ПРЕДСТАВЛЕНИЯ о Нем», – очень верно сказано. Но нам – людям – ничего другого и не дано, как только строить свои ПРЕДСТАВЛЕНИЯ о Нём. Другие строят свои представления на основе мудрости «учителя» – такие религии есть выше упомянутые мною буддизм и конфуцианство, опираясь на которые живут и строят своё общество несколько миллиардов людей в мире, – реально существуют. Но без веры в спасение своей души эти люди тоже не живут.

Именно в этом смысле мною было указано тебе на религии, где нет ипостаси именно Бога – сверхъестественной всемогущей сущности, творящей всюду присутствующее вселенское благо в бесконечности и вне времени.

Как видишь, отрицание Бога отсутствует в моих рассуждениях, и не надо мне это вменять. Наоборот, Бог является краеугольной определённой сущностью, благодаря которой только и можно понимать вселенское сущее. Но Бог не обязательно олицетворяет собой некую определённую материальную форму – ипостась. Бог есть и Святой Дух и Сын человеческий. Гениальное определение! И кому, как ни нам – сынам человеческим, познавать Истину Его и вершить её на Земле во всевозможных реальных сущностях своего бытия.

Я об этом, а не только о созерцании в вере и молении о помиловании. Что миловать, если человек, не постигши Божественную Истину, в том числе через математику в материальном физическом мире, а, потому, не свершая блага Господне, просит лишь о спасении своей души в вечности, в Раю, уповая на свою полную покорность Писанию о Всевышнем, но не страдая за други своя... Только сознательное страдание за других и созидание во имя других, а не за себя и на себя, есть путь к духовному совершенству в Боге, который был показан нам Спасителем на кресте.

Причём здесь плотские и материальные похоти?!

Валерий Зубаков. Ничего не понял о религиях. Так ты христианин? Или буддист? Или ты вообще вне религий, то есть позитивист с признанием

некой внешней силы, действующей в мире? Или ученый, абстрактно рассуждающий о моральном и аморальном, о табуировании и догматике? Или в твоей аксиоматике есть лишь теоретические допущение Его существования, а основное место занимают вычисления, где Его сколько? «Бог – это машина» утверждаю не я, а «математизация» представлений о Нем, приведение Его к некой формуле, типа веры в $e = mc^2$, или к системе формализованных представлений, где религии – не живое богообщение, а нежизнь в Духе, жизнь в учебнике математики.

Валерий Виленский. Относительно того, что на Земле живут тоже люди, у которых своя религия, в которой нет Бога, но которые есть и живут по воле Всевышнего – об этом в той части рассматриваемой темы, которой ты коснулся своей репликой.

В моей «аксиоматике» Бог не есть «теоретическое допущение», но – метафизическая вселенская сущность, которую я не могу даже представить себе в виде чего-то конкретно формализованного (сразу перестанет быть вечным). Вместе с тем, в силу моей и нашей человеческой ограниченности и слабости во плоти, я могу и должен общаться с Богом лишь опосредствованно, через математику, физику, но прежде всего – через нравственность, систематизированную в религиозной догме, основополагающей в данном случае для меня – христианской. Реальный мир нашего существования, кроме духовного материален, и он тоже – промысел вселенского Бога. Мы познаём материальный мир через математику и строим из него нужное человеку – посредством математики и технических приспособлений, детерминируя всё это аксиологическими воззрениями на своё человеческое бытие. Иного нам не дано.

Твоя фраза: «живое Богообщение» – мне непонятна. Как это? Аналогично: «жизнь в Духе»? Да, и я не призываю жить по учебнику математики, который лишь учит нас сегодня познавать материальный мир. Но, я убеждён, что все системы, как чёткие умные математические сущности, детерминируют сознание и быт людей, их нравственную систему аксиологии. И сразу подчеркну – системы есть сущность Божественного промысла, то есть – Бог в системах! (если хочешь упрощённо). Вне систем ничего нет на этом свете и даже хаоса (риторический антоним системе).

Валерий Зубаков. Религиозная культура предусматривает непосредственное общение с Богом, в молитве, в таинствах – исповеди, Причастии, Елеопомазании, Крещении и т. д., т. е. в таинственных действиях в Духе, позволяющих не терять контакта с ним НИКОГДА. То есть находиться в Духе, в Богообщении постоянно, в каждый момент своей земной жизни. А решение о том, что в данном моменте нравственно, необходимо, желательно, возможно, невозможно, нежелательно – верующий решает не сам,

а отдает на усмотрение Богу. То есть без формул, без груза излишних представлений. Просто обратился и верою пошел делать то, в чем просишь помочь. Монахи практикуют «умную молитву», постоянного призывания имени Божьего, и в этом деле добиваются таких вершин, что по их молитвам выигрываются сражения, останавливается движение светил, они в огне не сгорают, в воде не тонут, когда надо – знают будущее и без вычислений, пятью хлебами могут накормить 5000 человек, превращают воду в вино, лечат, спасают, наводят засуху, вызывают дождь, превращают сено в золото, и обратно – в общем, много-много феноменальных и необъяснимых для науки, и математики в том числе, действий. Это и есть ЖИВОЕ БОГООБЩЕНИЕ, то есть не общение с мыслимой сущностью, а с живым личным Богом, который любит и помогает каждому нуждающемуся в помощи человеку. А вот что это будет за помощь, Он решает Сам, чтобы мы своими эгоистическими интересами не нанесли вреда Его Творению и людям его населяющим.

Валерий Виленский. Валера я понимаю, всё, что ты мне сейчас написал. Всё это требует веры и только веры! Видимо я не совсем правильный человек, поскольку, образно говоря, как Фома Неверующий простираю свои персты в раны Господни, чтобы убедиться в их подлинности.

Для меня очень важно человеческое сознание, возможное через знания, опыт, ум и рассудок. А тут без аргументов, логики и практики – никак.

Я уповаю на этот Божественный промысел и таинство – человеческий ум. Поэтому отдавая веру тем, кто может жить только по ней, я иду своим путём, требующим постоянной работы и человеколюбия, ибо, в конечном счёте, не только мне это нужно. Рад весьма, что пока Бог сохранил меня, проведя через очень жестокие испытания, и призвав к себе другого человека, вместо меня, ночью 13 января 1991 года. Это придаёт мне силу и уверенность в правильности моего пути, который строится не только на вере, но и на знании людей, их социумов и природы. Это не гностицизм и его различные формы. Я иду – и не хочу, и не претендую на изменения христианских догм. У меня сложилось чёткое понимание и умного бытия человечества, в многомерном вселенском естестве, олицетворяющем Божественную сущность разума.

Валерий Зубаков. Ну что я могу тебе еще сказать? Бог тебе в помощь!

Валерий Виленский. Спасибо! Кстати, как ты заметил я не противоречил тебе, не отвергал твои мудрые доводы, но показывал, что у меня такой вот – несколько другой – взгляд на сущее, где умный деятельный человек дерзает и творит по Истине Божественного вселенского разума.

Лидия Довыденко *Россия, Калининград*

Член СП России, член Союза журналистов России, главный редактор журнала «Берега», автор 20 книг. Лауреат Международного литературного конкурса «Славянские традиции», «Русский стиль», победитель в конкурсе журналистского мастерства «Слава России», лауреат литературной премии «Щит и меч Отечества», обладатель нескольких Международных литературных премий.

ДУХОВНОЕ СОКРОВИЩЕ ЯНТАРНОГО КРАЯ

Когда меня спрашивают о самой яркой достопримечательности Калининградской области, я без колебания отвечаю, что это иконостас в нижнем приделе кафедрального собора Христа Спасителя в Калининграде, изготовленный в эпоху правления Елизаветы Петровны. Это произведение искусства и духовное сокровище, символ русской воинской славы, драгоценная реликвия Православной церкви – дань памяти тем четырем годам (1758–1762), когда Восточная Пруссия являлась провинцией России.

«Освящение нашей церкви»

Среди воспоминаний, исторических исследований или художественных осмыслений «русского периода» XVIII века, как, например, роман Валентина Пикуля «Пером и шпагой», выделяется подробное описание жизни в Восточной Пруссии А. Т. Болотова.

Находившийся на службе у сменявших друг друга губернаторов в Королевце (так называли в России Кенигсберг, а в Польше и в Литве до сих пор называют Крулевец и Королявичус) на должности переводчика, дворянин, офицер, сначала подпоручик, а затем – поручик, Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1835) – ярчайший представитель эпохи Просвещения. Он написал 350 томов литературных и религиозно-философских произведений, около четырех тысяч научных работ в области экономики,

сельского хозяйства, растениеводства, почвоведения, лесопользования, агрономии, рыбоводства, метеорологии, медицины, педагогики, ландшафтной архитектуры и многих других сфер деятельности человека.

Среди сотни томов его произведений наиболее известна и цитируема книга, названная «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Она состоит из отдельных глав-воспоминаний в виде писем, в которых речь идет о Восточной Пруссии, пребывании в ней и оставлении её по велению Петра Третьего после скоропостижной смерти императрицы Елизаветы Петровны.

Среди «знаменитейших происшествий», свидетелем которых был Болотов, он называет «освящение нашей церкви». Вот как он описывает переоборудование лютеранской церкви под православную: «Помышляемо было о том, где б можно было нам сделать порядочную для всех россиян церковь, которая и нужна была как по множеству нашего народа, так и потому, что императрице угодно было прислать к нам туда для служения и архимандрита со свитою, певчими и со всем прибором».

Была выбрана церковь, находившаяся неподалеку от замка, и «сию-то кирку надобно нам было тогда освятить и превратить из лютеранской в греческую. Избрана и назначена была к тому одна из древнейших кенигсбергских кирок, довольно хотя просторная, но самой старинной готической архитектуры, с высокою и остроконечною башнею или шпицем».

Возникло «затруднение»: «чтоб снять с помянутого высокого шпица обыкновенного их петуха и поставить вместо того крест на оный, однако мы произвели и сие».

Отысканы были люди, отважившиеся взлезть на самый верх оной башни и снять не только петуха, но и вынуть из самого яблока тот свернутый трубкою медный лист, который есть у иностранных обыкновение полагать в яблоко на каждой церкви, и на котором листе вырезают они письма, означающие историю той церкви, как, например, когда она? по какому случаю? кем? каким коштом? какими мастерами и при каком владельце построена и освещена, и так далее. Мне случилось самому видеть оный вынутый старинный лист, по которому означилось, что церковь та построена была более, нежели за двести лет до того. И мы положили его опять туда, присовокупив к тому другой и новый, с вырезанными также на нем латинскими письмами, означающими помянутое превращение оной из лютеранской в греческую, с означением времени, когда, по чьему повелению и кем сие произведено. А посему и остался теперь в Кенигсберге на веки монумент, означающий, что мы, россияне, некогда им владели и что управлял им наш генерал Корф и производил сие превращение. Что касается до иконостаса, то прислан оный был из Петербурга, написанный

прекрасно на камке и довольно великолепный; а прислана была также оттуда и вся прочая церковная утварь и ризница на славу, очень богатая и великолепная. Самый архимандрит прислан был уже другой, по имени Тихон, и муж прямо благочестивый, кроткий, ученый и такой, который не делал стыда нашим россиянам, но всем поведением своим приобрел почтение и от самых прусских духовных. Сей-то самый архимандрит освящал тогда сию церковь: и как церемония сделана была при сем случае самая пышная, то привлекла она бесчисленное множество зрителей, и все пруссаки не могли духовным обрядом нашим, а особливо миропомазанию самых церковных стен, которое и нам случилось тут впервые видеть, довольно надивиться. И как в сей церкви и служение производилось всегда на пышной ноге, с прекрасными певчими, и как архимандритом, так и бывшими с ним, иеромонахами сказываны были всегда разумные проповеди, то все сие тамошним жителям так полюбилось, что не было ни одной почти обедни, в которую не приходило б по несколько человек из тамошних зрителей для смотрения».

Православные церкви и их иконостасы

На территории Восточной Пруссии не было ни единого православного храма, и было принято решение – создать церкви в основных трех гарнизонах: в Кенигсберге (Калининграде), в Пиллау (Балтийске) и в Мемеле (Клайпеде). По указу императрицы Елизаветы Петровны были выделены специальные средства на изготовление трех иконостасов, трех комплектов утвари и ризницы для русских войск в Пруссии. В 1760 году церкви были устроены и освящены. В Кенигсберге – во имя Воскресения Христова, в Пиллау – Сошествия Святого Духа, в Мемеле – Преображения Господня. После возвращения королевства Пруссии Петром III королем Фридрихом Второму все три иконостаса сначала были доставлены в Санкт-Петербург и некоторое время хранились в Петропавловской крепости. Затем иконостас из Пиллау был установлен в церкви Императорской Академии изящных искусств в Санкт-Петербурге. Иконостас и утварь кенигсбергской церкви были отправлены в российское посольство в Вене, а Мемельский – в посольскую церковь в Стокгольме.

Шли годы, и следы иконостасов затерялись. Неизвестна судьба кенигсбергского, оказавшегося в посольской церкви в Вене исчез из церкви Петербургской Академии художеств пиллауский иконостас в революционном и богоборческом огне в 1918 году. А вот мемельскому иконостасу повезло больше. Сегодня он находится в Кафедральном Соборе Христа

Спасителя в Калининграде. Здесь иконостас называют Суворовским, в честь одного из губернаторов Восточной Пруссии Василия Ивановича Суворова (1705–1775), генерал-аншефа, сенатора, отца будущего генералиссимуса Александра Васильевича Суворова-Рымнического.

27 сентября 2007 года Митрополит Смоленский и Калининградский, сегодня – Святейший Патриарх Всея Руси Кирилл совершил чин Великого освящения малого храма Кафедрального собора Христа Спасителя в Калининграде – Храма Воинской Славы, где установлен Мемельский иконостас.

История спасения Мемельского иконостаса

Как же, каким образом он попал в Калининград? Мемельский иконостас долгие годы находился в церкви при посольстве России в Швеции. Переехал он в Гамбург в 1900 году по инициативе русского дипломата Сергея Васильевича Арсеньева. В 1900 году в Гамбурге был освящен Свято-Никольский храм, помещение для которого приобрело основанное при Российском посольстве Свято-Князь-Владимирское братство. Тогда С. В. Арсеньев предложил установить здесь Мемельский иконостас. Ведь будучи на службе в шведском консульстве он немало времени провел в молитвах перед этой исторической реликвией. К этому времени Сергей Васильевич Арсеньев уже был российским министром-резидентом ганзейских городов в Гамбурге и Любеке. Сюда приходил он на службы со своими детьми.

К иконостасу приходили высланные из России после революции 1917 года эмигранты, православные люди молись перед ним о победе над фашизмом во время второй мировой войны. В Гамбурге службы у этого иконостаса шли до 1965 года, когда был построен новый храм.

Ведомство по охране культурно-исторических памятников в Гамбурге поставило вопрос о передаче иконостаса в один из музеев Германии. Свято-Князь-Владимирское братство передало иконостас в Российское посольство в Бонне.

4 сентября 1996 года на самолете МИДа он был доставлен в Москву, а затем – в Калининград по просьбе администрации Калининградской области. Семь лет он пролежал в Калининграде в ящиках. Понадобились долгие годы, чтобы его отреставрировать. Много усилий в этом направлении положил председатель Свято-Владимирского братства в Гамбурге Глеб Александрович Рар. В 2001 году подключилось Министерство культуры РФ. Реставрация проходила в институте имени И. Грабаря, в мастерской масляной живописи Государственной Третьяковской галереи.

«Мы вновь едины»

На церемонии передачи иконостаса в Россию Председатель Свято-Князь-Владимирского братства Глеб Александрович Рар сказал: «Восстанавливается связь времен. Преодолевается бывшее противостояние русских людей. Мы вновь едины. Роднит нас и объединяет наша общая воля созидать новую Россию на началах правды и справедливости, образованную и культурную, благоденствующую и преуспевающую, великую и могучую. «На славу нам, на страх врагам».

Возвращение на родину иконостаса церкви российской армии времен Семилетней войны – более чем просто символ. Иконостас этот – святыня Церкви, реликвия нашего воинства, редкостный памятник русского искусства».

Вряд ли С. В. Арсеньев мог предположить, что спасенный им иконостас спустя почти век окажется в городе, где после революции 24 года в эмиграции в Кенигсберге с 1920 по 1944 годы жили его жена Арсеньева Екатерина Васильевна и дети: Василий Сергеевич – известный историк, генеалог, Николай Сергеевич – философ, автор более 60 книг, Наталья Сергеевна – очеркист, Вера Сергеевна – педагог, Анна Сергеевна – писательница, публиковавшаяся по псевдонимом Анна Анзерова, Юрий Сергеевич, – сотрудник ООН, которые за неимением в Кенигсберге православной церкви, арендовали здание гимназии, чтобы в святые праздники собраться там православным изгнанникам.

Я люблю приходить в малый храм Кафедрального собора Христа Спасителя в Калининграде – Храм Воинской Славы. В центре иконостаса расположены главные ворота, через которые во время службы выходит священник. На воротах изображены архангел Гавриил, Пресвятая Богородица и евангелисты Иоанн, Матфей, Лука и Марк.

Слева от центральных ворот расположены иконы первого дьякона Стефана и образ Богородицы с Младенцем, а справа – икона Господа Вседержителя и икона Преображения Господня.

Отрадно, что у иконостаса сегодня совершают молитвы жители Калининградской области.

Содержание

Prosa

Роза Шорникова. Золотая рыбка. Рассказ	5
Владимир Орданский. Жертвоприношение	7

Ars Poetica

Елена Антипова. В тумане над водой. Элегия	26
Наталья Кошина. Стихи	29
Екатерина Полянская. Стихи	43
Александр Фролов. Не хуже, не лучше... Стихи	55

Лаборатория переводчика

Александр Гуревич. Переводы. Шекспир	67
Лариса Мелихова. Долгий разбег	74

Философский семинар

Михаил Гофайзен. Последняя метафизика	79
---	----

Litterarum ludum

Алексей Бердников. Пушкин в Гурзуфе	167
---	-----

Штудии

Нина Гейде. В футляре Вселенной.....	203
--------------------------------------	-----

Мы помним...

In Memoriam

Владимир Френкель. Владик Владимирский, или Рассказ о бедном рыцаре.....	226
Владилен Владимирский. Пародии... Эпиграммы... Ремейки.....	230
Евгения Ошуркова. Владiku Владимирскому	236
Вадим Новожилов. Другу	238
Анатолий Гершкович. Стихи.....	242

Содержание

Terra Bardarica

Георгий Георгиевский. Бард-баллады	242
--	-----

Журнал в альманахе

Журнал «ПОКРОВА»

Эляна Суодене. Международный фестиваль духовной поэзии «ПОКРОВА»	258
Ева Ахтаева. Стихи	261
Арон Гаал. Стихи	264
Лайма Дебесюнене. Стихи	266
Ольга Деньковская. Стихи	268
Валентина Екатериничева (Фатеева). Стихи	271
Валерий Зубаков. Стихи	273
Галина Иванова. Стихи	276
Регина Канаева. Стихи	278
Элен Кофман. Стихи	280
Иван Кунцевич. Стихи	283
Виктория Куракевич. Стихи	286
Надежда Кябликене. Стихи	289
Сергей Лавров. Стихи	291
Эльвира Поздняя. Стихи	293
Георгий Почуев. Стихи	295
Валентина Скарджювене. Стихи	297
Нина Хижий. Стихи	299
Елена Шеремет. Стихи	301
Валентина Шереметьева. Стихи	303
Валерий Виленский, Валерий Зубаков. Бог и человек	305
Лидия Довыденко. Духовное сокровище Янтарного края	313

Редакционная коллегия выражает сердечную благодарность

ЭЛЕН КОФМАН

за всемерную поддержку и искреннее участие

в издании альманаха «Oceanus Sarmaticus»